

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ ПЕРЕВОДЫ КНИГ

ДЖ.Э. ХАСС

ПОВСТРЕЧАЙ МЕНЯ ВО

ТЕНЬ

ТЕМНЫЙ РОМАН

Он пустой, бесчеловечный, лживый и жестокий. Но она и не хотела никого лучше. Сидни жила в страхе восемь лет после того, как наемный убийца Мэрк не стал спасать ее от группы ополчения, по своей структуре напоминающей культ. Брошенная на попечение садиста, она делала все, что только требовалось, ради выживания. Но последние слова Мэрка вселили в Сидни надежду. Надежду, что он вернется и закончит начатое. После того, как ее отец предал Мэрка, тот превратил Сидни в свою следующую цель. А в достижении своих целей Мэрку не чуждо использование секса, лжи и даже любви в роли оружия. Он знает как вести себя с такими напуганными девушками, как Сидни. У него все под контролем. Всегда все под контролем. Но Сидни Ченнинг не та, кем кажется. И единственный поступок Мэрка во имя искупления — именно тот, в результате которого жизнь Сидни превратилась в ад наяву — может оказаться его самой жестокой ошибкой.

Дж. Э. Хасс

Повстречай меня во тьме

Оригинальное название : Meet Me in the Dark by J.A. Huss 2015

Переведенное: Дж. Э. Хасс — Повстречай меня во тьме (2017)

Перевод : Алена Мазур

Редакторы и оформитель : Анастасия Токарева, Дарья Федюнина, Вероника Сверчкова (33—Эпилог)

Обложка: Анастасия Токарева

Вычитка: Виктория Ковальчук

PROLOGUE

STORY

Сочельник

Восемь лет назад

"Страх — не ваш враг. Страх помогает вам выжить."

— *Сидни*

Темнота — мой друг. Сколько раз я говорила себе это в течение многих лет?

Я вижу тени вдалеке, и они все приближаются. Двое мужчин. Только двое? Серьезно? За кого они нас принимают?

— Есть кто, Сидни? — Гаррет прямо у меня за спиной, его руки на моей талии. Но они не задерживаются на одном месте.

Не поворачиваясь, я отвечаю:

— Неа, никого нет в поле зрения.

Он щипает кожу на моих ребрах. Я не толстая, потому это причиняет боль. Но я знаю, что лучше не реагировать.

Он наклоняется к моему уху и выдыхает:

— Твой отец никогда нас не разлучит.

Я поворачиваюсь к нему, улыбаясь.

— Никогда. — Затем поднимаюсь на носочки — даже при том, что в такой позе я все равно не смогу дотянуться до его губ, если он не наклонится — и предлагаю поцелуй.

— У меня есть план, как удержать тебя рядом навсегда. Ты лишь должна мне довериться. Ты мне доверяешь, Сидни? — Он смотрит прямо на меня этими глубокими зелеными глазами. Они будто видят меня так, как я сама себя не могу увидеть.

— Да, — шепчу я, неистово желая, чтобы он поверил моей лжи. Я терпеливо жду поцелуя вместо ответа, но он просто продолжает пристально на меня глядеть. Его глаза такие таинственные и темные, даже несмотря на насыщенный зеленый цвет радужки. Они привлекли меня в нем с самого начала. Эти зеленые глаза. Их мерцание. Той ночью, когда я повстречала его, они светились, но сегодня в них читается обещание жестокости. Оглядываясь назад, я понимаю, что тот свет был ложью.

Мои икры горят огнем от длительного стояния на носочках, но Гаррет никогда не выдает, что у него на уме. Никогда. Меня легко прочитать, он же непроницаем.

— Повернись и гляди в оба, — говорит он, отстраняясь.

Я делаю, как мне велено, сдерживая вздох облегчения от того, что он не стал меня целовать. Но пока наблюдаю за двумя движущимися тенями на улице, прокручиваю все у себя в голове.

Я не знаю, кто здесь плохие парни. Те, что в доме, или те, что подкрадываются снаружи. Черт, я не уверена даже, что в мире есть кто-то *кроме* плохих парней. Но одно знаю точно, Гаррет — худший из них всех.

Ему двадцать четыре года, мне шестнадцать, он — мужчина, я — девочка. Он высокий, я низкая. Он злобный, я безнадежна.

Интересно, это ли они сказали искать этим мужчинам? Мужчинам, которые охотятся на маленьких девочек? Им нравится злить нас. Им нравится, когда мы дерзкие и дикие. Им нравится наше отчаянье, которое мы ощущаем, будучи оторванными от гребаного мира.

И я одна из таких вещей, которые им нравятся. Или, по крайней мере, была ею.

Два года я нахожусь под влиянием Гаррета и начинаю думать, что битва была выиграна

независимо от моих телодвижений. Он никогда не хотел иметь партнера во всем этом дерьме, в которое ввязал нас. Ему просто нужен был тот, кого можно трахать и контролировать. И когда я отказалась — сказала ему, что девственница — он повалил меня на пол и...

Лай собак на улице вырывает меня из раздумий. И спустя мгновение к общему лаю присоединяется еще больше псов. В этом месте содержится довольно много собак. Они отпугивают всяких говнюков.

— Ты видишь их? — зовет Гаррет с другой комнаты, где в это же время другие мужчины заряжают оружие.

— Нет, — отвечаю я. И я правда ничего не вижу. Просто знаю, что они уже здесь. Так что это даже не ложь.

Дверь открывается, и друг Гаррета — Джаред — заходит в комнату, кутаясь потуже в пальто.

— Просто койот. Он уже убежал. — Ветер поднимает, кружит снег, и холодный порыв воздуха ударяет мне в лицо, заставляя моргнуть и сделать глубокий вдох.

Это бодрит.

Это и правда происходит, Сидни. Это твой шанс. Не проеби его.

Я больше не слышу ничего из соседней комнаты, кроме звуков зарядки оружия, потому снова фокусируюсь на темноте за окном. Луна поднялась за это время еще выше, но сейчас не видно ни одной движущейся тени. Возможно, сведенья Гаррета были ошибочными? Быть может, сегодня нас навестила только разведка?

Как только я думаю об этом, все начинается. Окно передо мной разлетается на части, и в комнату залетает газовый баллон.

Но я готова к этому. Мы все готовы. Потому что среди прибывших сегодня к нам парней есть предатель, он предупредил Гаррета. Не уверена, какой во всем этом смысл, но в этом нет ничего странного, учитывая мой одурманенный наркотиками разум, которые каждый вечер заставляют меня принимать Гаррет.

Я хватаю свой противогаз с пола и одеваю, а затем нацеливаю винтовку на разбитое окно, нервно оглядываясь на Гаррета. Он орет приказы Джареду и Клайду, так что я знаю — вот он. Мой побег близко. Я выбиваю остатки окна локтем, ощущая острые куски через тонкую ткань своей куртки, а затем снова оглядываюсь. Джаред все еще в другой комнате, и мужчины отстреливаются.

Я перекидываю винтовку через плечо и опираюсь руками на внешний подоконник, подпрыгивая.

Однако в следующую секунду на моей талии смыкаются руки, затягивая в дом.

— Какого хрена ты творишь, Сидни?

Я глотаю воздух, поворачиваясь к Гаррету. В противогазе он кажется персонажем фильма о войне.

— Я увидела их! — голос звучит гнусаво из-за моего собственного противогаза. — Я увидела их возле деревьев. Я...

Он валит меня на пол, а затем стягивает мою маску. Химические вещества тут же заполняют рот и нос. Мое горло сжимается, и затем в живот врезается его ботинок.

— Это ты впустила их, Сидни? Ты пыталась кинуть меня?

Я мотаю головой и поднимаю взгляд в его направлении, но не могу больше ничего разглядеть, лишь облако окружающего нас дыма.

Снаружи доносятся звуки пальбы. Пули влетают через окно, которым я только что собиралась воспользоваться для побега. Ботинки Гаррета стучат о деревянный пол хижины, и я снова тянусь к маске. Уходит несколько секунд, чтобы я ее одела, но вред уже нанесен. Мои глаза горят.

Я встаю, пытаюсь приподняться над облаком, но я невысокая, так что у меня нет и шанса. Нащупывая стены, я снова нахожу окно. Поднимая руки, я удерживаю переброшенную через плечо винтовку, на случай, если те парни все еще следят за этим окном, но никаких признаков этого не наблюдается. Так что я снова вслепую упираюсь руками в подоконник, и на сей раз никакие крепкие руки меня не останавливают. Я выпрыгиваю на улицу и жестко приземляюсь на снег. Он мокрый и холодный, но почему-то очень приятно ощущается на открытых участках моего лица.

Я ползу пару метров и затем встаю на ноги, стремглав бегу к деревьям. За моей спиной что-то взрывается, но я не чувствую ни жара, ни летящих мне вслед кусков хижины, так что понимаю — это одна из наших бомб. Отвлечение. Они работают так же, как и грузовики с псами, по плану. Нападающие мужчины заботятся больше о собаках, даже несмотря на то, что у меня есть ружье и я могла бы пристрелить их.

Никто не зовет меня, и это несказанно радует.

Я спотыкаюсь о толстый ствол дерева, как раз на краю равнины за хижинкой, и падаю, моя винтовка вылетает из рук, и я чувствую кончиками пальцев лишь край ее длинного ремня.

Блядь! Не потеряй ружье, Сидни!

Я подтягиваю винтовку к себе, радуясь, что она все еще со мной, а затем сбрасываю противогаз, так как уверена, что слезоточивого газа больше внутри него, чем снаружи.

Я вынуждаю себя открыть глаза. Кажется, луна стала ярче за этот короткий миг, пока я была во тьме, но знаю, что это не так. Я просто облажалась.

Я прищуриваю глаза, потому что почти ослепла, и вижу лишь кусочек земли под ногами. Хромая вперед, я достигаю высокой сосны и прячусь за ней.

— Сидни! — Гаррет зовет меня по имени, а потом я слышу хруст снега от его шагов в моем направлении.

Я паникую и направляю винтовку в его сторону, нажимая спуск, не целясь.

— Ты, сучка, — говорит он, добираясь до меня в целостности и сохранности. Он выхватывает винтовку из моих рук, толкает меня лицом в снег, прижимаясь всем своим сильным телом к моей спине, и удерживает в таком положении. — Ты почти подстрелила меня, тупая пизда. Давай же, — говорит он, вставая с меня и поднимая на ноги. — Фаза один окончена. Мы должны переходить к выполнению плана Б. Если бы ты сделала свою работу как следует, мы бы уже были в грузовике. — И затем он сжимает мое лицо между большим и другими четырьмя пальцами и сильно надавливает. — Молись, чтобы я не утратил окончательно свое доверие к тебе, Сидни. Иначе ты заплатишься за это. Я...

Стрельба обрывает его слова. Пули пролетают мимо меня, попадая в ветви деревьев и распространяя насыщенный запах хвои. Я борюсь с Гарретом, и мне удается освободиться. Но только потому, что он занят пальбой в ответ.

Мое зрение немного прояснилось, так что я открываю глаза так широко, как могу, и бегу.

Я бегу.

Мои ноги погружаются в глубокий снег, когда пересекаю расстояние между двором и

линией кустов, что в целом очень схоже со снами, которые мне обычно снились здесь. В них я шла, погрязая в глубокой грязи.

Но сейчас меня это не заботит. Что может быть хуже моего побега — так это его провал. В любом случае, я знаю, что моя жизнь однажды закончится. И если это конец, я лучше встречу с киллером во тьме, нежели буду продолжать играть роль куклы Гаррета в новом лагере.

— Сидни, — зовет он снова. Но я продолжаю бежать. Натыкаясь на глыбу льда, я спотыкаюсь, мои колени больно подгибаются, когда пытаюсь удержать равновесие и не упасть, а затем я все-таки снова валюсь на снег. Скользя по его верхушке, словно кролик, бегущий к замерзшей реке.

"Будь кроликом, Сидни," — твердит мой разум. — *"Будь кроликом."*

И как ни странно снег удерживает мой вес, когда я делаю маневр назад к хижине, пытаюсь сбить Гаррета со своего следа.

Несколько минут на свежем воздухе творят чудеса с моим зрением, и к тому времени, как я достигаю линии низких сосен с запада от хижины, я могу видеть гораздо лучше.

Возле дома остался лишь один грузовик. Грузовик, внутри которого должны были быть мы с Гарретом, если бы все пошло по плану.

Несколько секунд я пристально гляжу на него, и в это же время стихают все выстрелы.

Он больше не орет мое имя. Никаких криков не слышно в окрестности. Нет свиста пуль.

Кто бы не остался здесь, мы все притихли и выжидаем.

Мое сердце, которое до этого отлично справлялось с ситуацией, несмотря на напичканные в меня наркотики, начинает биться быстрее, так что, думаю, у меня может случиться сердечный приступ.

Я слышу отдаленный звук вертолета и гадаю, кому он принадлежит: нам или им. А затем качаю головой. Я больше не часть этого. Не важно, что случится, я больше не часть всего этого. Больше нет никаких *нас*.

Есть только они.

Я смотрю, пытаюсь в голове построить путь к грузовику. Если я смогу добраться до него раньше Гаррета, то сумею уехать куда захочу. Ключи спрятаны под рулем, в магнитной коробочке. Если я смогу туда добраться...

Я бросаюсь к каменной глыбе, несколько раз ноги скользят в глубокий снег, от чего мой шаг более походит на рубку леса, чем на бросок, и затем кто-то толкает меня в спину.

Тело ударяется о лед, на лице рассекается кожа, но по-прежнему не слышно звуков пальбы. Это не Гаррет.

Мне на спину опускается ботинок, сильно прижимая тело к земле.

— На хрен не двигайся.

Но я двигаюсь. Я поворачиваю голову и гляжу в лицо убийцы. Я его не знаю, но это и неважно. Мне все равно, кто он.

— Не стреляй, — шепчу я.

Он опускается на колени, располагая их по обе стороны от моего тела, а затем переворачивает меня, прижимая пистолет к моему лбу.

— Куда, твою мать, они направились?

Я смотрю на него. Его лицо закрыто черной тканью, так что видны одни глаза. Это темные глаза мужчины, который готов убивать. И он знает это. Он был создан для этого.

Мое молчание раздражает его, так что парень кладет руку мне на горло и сжимает.

— Тебе лучше начать говорить. Кто сказал им, что мы придем?

— Сидни! — орет Гаррет. Почему он все еще здесь? Почему не уехал?

— Прошу, — говорю я парню. — Вытащите меня отсюда. Мой отец...

— Твой отец втянул меня в это, сука. Ты никуда со мной не пойдешь.

— Нет, клянусь. Ты здесь, чтобы спасти меня! Ты здесь, чтобы вернуть меня домой!

— Сидни! — снова кричит Гаррет.

Мои глаза мечутся в направлении звука его голоса.

— Ты боишься его, а? — спрашивает меня этот огромный мужчина. — Это меня тебе следует бояться, Ковгерл. Не его. Но если он может заставить тебя говорить, тогда так тому и быть. — Он отпускает мое горло и кричит: — Я поймал ее, Гаррет. Она сдала тебя! Рассказал нам, где ты.

Все это время я мотаю головой.

— Нет! — кричу я. — Нет!

Огромный мужчина тянет вниз ткань, закрывающую его лицо, так что теперь я его вижу. А затем он улыбается.

— Я оставлю тебя здесь, Сидни. Я оставлю тебя здесь с Гарретом. Он сделает с тобой такие вещи, которые посчастливилось испытать только тем, кто предал наш мир.

— Прошу, — шепчу я.

— Расскажи мне, какой план был у них на сегодняшний вечер.

Я слышу отдаленные звуки вертолета и смотрю на небо.

— Они здесь не ради тебя, сучка, — говорит мужчина. — Они здесь ради меня.

— Убей его, — произношу я. — Если ты его убьешь, он не сможет поймать меня, и тогда я расскажу тебе все.

Он ударяет меня кулаком в лицо так сильно, что я чувствую боль в шее от того, как резко моя голова поворачивается в сторону. От силы удара вибрирует мой череп, временно вырубая меня, но я все еще могу слышать происходящее. Темноволосый мужчина орет что-то Гаррету.

Они заключают сделку, которая включает мою передачу Гаррету в обмен на информацию.

— Нет, — пишу я. — Прошу. — Но не думаю, что этот парень слушает меня, потому что он не перестает перекрикиваться с Гарретом. — Я расскажу тебе, — говорю я. — Я расскажу, кто цель, если ты просто поможешь мне сбежать от него.

Это привлекает его внимание.

— Кто?

— Маленькая девочка.

И в этот момент я вижу зло в его чистом виде.

Может Гаррет подлый садист, но этот парень совсем другой уровень пиздеца.

Он наклоняется к моему лицу и шепчет:

— Я приду за тобой, сучка. Когда ты будешь этого меньше всего ожидать. Когда твоя жизнь вернется в нормальное русло, и все это будет казаться лишь ночным кошмаром. Когда ты считаешь, что все кончено. Я вернусь за тобой. — И затем он наклоняется ближе к моему уху. — Я *обладаю* тобой.

CHAPTER ONE

SYDNEY

Наши дни

Где-то в округе Джексона, Вайоминг

"Я называю это адаптацией. Нечто среднее между компромиссом и уступкой. Это не полная капитуляция, но и не победа."

— Сидни

Сейчас я гляжу из окна, вспоминая ту ночь в мои 16 лет. Он оставил меня там, как и сказал. Гаррет забрал меня, и вот так началась моя взрослая жизнь. В ужасе, одиночестве и беспомощности. В насильном принуждении к подчинению. В тот год я потеряла саму себя. Вероятно, все случилось даже еще раньше, но это я понимаю только теперь. Это была не первая моя стычка с Гарретом, но она стала переломной. Он забрал меня, напомнил о том, чего от меня хотел, а затем, как и все другие в моей жизни, исчез.

Мы купили бар в Шайенне после того, как разобрались со случившимся в хижине дерьмом. И все шло своим ходом, но через восемь месяцев моего отца убили, подстроив авиакатастрофу во время его перелета в Джексон-Хоул, куда он отправился на неделю отпуска кататься на лыжах. Его тело так и не нашли, что вызвало море слухов. Мой отец был Сенатором США от штата Вайоминг в течение более десятилетия. Ожидалось, что он выиграет третий срок на следующих выборах, но тут случилось это. Не могу сказать, что его смерть сломила меня, когда я узнала о ней из новостей. Или хотя бы удивила. У него было много врагов.

Врагов, в числе которых были должностные лица, имеющие власть в самых влиятельных на планете государствах. Конечно, в данных кругах у него имелись и друзья. Но Компания — секретное теневое правительство, в котором он был рожден — разделилась надвое десятилетие назад, в результате чего почти сотня членов были убиты, а национальные СМИ ошибочно назвали это "Борьбой за власть".

Каким-то образом Гаррет связан со всем этим. И я тоже, посредством своего отца. Но они никогда не хотели ничего от меня, так что запрос Гаррета на обладание мной был удовлетворен без особых протестов.

Когда умер отец, Гаррет устроил вечеринку в баре, празднуя мое успешное вливание —

слова Гаррета — в его... ну, как это назвать? Культ? Не совсем. Ополчение? Да, но они были чем-то больше этого. Предполагаю, я бы даже могла назвать их его семьей. Я стала его семьей.

И даже несмотря на то, что моя семейная жизнь была крайне запутанной, я правда не считаю, что то, что было у Гаррета, является примером семьи. Это правда.

По крайней мере, я была свободна от обязательств Компании. Я утратила всю поддержку. Вместо того, чтобы стать собачонкой Компании, я на все сто процентов была отдана Гаррету. Но даже под наркотой, будучи глупой шестнадцатилеткой, я понимала, что находится подальше от дерьма Компании — благо.

Мой отец не был слишком популярен в моих кругах общения. Конечно, катастрофа была расценена как несчастный случай. Ошибка пилота. Но люди обычно так не умирают. Нет никаких случайностей. И какое-то время я даже думала, что это Гаррет его убил. Или, по крайней мере, я хотела в это верить, потому что альтернативой было бы считать убийцей ЕГО.

Через два месяца после смерти отца Гаррет исчез. В одну ночь он покинул бар с несколькими друзьями и просто не вернулся домой. Никто из них не вернулся. И если бы вы были мной, зависящей от него малолеткой, то не поняли бы своего везения и начали задавать вопросы. Но именно в этот период жизни я узнала наверняка, что это дело рук Кейса.

Он обладал мной, как и сказал. Его глаза были выжжены в моей памяти. Полные холода глаза. Темные. Глаза убийцы, который не берет пленных и никогда не прощает долгов.

Но прошло уже шесть лет с тех пор, как Гаррет исчез, а я осталась сама по себе. Шесть долгих лет ожидания, что ОН придет за мной. Вот только он так и не пришел. Фактически, я никогда не видела и не слышала о нем снова после того случая в хижине.

Так что я занималась баром. Это крупный деревенский бар в старом городе Шайенн. У нас каждый вечер выделен для чего-то особого. Например, по средам бесплатная выпивка для девушек, а по понедельникам рукав шотов обойдется вам в 99 центов. Как-то так. Мне было лишь 18, когда пришлось заняться всем этим. В таком возрасте невозможно получить лицензию на алкоголь, но так как Гаррет не был официально признан мертвым — только пропавшим — все здесь осталось оформлено на его имя. Я жила дальше.

Никто не мешал мне в этом.

Никто.

И это беспокоило меня больше всего, что довелось мне пережить за столь короткую ебнутую на всю голову жизнь.

Потому что он сказал, что вернется. А Мэррик Кейс не кажется одним из тех парней, кто не держит свое слово.

Так где его черти носят?

Мой телефон вибрирует на прикроватной тумбочке, и я перекатываюсь на другую сторону кровати, чтобы взглянуть на экран. Я улыбаюсь, когда поднимаю его и нажимаю кнопку ответа, а затем подношу к уху.

— Привет, — говорю я тихим шепотом, уместным для разговоров посреди темной ночи.

— Привет, — отвечает Бретт. — Я скучаю по тебе.

Это вызывает у меня улыбку. Он часто вызывает у меня улыбку.

— Я тоже скучаю по тебе, — говорю я в ответ. Бретт Сеттон — хороший парень. Он высокий блондин с голубыми глазами и телом, за которое умер бы шестнадцатилетний

футболист. Он зрелый, умный и управляет баром, как хороший менеджер с Уолл-стрит. Он идеален. И завтра мы женимся.

Как мне вообще так повезло?

— Я не могу дождаться, когда увижу тебя в платье.

Я гляжу на платье, висящее на вешалке. В лунном свете оно сверкает блеском от жемчуга. Шлейф очень длинный, а лиф узкий с бретельками на плечах. Сейчас оно мерцает серебром и не кажется белым.

— Я не могу дождаться, когда увижу тебя в смокинге, — отвечаю я игриво.

Он смеется на это, а я улыбаюсь.

— Ладно, хорошо, я дам тебе немного отдохнуть. Увидимся утром, миссис Сеттон.

— Люблю тебя, — шепчу в ответ.

Мы отключаемся, и я кладу телефон на живот. Его сестры подарили мне целую гору женского белья. Я знаю, Бретту нравятся сексуальные вещи, но в душе я девушка из сельского бара и обычно надеваю в постель шортики и майку. Так что эта маленькая ночнушка, надетая на мне прямо сейчас, не совсем мне подходит. Но она подходит стилю жизни Бретта.

И это снова вызывает у меня улыбку.

Его сестры купили мне ночнушки для каждой ночи нашего медового месяца на Фиджи, плюс ночь до свадьбы. Сара, его старшая сестра, сказала, что спать ночью накануне свадьбы в чем попало — плохая примета. Я никогда о такой не слышала, но мои познания о свадьбе сводятся к моему собственному опыту, который пока в процессе.

А брачная ночь. Из-за нее я тоже нервничаю. Мои ночи с Гарретом были полны смущения и стыда. Я была в ужасе, когда оказывалась рядом с ним в кровати. Бретт запланировал что-то для нас. Он будет чего-то ожидать. И поскольку мы с ним никогда не спали, даже несмотря на то, что встречаемся уже больше года, это меня пугает. Меня переполняет иррациональный страх от одной мысли совместного сна с кем-то. Я не могу это объяснить, это просто... внутри меня.

Я вздыхаю, глядя на потолок. Тусклый свет бра, должно быть, не выключен до конца, потому что две лампочки мерцают желтым светом.

Однако я вижу не две лампочки.

Я вижу пару глаз.

Богатый янтарь тех темных, полных злости глаз, пронзающих меня, пока мое тело прижато к холму.

Мои руки движутся к горлу, когда вспоминаю, что чувствовала под ним. Когда его твердое тело прижималось к моему. Его дыхание дразнило меня, пока мужчина шептал угрозы. Его прикосновения были нежными, но в тоже время пропитаны насилием.

Теперь я знаю его имя. Мэррик. Но мне потребовалось время, чтобы добыть эту информацию. Потребовалось множество невинных разговоров с близкими врагами, чтобы выпытать у них это. Мэррик Кейс.

Все эти годы я называю его сладким убийцей. Не то чтобы он убьет меня нежно, если все-таки решит вернуться за мной. Но угрозы той ночью звучали так сладостно. Я закрываю глаза и чувствую его дыхание, скользящее в раковину моего уха, щекоча и ужасая.

Мэррик.

Бретт.

Мэррик.

Бретт.

Моя рука скользит в дорогие трусики со шнуровкой и располагается поверх чувствительной точки. Но я вытягиваю ее обратно и подавляю болезненное желание внутри.

Зачем? Зачем я думаю о нем? Он ударил меня кулаком в лицо. Он оставил меня с Гарретом в ту ночь. Он знал, что меня ожидает с этим ублюдком. Но все равно оставил.

Я закрываю глаза и думаю о мужчине, который рядом со мной, а не том, по словам которого я ему принадлежу.

Бретт ничем не похож на мужчин, среди которых я выросла. У моего отца было несколько интересных друзей, но никто из них не был хорошим человеком.

Я незаконнорожденная дочь женщины, которая трахалась с отцом после смерти его жены. У них с женой никогда не было детей, так что он проявил ко мне интерес. Думаю, он даже пытался уберечь меня. Послал сладкого убийцу забрать меня. По крайней мере, я так думаю. Сложно сказать, кто кого посылал той ночью. Подставил ли Гаррет Мэррика Кейса и своего друга? Была ли маленькая девочка мишенью все это время, и использовал ли мой отец Мэррика, чтобы отвлечь ее отца от нее и тем самым предоставить им возможность свободно ее забрать?

Однако, фактически, девочка осталась жива. Я знаю это наверняка. Я видела ее однажды по ТВ. Мы с Гарретом никогда больше не встречались с его друзьями из ополчения, и я благодарна судьбе за это. Если бы они были рядом, когда он исчез, то явно заняли бы его место. Я вздрагиваю от мысли, что они могли бы ко мне прикоснуться.

Но теперь у меня есть Бретт. Идеальный Бретт.

Я поворачиваюсь на бок в своей мягкой постели и закрываю глаза. Мне нужно попытаться уснуть. Отбросить эти старые воспоминания. Войти в новую жизнь в роли жены, сестры и может даже матери.

От этой мысли я улыбаюсь. Я представляю идеальных маленьких малышей Бретта. Лохматые головы голубоглазых детишек с щечками херувимов. У его сестры уже есть дети, так что я могу представить лицо одного из них в роли нашего собственного малыша.

Но темные волосы и янтарные глаза снова возвращаются.

Остановись, Сидни.

Почему он не пришел? Почему позволил тебе дальше жить?

Мой телефон издает сигнал, которого я раньше не слышала. В изумлении я гляжу на него.

Но он уже перестал звонить. Я нажала кнопку ответа?

И затем я сажусь ровно в кровати, и ответ, почему Кейс позволил мне жить, приходит сам собой.

Он придет за Бреттом, не за мной. Я не могу выйти за муж за Бретта. *Я не могу* выйти за него. Кейс устроит его исчезновение, так же как он сделал с Гарретом. Только на этот раз Кейс не пощадит меня, он убьет нас обоих.

В следующее мгновение мои ноги касаются холодного дерева пола, и я подхожу к окну. *Он не достанет нас здесь, Сидни. Он не сможет.*

Ветер дует так сильно, что свистит, проникая в крошечные щели рамы и подоконника. Я ощущаю, как тянет сквозняк. Сейчас в этом домике, которым семья Бретта владеет с момента его постройки в 1920 года, мертвый сезон зимы.

В этот период года он закрыт для постояльцев. Это не лыжный отель, как большинство построек в Джексон-Холе. Это просто пристанище на горе. Скорее ранчо для чудаков.

Местные говорят, что зима уже близко. Лошадей отправили в конюшни возле Денвера на зимовку, там они тягают сани и коляски в парк и по центру города.

Я делаю неглубокие вдохи, ощущая облегчение от того, что не замечаю никого в окрестности. Но ветер свистит так, словно рядом приземляется вертолет, и та ночь в хижине снова оживает у меня в голове. Я думала, что вертолет послали, чтобы спасти меня. Но все было не так. Вертолет прилетел за *ним*.

За эти годы я узнала пару вещей о Мэррике Кейсе. У него есть деньги. Есть ресурсы. И у него есть связи.

Несколько людей, которые забредали в мой бар, мужчины из числа бывших знакомых Гаррета, упоминали имя Мэррика шепотом или старались не употреблять его вообще. Они произносили его не без уважения. Со страхом.

Мне нужно рассказать обо всем Бретту.

Я подхожу к двери комнаты и опускаю ладонь на стеклянную антикварную ручку, собираясь повернуть ее и выйти в коридор, чтобы отправиться в комнату Бретта, когда прислушиваюсь к своему внутреннему голосу. Что я ему скажу? Я не могу выйти за тебя, потому что мной одержим одни киллер? Я смеюсь. Или скажу, что родилась в секретной организации, называющей себя Компанией? Что они забивали мне голову пропагандой всю мою жизнь? Что я опасна для него, себя и других людей, и ему стоит сбежать от меня так далеко, как только он может?

Что, черт побери, я должна ему сказать?

Я не могу выйти замуж за Бретта.

Нет, Сидни. Ты не можешь рассказать ему ничего из этого. Он никогда тебе не поверит. В лучшем случае, он посчитает тебя сумасшедшей.

Возможно, я на самом деле сошла с ума.

Быть может, мне стоит просто это признать.

Нет. Я мотаю головой. Я не сошла с ума. Это дерьмо случилось на самом деле. Я могу все еще ощущать, как газ обжигает мне глаза. Почувствовать запах хвои, когда выстрелы задевают деревья. Услышать рев вертолета в воздухе над моей головой.

Это было по-настоящему.

Та жизнь реальна. Те секреты были настоящими. Те *люди* существовали на самом деле.

Я подхожу к чемодану и хватаю пару джинс, в которых приехала сюда, а затем натягиваю их на свои красивые дорогие трусики. Моя толстовка с капюшоном все еще валяется на стуле, так что я надеваю ее поверх ночнушки. И потом обуваю ботинки и подхожу к окну. Ветер как и прежде пробивается сквозь щели, когда пытаюсь открыть задвижку. Снег бьет мне в лицо, покалывая кожу от ударов ледяных кристаллов.

Мне нужно уехать. Нужно убраться отсюда на хрен, до того как Мэррик Кейс вернется, чтобы закончить то, что он обещал мне восемь лет назад. Я перекидываю ногу через подоконник и прыгиваю в снег, наметающий на дом с задней стороны, а затем дергаю часть окна вниз, закрывая его. Сутулясь, я бегу к месту, где припаркован мой грузовик.

В любом случае снег заметет мои следы, так что они не узнают, что случилось.

Возможно, это кстати? Я исчезну, прямо как Гаррет.

Возможно, в конце концов, он меня любил? Или быть может он ушел, чтобы дать мне шанс? Возможно, он отдался судьбе, чтобы изменить мою?

Этой ложью я кормлю себя очень давно. Я не горжусь этим, но от данных мыслей боль от того, что всеменя покинули, утихает. Меня оставили дважды. И оба раза мои монстры.

Возможно, Гаррет и был жестоким ублюдком, но кроме него у меня никого не было. Да и что обо мне говорит тот факт, что меня не может полюбить монстр? Может то, что я непривлекательна даже для ужасного мужчины, или то, что он не хочет оставаться со мной.

Я не могу выйти замуж за Бретта.

Но хочу. Правда, очень сильно хочу. Он такой милый. И относится ко мне так хорошо. Но я не могу выйти за него замуж, если это положит начало маленькому плану мести Кейса. Я должна защитить Бретта и его семью. Они хорошие люди. Старой закалки. Образованные. Порядочные. Они принимают участие в благотворительности и пытаются сделать мир лучше.

Я забираюсь в грузовик и осознаю, что оставила свою сумочки и телефон в доме. Но ключи от машины все еще в кармане толстовки, так что я завожу ее и смотрю в лобовое стекло, ожидая увидеть хоть какие-то признаки жизни в доме.

Но все погружено во тьму. Как и я сама. Как мое прошлое.

Как ОН.

Я включаю фары и вынуждаю машину двинуться вперед. Я знаю эту гору. Здесь опасно зимой даже в хорошую погоду, а шторм сделал спуск в долину очень непредсказуемым. Но ведь я знаю эту гору. И знаю ее очень хорошо. Мы бывали здесь дюжину раз с того времени, как познакомились с Бреттом. Его сестры живут здесь круглый год, так что мы навещали их при любой удобной возможности. Поэтому, если кто и может выбраться отсюда в бурю, так это я.

Я еду медленно. Ветер дует мне в спину, подталкивая машину к краю ближе, чем мне того хотелось бы. Но когда я добираюсь до части дороги, где с одной стороны утес, а со второй лес, то вздыхаю с облегчением и включаю музыку. Эта песня стояла на повторе всю дорогу сюда, и я ставлю ее сейчас, собираясь слушать всю дорогу обратно. Она немного успокаивает мои нервы.

Это одна из маленьких вещей, которые делают тебя цельной, Сид.

Я знаю это. Я живу ради таких маленьких штук. Благодаря им я никогда не бываю слишком разочарована.

Чем дальше еду, тем снег становится все глубже и глубже, и мои колеса проскальзывают, создавая брызги жижи. Я вижу огромную грудку снега впереди, прямо на дороге. Высотой под два метра. Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида, волнуясь, что кто-то может отправиться за мной, если они заметят, что я пропала, а затем жму на газ.

Я не застряну в этой горе. Нет. Если я пошла на это, то нужно идти до конца. Я не привыкла передумывать в ходе выполнения разработанного мной плана. И честно говоря, я не готова увидеть разочарование на лице Бретта, когда он обнаружит, что я пыталась сбежать и провалилась.

Шины скользят вправо, вынуждая меня вывернуть руль в обратную сторону, и затем колеса наезжают на какой-то камень или ветку, и грузовик бросает вперед. Снежный сугроб срывает в данной ситуации в роли отбойника, и в следующую секунду машину подбрасывает в воздух. Через мгновение передняя часть грузовика ударяется о землю, и меня бросает вперед, а голова врежется в подушку безопасности так сильно, что перед глазами мерцают звезды.

CHAPTER TWO

MERC

"Ограничения даны нам для того, чтобы отыскать в себе силу. Вытолкни себя насколько можешь из зоны комфорта... и посмотри, что случится."

— Кейс

В жизни каждого солдата наступает такой момент, когда он осознает, что вся эта чушь больше него самого. Что ты маленький. А они большие. Ты слаб. А они сильны. Ты мертв. А они живы.

Я представляю, как стою в пустыне, окруженный песком со всех сторон. Недалеко от меня разбитый самолет, он дымится.

Я в униформе, и солнце неумолимо жарит. Но другие солдаты вообще разорваны на части крушением. Мое тело горит от боли и солнца. Губы обветрились и пересохли. Вода — единственное, о чем я думаю, потому что так выживает солдат. Ты думаешь лишь о выживании.

Большинство людей не выживает, потому что впадают в состояние шока.

Я не большинство.

Когда другие не видят ничего, кроме песка, я прищуриваюсь и вижу очертания гор, скрытых миражом от раскаленной земли.

Когда другие ощущают, как смыкается их горло, а сухой ветер обдувает лицо, угрожая удушить, я представляю, что целую губы женщины, все еще влажные и прохладные после выпитого ею освежительного напитка.

Когда другие осознают, что вся эта фигня больше, чем они себе представляли и желают вернуться домой, чтобы трахать своих девушек и пить пиво, я напоминаю себе, что у меня нет девушки. И нет дома. Есть только я.

Другие люди уходят.

Они сдаются.

Другие люди прощают и забывают.

Я не такой как они. Я — Мэрк, и существует три вещи, которые вам следует обо мне узнать:

Первая. Может быть вы больше, но я продержусь дольше.

Вторая. Если вы наебали меня, я уничтожу все, что вы когда-либо любили.

И третья. Я никогда не проигрываю. Моя победа может лишь сместиться во времени.

Приложение для слежения дзынькает у меня в руке, и затем появляется огонек. Улыбка расплывается на моем лице до того, как могу ее подавить. Потому что... ну, насколько же я охуенен? Я знаю ее так хорошо. И после почти восьми лет осторожного наблюдения и планирования, нечего удивляться.

Я нажимаю иконку в приложении на телефоне и загружаю вид со спутника. Трансляция идет в реальном времени. Потому что пока эта сука управляла своим маленьким сельским баром в Шайенне, планируя миленькие приятности на каждую ночь недели и пытаюсь забыть, как жила под контролем безжалостного мужчины, я скопил состояние, собрал необходимые технологические устройства и сконцентрировал свое внутреннее желание ради мести. Все карты в моих руках. Если месть — это путешествие, тогда я отлично к нему подготовлен. У меня есть все, что хочу и в чем нуждаюсь, чтобы выполнить последнее задание до того, как исчезну навсегда.

И оно начинается прямо сейчас.

Я проверяю ноутбук, расположенный на пассажирском сидении, который тоже демонстрирует вид с дрона в реальном времени, а затем наблюдаю, как устройство сменяет направление, когда она выезжает с парковки возле домика в окружении множества хвойных деревьев. Несколько нажатий клавиш и у меня на экране отличный вид с высоты птичьего полета на ее грузовик, как раз в тот момент, когда он выезжает на единственную дорогу, ведущую к большинству местных заброшенных гостиниц.

Я знал еще в июне, что она сбежит. Я знал это, потому что она четыре раза меняла дату свадьбы. Это был ее последний шанс осесть. И если бы она так и сделала, я бы назвал это победой и нашел бы другой способ закончить эту работенку.

Но — говорю вам с улыбкой на лице — я несказанно рад тому, что она этого не сделала. Ее неспешно движущийся по горной дороге черный грузовик лишь напоминает мне о том, что она собой представляет на самом деле.

Сидни Хелена Ченнинг. Дитя Компании. *Используй ее, оскверни ее, и она всегда вернется к тебе за добавкой.* Если бы у этой девочки был девиз, он звучал бы именно так. Вот она девочка, которую я знаю и ненавижу все то время, что слежу за ней и жду, терпеливо собирая фрагменты головоломки и устанавливая их на места в единой картине. Сегодня я сделаю первый ход эндшпиля. И я готов испытать ее девиз.

Синди — та, кто начал все это для меня. Ага, возможно, во все это меня втянул сенатор, но я ни за что не получил бы работу в тот Сочельник, если бы не вовлеченность в дело этой девочки подростка.

Ченнинг знал это. Он на хуй это знал.

Я стискиваю зубы и заставляю себя выкинуть прошлое из головы. Что сделано, то сделано. Настоящее движется мне в руки в черном грузовике по засыпанной белыми хлопьями дороге.

Почти восемь лет. Вот сколько потребовалось времени, чтобы этот момент наконец-то настал.

Я закурываю сигарету и открываю окно, впуская в машину ледяной горный воздух. Снег неистово метет, и, боже, ну разве может эта ночь стать более совершенной?

Я мельком снова смотрю на приложение слежения на телефоне, и мое сердце немного ускоряется от предвкушения.

Сегодня я доберусь до нее. Впервые за все эти годы у меня будет полный беспрепятственный доступ. Но и это не все. Нет, это лишь верхушка айсберга.

Фары ее грузовика все ниже спускаются по горной дороге и через несколько минут появляются в поле моего зрения. Грузовик мчится к наваленной куче снега, надеясь пронестись через нее. Но за кучей снега скрыто дерево, преграждающее всю ширину дороги.

Нет больше ни одной машины едущей в гору по дороге. И ни одной спускающейся вниз.

Курорт закрыт, как и дороги. Гости прибыли два дня назад и должны уехать только после свадьбы.

Если бы свадьба, конечно, *состоялась*. В обычной ситуации я бы почувствовал укол вины за то, что похитил женщину накануне ее свадьбы. Но не в случае с этой женщиной и этой свадьбой.

К тому же не я бегу. А она.

Грузовику не удастся пронестись через кучу снега, как она того ожидала. Сбитый снег внизу, кажущийся невинной грудой пухляка, подбрасывает авто прямо в воздух.

Я с удовольствием наблюдаю за тем, как красиво двух-тонный автомобиль летит по дуге мне на встречу, а затем гравитация берет над ним верх и утягивает к земле, встречаясь сперва с передней частью машины. Хруст метала почти что заглушает шипение подушек безопасности, а затем гора снова погружается в тишину. Единственный звук — приглушенная музыка из плеера в ее машине.

Песня, которую я так хорошо знаю. Песня, которую она отлично знает.

Я улыбаюсь этому. Я улыбаюсь, глядя на разбитый, дымящийся грузовик на заснеженной дороге. Я улыбаюсь всему этому.

Открыв дверцу своего грузовика, я слышу тихий сигнал, который так раздражает в царящей вокруг тишине. Я игнорирую этот сигнал предупреждения об открытии двери и выхожу наружу. Мои ботинки со стальной подошвой хрустят по снегу, когда иду к дереву, а затем, опустив руки на замерзшую корку ствола, я перепрыгиваю через него и прислушиваюсь к ее стонам.

Но вместо этого слышу проклятия.

— Ебанный ад!

Идеально. Было бы и правда крайне отстойно, если бы она померла в результате аварии, еще до того, как у меня появился бы шанс правильно закончить задуманное.

Я жду, пока одна рука в перчатке тянется к разбитому окну дверцы водителя и пытается открыть ручку. Грузовик накренился, так что девушка вываливается кубарем на снег.

— Дерьмо, — стонет она.

Я молча наблюдаю, как она поднимается на колени, а затем, спустя несколько секунд неудачных попыток встать, на ноги. Она прерывисто вдыхает на полную грудь и вытирает лоб, пачкая при этом руку в крови.

— Блядство.

Ее голова подымается, чтобы оглядеться, и тут девушка замирает, наконец-то осознавая, что я стою менее, чем в 20 метрах.

— Привет, — кричит она. — Вы это видели?

Я ничего не говорю, просто сую руку в карман.

— Вы не могли бы мне помочь?

Я достаю пистолет и нажимаю спуск, целясь в область левого плеча.

Она валится назад в снег, даже не пискнув.

Я медленно подхожу к ней, используя это время, чтобы оглядеться, но в округе не видно ни одного огонька света. Мы абсолютно одни.

На расстоянии в пару метров от нее я останавливаюсь и наблюдаю за валяющимся в снегу телом. Ее рука несколько раз дергается, а под телом расплзается темное пятно, и только тогда я смотрю на свои часы и жду еще три минуты, прежде чем пойти и забрать свой трофей.

Когда подхожу к ее покрытому кровью телу, то ее глаза закрыты, а рот приоткрыт. Я достаю веревку из кармана и сначала связываю ноги, а затем руки. И только потом перебрасываю ее маленькое тело через плечо и возвращаюсь к своему грузовику. Я открываю задний борт, тяну рычаг, удерживающий заслонку багажника на месте и, когда она откатывается, давая мне достаточно места, я опускаю Сидни на брезент. Заворачиваю ее расслабленное тело, затем снова закрываю задний борт и запираю нижнее ворота багажника.

Готово.

Я смеюсь — она готова. Но я вне сомнений еще не закончил.

Сейчас снег сыпет сильнее, и по моим прикидкам все следы от моего грузовика будут засыпаны спустя минут двадцать. Задолго до того, как кто-то на курорте осознает, что будущая невеста пропала. Задолго до того, как они поймут, что не могут уехать с горы, так как дорога перекрыта упавшим деревом. Задолго до того, как они позвонят в полицию — от этой мысли я начинаю громко хохотать.

Люди, на которых я охочусь, обычно не звонят туда.

Они звонят киллерам.

Таким, как и я сам.

Я забираюсь обратно в грузовик и завожу двигатель, включая обогреватель, так как снаружи чертовски холодно. Бедная Сид будет дрожать как осиновый лист к тому времени, как транквилизатор перестанет действовать. Но по большей части она будет трястись от страха перед грядущим, а не от холода.

CHAPTER THREE

SYDNEY

Восемь лет назад

"Знаете это чувство? Когда ваш разум затуманен, а в сердце пустота. И затем вы должны взять пистолет и сделать свою работу. Понимаете, о чем я? Так вот я хорошо знакома с этим чувством. Оно называется уступка."

— Сидни

— Сидни?

Я лежу на земле, прислушиваясь к удаляющимся *уомп-уомп-уомп* вертолета, и желая, чтобы все это происходило не на самом деле.

Однако врезающийся в ребра ботинок говорит о бессмысленности моих надежд.

Я поворачиваю голову к Гаррету, пока боль распространяется по моей груди, и гляжу ему в лицо. Он убирает ногу, собираясь ударить снова, но почему-то останавливается.

Я сглатываю и закрываю глаза.

— Скажи, что он соврал.

— Он... — В горле пересохло, а голос дрожит.

Гаррет опускается на колени и хватает меня за куртку, приподнимая и в тоже время сильно встряхивая.

— Скажи мне. Что он соврал.

— Он соврал, — шепчу я. И это правда. — Я не делала ничего такого. Я даже не представляю, кто он такой!

— Ты пыталась сбежать, — говорит Гаррет. Обычно, если Гаррета разозлить, он ведет себя, как злобный мудак. Но сейчас он так спокоен. Его спокойствие пугает даже больше, чем гнев, и от этого все мое тело начинает дрожать. — Ты хотела сбежать, верно?

Я снова сглатываю и дальше, раньше чем понимаю, что происходит, я писаюсь. Жар разливается между моих ног, и я начинаю плакать. Просто закрываю глаза и реву.

Не знаю, как долго продолжаю реветь, но следующее событие пугает меня сильнее, чем вероятность повстречаться снова с его ботинком.

Гаррет сгребает меня в охапку и поднимает на руки. Я не открываю глаза, даже когда он усаживает меня в машину и натягивает ремень безопасности через мою грудь, фиксируя его. Он закрывает дверцу, направляется к стороне водителя и забирается внутрь. А затем заводит двигатель. И мы уезжаем.

Так мы едем несколько часов. Солнце поднимается над нашими головами, а мы все продолжаем ехать. Направляясь на запад.

Несколько часов спустя мы съезжаем с главного шоссе и следуем по грунтовой дороге. И только тогда я решаю заговорить.

— Ты собираешься меня убить. — Это не вопрос.

— Собирался, — говорит Гаррет. — До прошлой ночи.

Я не могу сдержать всхлип.

— Но... — Он замолкает. Просто берет и молчит. Не произносит больше ни слова. А я не даю на него. Просто сижу себе тихо и слушаю песню, что играет из динамиков, позволяя ей себя успокоить, пока мы наконец не приезжаем к площадке для отдыха возле хижины.

Я воняю мочой, но мои брюки давно высохли, а мочевого пузырь снова полон, даже несмотря на то, что я ничего не пила в течение шести часов, пока мы были в дороге.

Гаррет глушит мотор и несколько секунд мы сидим в тишине. Тикающий шум двигателя — единственный звук.

— Теперь мы будем жить здесь. — И затем он выбирается из грузовика и обходит его, останавливаясь перед пассажирской дверцей. Открывает ее для меня и отстегивает пряжку

моего ремня безопасности. — Ты можешь идти?

Я поднимаю взгляд на его лицо и не вижу там злости. Ненависть, злоба и садизм, которые я так привыкла видеть, прямо сейчас куда-то подевались.

Гаррет воспринимает молчание, как знак согласия и тянет меня за руку, пока я не выпрыгиваю, становясь на ноги. Моя спина болит. Ребра ноют от ударов его ботинка. Лицо жжет в том месте, куда ударил кулак убийцы.

— Просто убей меня, — говорю я, глядя на Гаррета. — Просто убей и позволь мне умереть. Я не хочу больше этого делать.

— Я не виню тебя, — говорит он. — Если бы я был сейчас на твоём месте, то чувствовал бы тоже самое. Даже если бы я не знал, что последует дальше.

И затем он разворачивается и уходит, оставляя меня стоять на месте. Он поднимается по ступеням на крыльцо маленькой охотничьей хижины, открывает двери, не используя при этом ключ, и заходит в дом, закрывая за собой дверь.

Ветер усиливается, напоминая мне, что на дворе зима.

Я обнимаю себя и вздрагиваю.

А затем делаю единственное, что могу. Я следую за ним.

CHAPTER FOUR

SYDNEY

"Он всегда говорил мне, что секрет выживания кроется в спокойствии. Я видела принцип действия этого правила множество раз, так что не могу не согласиться."

— Сидни

Я просыпаюсь и тут же жалею об этом. Мои глаза ослепли.

Нет, это просто тьма. Я вижу более черные тени на фоне темно-серых.

Меня передергивает и я осознаю, что связана. Руки обездвижены и закреплены к тому, на чем я лежу. Ноги разведены в стороны и тоже закреплены, а джинсы под моей задницей мокрые.

Я воняю мочой и понимаю причину, по которой данное воспоминание всплыло в моей памяти. Я живу во временной петле.

Нет. Это настоящее. Я была в грузовике, убегая от свадьбы с Бреттом. Но между настоящим и прошлым так много сходства, что мой разум смешивает все воедино.

Речи безумца. Я говорю, как на приеме у мозгоправа. Но это правда, я знаю.

Я снова пленная.

Был ли в моей жизни хоть один день, когда я не была в чем-то плену?

Не петишишься сейчас, Сид. Ты сама подписалась на это.

Ну да, напоминаю себе. Я подписалась на это. Но когда твоя фамилия Ченнинг, даже если это секрет, то какой у тебя выбор?

Просить о свободе.

Я пытаюсь сглотнуть, но горло так пересохло, что не работает. Так что я ничего не делаю. Я не двигаюсь, не борюсь и не кричу.

Это не поможет. Я знаю.

Так что делаю единственное, что могу. Я отдаюсь своей старой привычке. Погружаюсь в себя, заглядывая во тьму, которая черней настоящего.

И воспоминание так просто всплывает у меня в голове.

Летний день. Сухой ветер такой горячий, когда ударяет мне в лицо, но влажность от реки смягчает жару. Делает все идеальным.

— Ты готова научиться рыбачить? — спрашивает у меня Гаррет. — Я не всегда буду о тебе заботиться, Сид.

Я улыбаюсь ему. Он такой офигенно красивый, стоя здесь по колено в воде. На нем одеты лишь джинсы. А голая крепкая грудь загорела до ровного бронзового оттенка. Река плещется о его ноги и брызги, разлетаясь, достигают низа его живота. Я слежу за каплями, как они стекают к поясу джинс, которые уже достаточно пропитались влагой и немного сползают вниз под весом воды, открывая узкую линию волос на его животе, которую я так люблю.

— Эй, Сид? — зовет он, усмехаясь. — Смотри мне в глаза.

Я поднимаю взгляд. Его глаза кажутся темно-зелеными с моего места. Но в то же время они так ярко мерцают.

— Я готова, — отвечаю я.

Он усмехается и забрасывает удочку, позволяя мне следить за всеми движениями его тела. Я ни черта не могу понять в том, чему он меня пытается научить. Или, возможно, я бы могла это понять. Но лишь возможно. Потому что... ну он так красив, что все мысли о рыбалке улетучиваются, и я сосредотачиваюсь на том, как перекачиваются его мышцы, когда он отводит руку назад и резко поднимает ее в воздух.

Рыба клюет почти мгновенно — это место мечта рыбака — и затем он смеется.

— Получилось слишком просто. А теперь давай ты. — Он сматывает леску и снимает рыбу, а затем бросает ее на берег, махая рукой и приглашая меня присоединиться к нему.

Я беру удочку и позволяю Гаррету помочь мне забраться на скалистую береговую линию реки Йеллоустоун. Вода здесь не слишком глубокая, но течение довольно быстрое.

Я поскользываюсь на камне, но Гаррет ловит меня, не позволяя упасть.

— Полегче, — говорит он, когда я восстанавливаю равновесие. — Сегодня вода слишком холодная для купания, Сид.

— Прости, — говорю я, поправляя свой спасательный жилет.

— Ты в порядке? — спрашивает он нежным голосом, который обычно использует, когда понимает, что мне некомфортно. — Готова?

Я киваю.

— Ага. — И затем смеюсь. — Я пыталась наблюдать. Ну... — Я заливаюсь румянцем и поправляю себя: — Я была не совсем внимательна. Но это правда кажется веселым занятием.

— Так и есть, — говорит он, целуя меня в щеку.

Тьма возвращается, и мое горло, кажется, пересохло еще сильнее от воспоминаний о холодной реке. Я тянусь и касаюсь своего пульсирующего лица, осознавая, что больше не связана.

Кто-то был здесь. Но кто? Я напрягаю мозги. Сколько у меня есть врагов?

Мой смех разрезает тьму и затем резонирует у меня в голове, словно эхо, пока снова не воцаряется тишина. Чернота ошеломляет, а дыхание учащается, предвещая приближающийся приступ паники.

Нет. Не сейчас, Сид.

— Тсс, — говорю я себе. — Шшш.

Я медленно вдыхаю на полные легкие, заставляя страх сойти на нет. Не знаю, как долго пытаюсь уговорить свое прерывистое шумное дыхание, но в какой-то момент улавливаю слабый внешний звук. В одну секунду его нет, а в следующую я отчетливо его слышу.

Звук капающей воды. Мое горло сжимается, когда представляю, как здорово было бы сделать глоток воды.

Я сажусь и борюсь с волной головокружения, но все же голова идет кругом в течение нескольких минут. Покачиваясь, приподнимаюсь на твердой деревянной платформе. Я наклоняюсь и зажмуриваю глаза, не уверенная поможет ли это, так как в любом случае мне ничего не видно. Однако это помогает.

Я понимаю, что звук капающей воды раздается справа от меня. Я вытягиваю ногу и нащупываю пол, а затем падаю на колени и ползу в нужном направлении. Я ощупываю все перед собой, но комната пуста, за исключением слива в самом центре пространства. Зачем здесь этот слив?

Я решаю не размышлять над этим. У меня все равно нет ни малейшего представления. Возможно, я на бойне, и они смывают грязь водой из шланга? Итак, я просто ползу дальше. И ни на что не натываюсь, пока не достигаю стены. Сейчас звук капающей воды раздается слева, и я позволяю стене направлять меня, пока не ощущаю, протянув руку, прохладу фарфоровой раковины.

Держась за ее край, я встаю и продолжаю искать источник воды. Здесь нет рычагов, просто кран, из которого капает вода.

Но знаете, когда у вас ничего нет, выбирать не приходится. Так что я наклоняю голову к раковине и открываю рот. Требуется несколько минут на то, чтобы у меня во рту собралось достаточно воды, которую можно проглотить. Но когда мое пересохшее горло перестает сдавливать, это дарит самое лучшее чувство на свете. Я повторяю свои действия снова и снова, пока мои ноги не начинают дрожать от пребывания в неподвижной позе. Опускаясь на пол, я ощупываю его.

Бетон. Не гладкий, который обычно встречается в жилых помещениях. Нет, этот грубый, необработанный, как тротуар на улице. Или пол бойни. А еще здесь очень холодно.

И ветер сквозит откуда-то снаружи. Я прислушиваюсь, но все, что слышу — отдаленный хор завываний. Не надрывистые тывканья койотов, а скорее негромкий, низкий пробирающий до мурашек вой волков.

Я подавляю свой страх. Но не могу его отрицать. Бог знает, где я, и никто меня здесь не найдет.

У меня за спиной стена. Но у каждой комнаты имеется четыре стены. Так что я поднимаюсь на колени и снова начинаю ползти вдоль нее. Мои пальцы натыкаются на несколько сухих листьев. На паутину. И когда я перестаю на мгновение ползти, то слышу звук чьего-то движения. Вероятно, это жуки. Я ползу еще пару метров, а затем пугаю себя до усрачки, когда моя рука ударяется о металлическую посудину, и тишину разрезает лязгающий звук. Я сажусь на попу и закрываю глаза, ощущая как колотится сердце.

А потом снова тянусь вперед, пытаюсь нащупать посудину. Миска оказывается пустой, но когда подношу ее к лицу, то ощущаю запах.

Невозможно вырасти в Вайоминге и не знать, как воняют мыши. В моем родном штате домашних мышей больше, чем самих домов. Я отбрасываю посудину в сторону. Если там была еда, то сейчас ее точно нет. Ее съели грызуны.

Миска, капающая вода и то, что меня отвязали, вызывает желание закричать в темноту. *Кто здесь?* — Вопрос был бы кстати. — *Чего вы хотите?* — еще один.

Но я не из тех девушек, что выкрикивают бессмысленные вопросы.

Шаркающий звук слева резко вынуждает меня замереть.

Кто-то прямо здесь со мной.

Кто бы это ни был, он создает этот шум нарочно, пытаюсь вызвать у меня ответную реакцию. Но я не одна из тех, кто станет реагировать.

Вместо этого я встаю и прижимаюсь всем телом к стене. Мое сердце снова ускоряет бег — что бы не было тому причиной — и я вынуждена задержать дыхание, дабы прислушаться к тишине комнаты.

— Я знаю, что ты здесь. — Это мой единственный вариант. Кто бы это ни был, он ждет, что яотреагирую. Но я констатирую факт, а не спрашиваю, так что автоматически занимаю сторону нападения.

Молча я жду, мои руки прижаты к бокам, а глаза закрыты, так я могу сосредоточиться на окружающих звуках.

Но время идет и мое тело начинает болеть от неподвижности, потому спустя какое-то время я опускаюсь на пол. Голова кажется тяжелой, и я осознаю свою ошибку слишком поздно. В воду что-то добавили.

Я проваливаюсь в сон, гадая зачем они позволили мне вообще проснуться... лишь для того, чтобы потом снова усыпить.

Теперь мы с Гарретом в лесу. Не у реки. На улице осень, что в Монтане равносильно зиме, потому что лето окончательно заканчивается еще в августе. Я оглядываюсь на него, одетого в камуфляж зеленого цвета, а затем смотрю на себя. Мы выглядим как пара и почему-то это делает меня счастливой.

Он подает мне сигнал рукой, и я киваю, отходя от него влево. Недалеко от нас виднеется лось. Мы выслеживали его почти весь день. Если сможем его поймать, то обеспечим себя мясом на всю зиму.

Эти слова Гаррета звучат у меня в голове, но теперь они кажутся моими собственными. Потому что нам обоим нужна еда.

Я передвигаюсь в сторону так тихо, как только могу, пока Гаррет делает тоже самое в другом направлении. Лось прямо перед нами, скрыт за густой посадкой сосен.

Хрустит ветка, и на секунду я паникую. Но не я тому виной, а Гаррет. Однако лось уже несется вперед.

— Не упусти его, Сид. — *Голос Гаррета снова звучит у меня в голове. — Ты знаешь, что случится, если ты его упустишь.*

Нам придется голодать. Мы в шестидесяти милях от ранчо. У нас есть снегоход, но закончилось топливо. Есть дрова, но нет еды. Еще есть вода. Вот и все.

Страх, который испытал бы любой нормальный человек, когда видит как на тебя несется тонный лось, не воздействует на меня. Я просто нацеливаю на него винтовку. В самое сердце.

Нажимаю курок и отдача ружья толкает меня назад, вынуждая отступить на шаг.

Зверь ревет прямо передо мной, а затем спотыкается и падает на колени.

Гаррет уже рядом, хватая меня за руку.

— *Хорошая работа, — говорит он. — Ты почти все угробила, наступив на ту ветку.*

Я поднимаю на него глаза, но он улыбается. И я улыбаюсь в ответ.

CHAPTER FIVE

SYDNEY

"Боль в вашей голове. Просто подумайте о хорошем мгновении и окунитесь в него — альтернативная реальность — не худший способ продержаться."

— ***Сидни***

На этот раз, когда просыпаюсь, я снова привязана к столу. Во рту пересохло, живот урчит, и мне нужно сходить в туалет. Закрывая глаза, я ныряю вглубь себя и снова возвращаюсь в тот день, когда мы охотились. Я так и не дошла до лучшей части этой истории. После того, как расчленили тушку лося и дотащили её домой, нам впервые за несколько недель выдалась возможность наесться до отвала.

Но внешний звук будит меня. Я слышу какой-то шум. И чувствую запах.

Еды. Мяса.

Кто бы он ни был, этот человек явно умеет читать мысли.

Нет, Сид. Они просто знают, как долго ты не ела, вот и все.

— Гаррет? — слово срывается с языка, прежде чем успеваю подумать.

— Попробуй ещё раз, — произносит глубокий голос у меня за спиной.

Я ахаю от удивления.

— Не Гаррет. — Его ботинки стучат о пол, когда мужчина делает шаг в сторону. А затем его рука ложится мне на плечо и сжимает. Я вскрикиваю от боли прежде чем успеваю себя остановить. — Ты воняешь мочой.

Я не говорю ни слова, пока он отпускает мое ноющее плечо и движется вдоль стола. Его пальцы гладят мою кожу над рёбрами, и я осознаю, что моя толстовка куда-то подевалась. На мне все ещё осталась ночнушка, подаренная сестрой Бретта. Но как только это понимание озаряет меня, соски встают по стойке смирно. Его нежные прикосновения на миг прекращаются, словно мужчина в курсе моего состояния. А затем он перемещает свою ладонь на мой живот.

— Голодна?

Закрывая глаза, я шумно выдыхаю. Он снова перемещается, но его рука остаётся на месте. Он скользит ею к моим бедрам, и тепло от его плоти ощущается даже через мои джинсы. В конечном итоге его рука располагается на выпирающей бедренной кости, а затем проникает в передний карман моих джинс, что-то оттуда вытягивая.

— Хмм, — вот и все, что он произносит. А затем поднимает мою ночнушку, обнажая живот, и только в этот момент я понимаю, как здесь холодно. Когда он осторожно кладет свою руку на мой голый живот, все мое тело охватывает дрожь.

А с уст срывается хныканье.

— Зачем ты носишь в кармане жёлудь? — его тон пропитан жестокостью. Словно он спрашивает у меня что-то очень важное.

У меня в голове возникает единственный разумный ответ на данный вопрос, так что я его озвучиваю.

— Он помогает мне чувствовать себя лучше. Я всегда ношу его с собой.

— Всюду?

Я киваю.

— Хмм, — шепчет он в ответ.

Напряженно сглатывая, я не открываю глаз, пока его рука снова скользит к моей бедренной кости.

— Я задал тебе вопрос, на который ты так и не ответила.

Мой разум напрягается. Что он спросил? Я не помню.

— Ты голодна?

Я киваю, и он молчит. Но его ладонь снова начинает двигаться. Он скользит ею к верхней части моего бедра и снова останавливается. Его пальцы раздвигаются шире, а ладонь прижимается сильнее. Он собирается меня изнасиловать. Я понимаю это, как только тепло от его прикосновения приближается слишком близко к области между моими ногами.

— Привыкай к этому ощущению, Сидни. Ты останешься голодной ещё на какое-то время.

Я задерживаю дыхание, чтобы не поддаться желанию заорать на него.

Около минуты он удерживает руку на моей ноге. Будто бы ожидая моего плача или того, что я начну умолять его прекратить. Но я молчу.

— Ты замёрзла?

Я снова киваю, хотя знаю, что он скажет, я должна привыкнуть и к этому. Не знаю, понимает ли он это или чувствует, Бог его знает. Но решает не повторяться. Вместо этого он

перемещается. Кончики его пальцев движутся к внутренней стороне бедра, касаясь так легко, что это можно было бы расценить как провокацию или заигрывание, не будь я привязана к столу веревкой. Когда его рука опускается к моему колену, мужчина снова останавливается.

— Почему под одеждой на тебе оказалась ночная рубашка?

Этот вопрос небезопасен, потому я не отвечаю.

На сей раз его рука снова скользит вверх и накрывает мою киску.

Я издаю стон, но не от желания. А потому что он угрожает мне без слов.

Он позволяет мне думать, будто уважает мои границы. Но это не так.

— Это была ночь накануне моей свадьбы. Сестра моего жениха подарила мне сорочку, так что я её надела.

— Была? — спрашивает он любопытным тоном. — Это была ночь накануне твоей свадьбы? Как долго, по твоему мнению, ты здесь?

Я мотаю головой, но на этот раз его не удовлетворяет столь пассивный ответ. Так что мужчина расстёгивает пуговку моих джинс.

- Я не знаю, — отвечаю я быстро. — Несколько дней назад? Я была под наркотой.

— Хмм, — говорит он снова, расстёгивая молнию.

— Пожалуйста, — шепчу я, моё сердце бьется все быстрее.

Он тянет за разные стороны от молнии, раздвигая их, а затем скользит рукой под мои джинсы.

— Пожалуйста, что? Пожалуйста, продолжай? — Я мотаю головой. — Пожалуйста, сделай это приятным? Пожалуйста, не останавливайся? Ты должна дать мне больше, чем простое пожалуйста, ковгёрл.

— Зачем ты делаешь все это! — кричу я. Он выиграл. Сломил меня. Я сдалась. Я больше не могу это терпеть. Я слабая. Глупая. Я...

— Кто я?

— Кейс, — отвечаю немедленно.

— Откуда ты это знаешь? — я слышу в его голосе намёк на правоту моих слов.

— Не знаю. — Мой голос дрожит. — Я просто предположила. Твой голос похож на его.

В ответ он фыркает.

— Ты помнишь, как умоляла меня той ночью, Сидни? Потому что я все помню. Ты думала, я спасу тебя, ковгёрл? Думала, я — твой герой во тьме? Считала, что я заберу тебя домой к твоему папочке?

Я думала все это. Я отчаянно желала этого.

— Рада, что ты оставил меня. Это было лучшим событием моей жизни.

Его руки скользят под пояс моих джинс. Он стягивает их до верхней части бедер и останавливается, так как мои ноги привязаны к разным ножкам стола. Кейс трогает мою киску через тонкую ткань кружевных трусиков. Инстинктивно я пытаюсь свести ноги и ограничить пространство для его действий в этой области. Но тут слышу звук расстегивающегося крепления, вероятнее всего, расположенного на его ремне. До меня доносится ещё несколько звуков, происхождение которых не могу распознать, и затем он скользит рукой к моей правой лодыжке. Его прикосновение довольно нежное. Нежнее, чем я ожидала. Я сдерживаю хныканья, прикусив губу.

— Теперь тебе лучше оставаться неподвижной, Сидни. Не буду врать, я хочу тебя порезать, но на данный момент ты и так достаточно перепачкана в крови. Так что давай сделаем это, не усугубив твоё положение ещё больше.

— *Что?*

Холодок пробегает по моей ноге, когда металл касается кожи. Я шумно выдыхаю воздух, стараясь не закричать, однако, не двигаюсь. Он разрезает ткань джинс, начиная от внешней стороны моей голени и двигаясь к колену.

— Не дергайся, — говорит он, перемещая нож к внутренней стороне моего бедра. — Ты истечёшь кровью, как ебанная сучка, если я порежу тебя здесь.

На сей раз я могу это почувствовать. То ли он действует неаккуратно, то ли делает это нарочно, но Кейс задевает меня раз за разом. Порез за порезом. А я шиплю от шокирующих ощущений каждый раз. Он извиняется, но не останавливается. К тому времени как он добирается до верха ноги, я теряю все самообладание.

Я всхлипываю. Все мое тело дрожит. Желудь, который он положил мне в пупок, скатывается с меня и падает на деревянный стол.

На мгновение он опускает руку на мое бедро, и я внушаю себе, что это всего лишь жест утешения. Это меня успокаивает, и я глубоко вдыхаю. Его рука снова движется, хватаясь за край джинс спереди и натягивая их так, чтобы он мог разрезать ткань.

Ткань трещит, и натяжение в районе бедер спадает.

— Очень хорошо. Эти порезы были сделаны нарочно. Если бы ты дернулась, то еще сильнее покромсала бы себя.

Я ничего не отвечаю.

— Давай приступим ко второй ноге.

Он снова меня режет. Сильнее, чем первую ногу. Но на этот раз я не двигаюсь. Позволяю ему все, что он хочет. Теперь я ощущаю свой запах. Крови, мочи, пота и страха. Не знаю, сколько я пробыла здесь, но исходящая от меня вонь говорит в пользу дней, а не часов.

- А теперь эти милые трусики. — Он с легкостью разрезает их возле каждого берда. — И сорочку. — По одному надрезу на каждой лямке, и затем он прячет нож, на мгновение с силой сжимает мою грудь, а затем разрывает ночнушку надвое прямо посередине.

Я голая. Обнажена. И никогда в своей жизни не была так рада тьме. Я всхлипываю, как можно тише, пока он уходит.

Комната погружается в тишину, и я уговариваю себя не привлекать лишнего внимания. Он ушел? Или все еще здесь? Почему он не обращает на меня внимания?

Тишина затягивается, а я все лежу на столе. А затем комнату наполняет рев, и я осознаю, что это звук текущей по трубам воды.

Через мгновение слышится звук стука его ботишков о пол. Он все-таки уходил. От этого я чувствую себя лучше. Он и так достаточно жуткий. Настолько, что мне бы не хотелось начать представлять, что он, будто какой-то псих, все это время стоял в темноте, делая вид, что его здесь нет.

— Я помою тебя, Сидни. А то ты отвратительно воняешь.

Не знаю почему, но представляю теплые прикосновения губки.

И в этот самый миг он направляет на меня шланг. Неистовый поток ледяной воды врезается в мое тело, словно тысяча камней. Я кричу и не могу остановиться. Это больно. Я поворачиваю тело так, что большая часть воды бьет в мой левый бок, но Кейс не задерживается надолго на одном месте. Он перемещает струю по всему моему телу. Даже

между ног.

Мои всхлипы не прекращаются. Это так больно. Все тело горит огнем от сильной струи из шланга.

Но затем, так же резко как все началось, это заканчивается. Я слышу, как вода замирает в трубах, отчего понимаю — это временная передышка.

— Теперь я вымою тебя. — И даже несмотря на то, что именно этот образ всплыл в моей голове, когда он говорил похожие слова ранее, я сильно удивлена, когда теплая тряпка касается моей кожи, растирая места, куда минуту назад била струя.

Он аккуратен. Он моет мочалку в ванночке с водой, выжимает ее и затем ласкает ею все мое тело. Он моет меня везде. Но в этом нет ни намека на сексуальность. В процессе Кейс не произносит ни слова, как и я. Он просто смывает с меня грязь и заменяет ее чем-то новым. Чем-то свежим.

— Мне нужно в туалет, — говорю я, надеясь, что он развяжет меня и даст хоть какую-то одежду.

— Теперь я должен тебя сполоснуть. Не стесняйся опорожниться, пока я буду это делать.

— Как? — спрашиваю я, не успев остановить себя вовремя. — Прошу, только не шланг! — Я задыхаюсь от собственных всхлипов, когда слова срываются с уст.

Ледяная вода — единственный ответ. Она ударяет в меня, стирая все приятные ощущения от мытья губкой. Я зажмуриваю глаза и на этот раз позволяю ему омыwać себя. Одновременно с тем я писаю от страха и нужды. Я даже не пытаюсь увернуться от воды. Какой смысл? Я привязана к столу, с разведенными в разные стороны ногами. Мне не скрыться. Он ясно дал это понять.

Я теряю ощущение времени, но в конце концов мое наказание заканчивается. Теперь я уже даже не плачу. Мое тело замерзло. Оно ужасно болит. Я напугана. Голодна. И у меня нет больше сил на сражение. Дрожь пронизывает мое тело, когда глубоко вдыхаю, принимая этот холод.

Снова раздается звук его шагов. Только на этот раз это не звук ботинок. А голых стоп.

Он подходит к столу и молча стоит там.

Все мое тело снова начинает безудержно трястись. Зубы стучат друг о друга, а все мышцы напрягаются, когда страх берет надо мною верх.

— Ты замерзла? — спрашивает он.

Я не могу расслабиться достаточно для того, чтобы ответить, но чтобы не расстраивать его, пытаюсь пробормотать хоть что-то.

И затем он опускает руку на мой живот. Она такая теплая, словно он только что держал ее над костром. Ничего — и я правда имею в виду ничего — никогда не ощущалось настолько приятно.

— Так лучше? — спрашивает он.

Я киваю и открываю глаза. В комнате по-прежнему темно. Но я не хочу, чтобы он убирал руку. Это единственная часть моего тела, которая прямо сейчас чувствует себя хорошо. И тут он ложится грудью поверх моей груди. Все его тело словно разогрето огнем. Я жажду этого жара. Нуждаюсь в нем до чертиков.

— Хочешь, я останусь тут с тобой? Обниму тебя и согрею?

— Да, — выдыхаю немедленно. Ни секунды сомнений.

Он забирается на стол и на мгновение прижимает свое тело к моему. А затем садится и

наклоняется вперед. Напряжение, удерживающее мою левую ногу неподвижной, ослабевает. То же самое происходит с правой ногой.

Я свожу их подтягиваю к груди, пытаюсь согреться. Но он аккуратно отодвигает их. Пододвигается ко мне всем телом и наши ноги переплетаются. Его грудь обнажена, но ниже все еще надеты джинсы. Его руки оборачиваются вокруг моей талии и крепко прижимают меня к нему.

Все остальное уходит на второй план. Есть только жажда. Унижение. Запах. Голод. Порезы. Влага. Холод. В следующее мгновение он полностью отстраняется. Секунда, и Мэррик Кейс наклоняется к моему уху, шепча глубоким хриплым голосом:

— Я обладаю тобой. Думаю, ты забыла это, Сидни. Но я терпелив. Я буду тебе напоминать. Раз за разом. Пока ты не свыкнешься с данным положением вещей, и тогда я смогу закончить то, что начал восемь лет назад.

CHAPTER SIX

MEER

"Верю ли я в понятие правильно и неверно? Конечно. Но только пока вы понимаете, что я всегда прав."

— Кейс

Она лежит абсолютно неподвижно, вбирая мои слова. Молча. Я протягиваю руки и щипаю ее за сосок, сильно сжимая.

— Я никогда не говорю ради того, чтобы послушать самого себя, Сидни. Когда я обращаюсь к тебе, даже если это не вопрос, ты будешь отвечать мне. Ты можешь лишь выбрать в каком ключе говорить. Я поправлю тебя, если твой ответ будет неверным. Но ты всегда должна отвечать.

— Хорошо, — шепчет она.

— А теперь устраивайся поудобнее, — она выпускает едва слышное хныканье в знак согласия, но на этот раз я игнорирую его, — давай поговорим о Гаррете. Где он?

— Ты его убил.

— Я не убивал его. Но сделал бы это с удовольствием.

— Он исчез несколько лет назад. И если ты наблюдал за мной, а я знаю, что ты наблюдал, тогда тебе это уже известно.

А она смелая, стоит отдать ей должное. Потому что это заявление было открытым

неповиновением. Почти что вызовом. Но еще она глупа.

Я сажусь, отстраняясь от нее, более не согревая. Она несколько раз быстро вдыхает, но затем успокаивается и шепчет:

— Постой.

— Слишком поздно, ковгерл. Или мне следует начать называть тебя дикой кошечкой? Хмм? Слишком нахрен поздно. Но ты научишься себя вести. В конце концов.

Я встаю со стола и направляюсь обратно к водяному шлангу, а затем снова его включаю.

Она даже не шевелится, пока я обливаю ее в третий раз. Но я замечаю, как она прикусывает губу так сильно, что выступает кровь, и, когда отключаю воду, Сидни практически трясется от холода.

Я бросаю шланг на пол и подхожу к ней.

— Я думала, ты его убил, Кейс. Клянусь богом. Думала ты убил его и моего отца. Я не знаю, где он.

— Я и правда убил твоего отца. Прямо на этом столе. — Это побуждает ее всхлипы сорваться с уст. — Но Гаррет сбежал. Куда он отправился и чем занимается?

Она прищуривает глаза и слегка качает головой. Но Сидни знает, что ее ждет, если не ответит. Знает, что я не шучу. Я здесь не для того, чтобы играть с ней в забавы. Я здесь не для того, чтобы присматривать за ней. Так что она глотает немного воздуха и отвечает.

— Возможно, он вернулся в нашу хижину?

— Я проверил там. И затем сжег ее. — Она резко втягивает воздух. Какое ей до этого дело? Это вызывает у меня недоумение. И даже расстраивает. — Итак, еще одна попытка.

— Где-то разбил лагерь? — предполагает она.

— Где?

— Лагерь разбивают в местах, у которых нет названий, эти места знают лишь те, кто бывал там. Я могу показать тебе...

— Неправильный ответ. Постарайся получше, Сидни. Расскажи мне, где он разбил лагерь, и я не стану обливать тебя снова.

Она подтягивает колени к груди, так как я развязал ее ноги, тем самым пытается прикрыть себя от напора ледяной воды. А затем Сидни снова прищуривает глаза. Думаю, это признак того, что она размышляет. Но я не достаточно с ней контактировал, чтобы понять правильны ли мои догадки, придумывает ли она очередную ложь или просто осмысливает свои следующие слова.

— Мы всегда разбивали лагерь в Йеллоустоун. Начинали у Багровой горы и затем поворачивали за вторым холмом, продолжая взбираться до вершины, после чего спускались с противоположной стороны. Там есть оленья тропа...

— Думаешь, он там?

— Нет, — она отвечает не раздумывая, и я улыбаюсь.

— Нет, он не там. Я следил за вами двумя в тех местах несколько раз. Так что уже проверил этот вариант, причем несколько раз в течение последних лет. Где еще?

Она продолжает озвучивать список мест, где они разбивали лагерь, и каждый раз отвечает отрицательно на мой вопрос. Я знаю, что он не занимается кемпингом, но это дает Сидни время подумать о дальнейшем развитии событий. И, поскольку я умен, я позволяю ей использовать это время.

— Это все? — спрашиваю, когда она наконец смолкает. Ее зубы стучат все это время, так что, думаю, она буквально теряет вес у меня на глазах, так сильно напряжены ее мышцы.

— Это все, Кейс. Клянусь. — Выходит *Ккк-ееейс* и *клллл-яая-нуу-сь*.

Я верю ей. Но за прошедшие восемь лет я проверил все эти места. Кажется мужчина действительно хрен знает куда подевался. Конечно, мир велик, а я всего лишь человек. У меня есть партнер, но даже двое могут упустить из виду несколько мест, когда обыскиваешь всю планету в поисках кого-то.

Однако во всем этом нет смысла. И прямо сейчас — это размышления без толку. Я здесь, чтобы установить контроль, и, думаю, успешно продвигаюсь на данном поприще.

— Ну, я устал. И голоден. Так что отдохни пока немного.

Я сую руку в карман и извлекаю шприц, щелкаю по нему ногтем и прижимаю к мышце ее плеча.

— Ты тоже можешь поспать. Но еда, Сидни, еда — это награда. Не право. Ты можешь протянуть еще несколько дней до того, как мне правда понадобится тебя накормить.

Она хнычет, но почти немедленно прекращает.

— Я замерзла.

— Так и должно быть.

— Пппп-ожалуйста, — заикается она, ее губы дрожат, а ноги трясутся. — Согрей меня снова. Прошу.

Я кладу руку ей на живот, как делал это раньше, и она расслабляется, медленно выдыхая.

— Мне нравится видеть твои страдания, Сидни. Не делай ошибок. Я согрел тебя ранее не для того, чтобы осчастливить. А чтобы смутить. Дам тебе совет. Он поможет тебе вынести следующие несколько дней перед тем, как я тебя убью...

— Нет, — говорит она, умоляя. — Нет, прошу.

— Я ненавижу твою гребаную смелость. И мечтал о твоём убийстве все эти годы. Так же как мечтал об убийстве твоего отца. Я мучил его на этом самом столе. Он пропитан его кровью. И твоя кровь тоже впитается в это дерево. Так что, если ты хочешь, чтобы все прошло легко, делай как я тебе говорю. Не лги. И не ожидай, что мне есть до тебя дело. Потому что я буду лишь рад ебать твой мозг в течение нескольких дней, вытягивая из тебя информацию. Информацию, которая, как я *знаю*, у тебя имеется. И я ее *получу*.

А затем она начинает рыдать. Неудержимо всхлипывая. Я жду пока подействуют наркотики и потом перерезаю веревку, которой она привязана к стене за столом. Она пытается сесть, но терпит неудачу, и тогда сон побеждает ее плачевные попытки, и девушка сворачивается в позу эмбриона, отчаянно пытаясь согреться.

Я глубоко вдыхаю и направляюсь к шлангу, сворачиваю его и вешаю на крючок в примыкающем подсобном помещении. Затем закрываю и запираю на замок двери за собой. Я снимаю очки ночного видения перед тем, как включаю свет, а потом кладу их в маленькую камеру с инструментами и выхожу через соседнюю дверь, направляясь обратно в примыкающую хижину.

В доме довольно холодно. Я был с ней, по крайней мере, пару часов, так что огонь погас. Бросаю в камин немного дров и переодеваюсь в сухую одежду, а затем перемешиваю рагу, которое весь день млеет на огне, тем самым стимулируя запахом ее голод. Я зачерпываю немного рагу в металлическую миску и сажусь на диван в паре метров от огня, поглощая еду.

Закончив, я растягиваюсь на диване, кутаясь в медвежью шкуру, валявшуюся на спинке дивана, и думаю о том, что делать дальше.

Я расцениваю все способы, которыми могу ее сломать. В данном вопросе моя фантазия крайне изощренная. Но даже несмотря на то, что я знал, как убью ее отца, сенатора Ченнинга, еще с того момента, в который он испортил мне жизнь, у меня нет четкого плана для Сидни. Я проигрывал все это в голове множество раз, но не могу решить, какой способ доставит мне больше удовольствия. Я не уверен.

Сейчас топ-позицию моего списка занимает удушие во время секса. Но мне всегда нравилось перерезать людям глотки. Это происходит быстро, в чем минус. Однако довольно грязно, и это плюс.

К тому же, конечно, у меня есть свой почерк. Стиль убийцы. Пуля в затылок.

Я не знаю. Не могу решить, как ее убить. Если я заставлю ее выдать мне Гаррета, то смогу прикончить их разом. Я точно знаю, как собираюсь убить этого сукина сына.

Данная мысль вызывает у меня улыбку, а затем я поворачиваюсь на бок, закрываю глаза и наслаждаюсь теплом от камина и приятной тяжестью рагу в моем животе.

Удивительно, каким удовлетворенным я себя чувствую лишь после первого дня ее допроса. Я сломал ее так быстро. Быстрее, чем того ожидал. Возможно, она стала слабой. Он избивал ее довольно сильно, но его отсутствие расслабило ее. Должно быть он знает об этом. Она была вдали от него. Живя своей как бы нормальной жизнью в Шайенне. Управляя его маленьким сельским ковбойским баром. Ночи в баре и увеселительные живые группы заменили ей тренировки ополчения.

Но то дерьмо никуда не исчезало, оно внутри нее, — напоминаю я себе. Возможно ее навыки заржавели. Ты забываешь, на что похоже жить по расписанию, барахтаясь ради выживания. Но при правильных тренировках все навыки возвращаются довольно быстро.

А ее тренировки были исключительно хороши. Гаррет четко знал, что делал, когда брал ее с собой в ту ночь, пытаюсь меня убить. Он знал. Он подставил меня тогда и делает так сейчас. Я чувствую это. Что-то идет не так. Что-то неправильно.

Возможно, он достаточно хорош, чтобы скрываться от меня все эти годы и преуспеть в данном вопросе. Конечно, он был обучен гораздо лучше моего. Он — дитя Компании, тогда как я был просто заменой рядового члена после того, как мой друг перестрелял множество убийц Компании по одному. Но они говорят, что я настоящий. Природный убийца. И это все, кем я когда-либо хотел быть.

Психопат.

Холодная, безэмоциональная, пустая раковина в форме человека, единственная жизненная цель которой — убить эту девушку и мужчину, натренировавшего ее, тем самым поставив свой мир снова с головы на ноги.

CHAPTER SEVEN



"Когда у меня отнимают всю силу, передо мной все еще остается выбор. Например, я могу выбрать не реагировать. Это могущественный выбор, когда владеющий мной человек считает, что у меня нет никакой власти."

— Сидни

Когда просыпаюсь, все мое тело болит. Всюду, куда касалась струя воды, распространилось ужасное жжение, словно я в огне. Мое тело больше не привязано, но когда двигаю ногами, порезы вспыхивают болью. Каждый из них по отдельности, казалось бы, незначителен. Но когда их десятки, особенно на внутренней стороне бедер, это сложно игнорировать.

Я слпатываю и понимаю, что снова хочу пить. Он накачал меня наркотой. Она путает мои мысли. Но я по-прежнему жажду воды. В обычные дни я пью довольно много, и будучи лишенной...

Постойте. Из раковины снова капает.

Она с наркотиками, — говорит мне мой разум.

Но зачем подмешивать наркотики, если я только что проснулась? Нет. Он что-то делает со мной. Я просто не знаю, что именно, но нет смысла в том, чтобы вода...

Вдруг осознаю, что замерзла. Все мое тело дрожит. Мой темный мир в полной мере снова наваливается на меня, когда я отхожу от этого забытья. Все вокруг такое холодное, все... За исключением моих стоп. Они все еще приятно теплые.

Почему? Почему ничто из всего этого не имеет смысла?

Я сажусь, и голова идет кругом из-за окружающей тьмы и отсутствия точки концентрации. Собрав себя в кучу, я жду, пока мое зрение прояснится.

Но это не срабатывает. Так что я закрываю глаза и ощупываю ногами пространство вокруг себя. Мне не нужны глаза. Чем они мне помогут в полной темноте? Спустя несколько минут, я тянусь кончиками пальцев вниз, отмечая что они больше не теплые — так что эта странность была обусловлена не моей биологией. Я касаюсь ногами грубого бетона на полу. Встаю, и какое-то время меня шатает, так что я хватаюсь за стол, используя его как опору, пока двигаюсь к его краю. Тепло исходит от этого края.

Я опускаюсь на колени и ползу вперед, по мере моего продвижения воздух становится теплее. Я добираюсь до стены, которая, к слову, оказывается не деревянной, а металлической, и прижимаю к ней ладонь.

Это обогреватель или что-то подобное. Оно около метра в ширину и метра в высоту. Я жмусь к нему всем телом и слышу звуки с противоположной стороны.

Звуки огня. Это камин, только я на обратной его стороне. Меня отделяет лист металла.

Но это лучшее, на что можно надеяться. Так что я сижу здесь, позволяя себе расслабиться. Он обеспечил меня теплом. И водой, — размышляю я, краем уха улавливая звук капавшей воды в другом конце комнаты. Тепло и вода. Я чистая.

В результате выходит, он дал мне три вещи. Из чего следует, что он даст мне еще больше.

У меня появляется маленький проблеск надежды.

Внезапный лязг решетки вырывает меня из фантазий, которые я себе придумала. В той части комнаты, где расположена раковина на полу, прорисовывается полоска света, и через дыру на уровне пола размером с большую миску проскальзывает поднос.

Еда. Это четвертая вещь. И я не сделала ничего, чтобы заработать ее, если не считать моего пробуждения. Я сглатываю, размышляя, что это может означать, и одновременно с тем ползу вдоль стены, пока не добираюсь до подноса. Мясо холодное, а фрукты теплые. Но я не против холодного мяса или теплых фруктов.

Я беру несколько ягод — рассеяно гадая, где он достал их в глубокую зиму — и сую в рот. Они не очень сладкие, но меня это не заботит. Малина зрелая и мягкая. Она практически тает на языке.

Мясо — это дичь, но мне нравится мясо дичи. Я привила себе любовь к этому виду мяса за многие годы кемпинга с Гарретом. Могу сказать, что это лось. Еды не много, всего несколько кусочков. Но прошло уже столько времени с моего последнего приема пищи, что по окончании желудок ощущается полным. Я заставляю себя доесть и ягоды — нуждаясь в содержащихся в них витаминах — а затем встаю и на ощупь иду к капающему крану. Наклоняя голову, я позволяю каплям скопиться у меня во рту, сглатываю и повторяю так несколько раз, пока не утоляю жажду. После этого я направляюсь обратно к зоне тепла и ложусь перед горячей стеной, прислушиваясь к треску дерева.

Что он делает?

Я спрашиваю себя об этом снова и снова. Но уже знаю ответ. Он хочет найти Гаррета. Черт, я бы тоже хотела его найти.

Нет. Ты хочешь к Бретту, а не к Гаррету.

Это правда? Я хочу к Бретту? Что он думает обо мне? Что я сбежала с нашей свадьбы? Он думает, что я спланировала бегство? Или что меня похитили? Ищет ли он меня прямо сейчас? Обнаружил ли он мой грузовик на горной дороге?

Там были следы крови. Я попала в аварию. Так вот почему мое тело так болит. Возможно, это не из-за напора воды из шланга? Быть может, это последствия аварии?

Я так запуталась. Зачем я вообще бросила Бретта? Он был единственной хорошей вещью в моей жизни с тех пор, как ушел Гаррет.

Кейс бы убил его, ты знаешь это, Сидни.

Кейс сделал бы это. Теперь я даже не сомневаюсь. Я поступила правильно, уехав. Это правильно по отношению к Бретту. А как же я? Для меня это не принесло ничего хорошего.

Кейс собирается меня убить. Все хорошее, что он дает мне сейчас, — это просто средство достижения цели. Он держит меня в живых в своих собственных интересах. Он сказал это четко. Этот мужчина меня ненавидит и с нетерпением ждет моей смерти.

А еще он убил моего отца.

Есть ли мне до этого дело?

Нет. Нет, это еще одна неприятность, которая обернулась благословением. Мой отец был чудовищем. Если Кейс — монстр во тьме, то мой отец — монстр при свете дня. Прятавшийся за сиянием своей карьеры, деньгами и статусом.

Я испускаю тихий смешок.

— Больше этому не бывать, мудака.

Потому что он мертв.

Я окидываю взглядом комнату и вижу лишь черноту. Но могу представить все у себя в голове. У меня очень живое воображение. Я могу представить, как отец корчится от боли на этом столе. Возможно, его тоже обливали из пожарного шланга.

Я смеюсь, воображая, как с него срезают один из дорогуших костюмов. Представляю Кейса, режущего его сильнее, чем было со мной. То есть, я же молодая, симпатичная и сексуальная. Даже я осознаю это. А мой отец старый, подлый и отвратительный. Кейс явно не накрывал ладонью член отца, как делал с моей киской.

Зачем он вообще делал это?

Он собирается изнасиловать тебя, Сидни.

Минуту я осмысливаю это. Он собирается меня изнасиловать. Я знаю это. Я чувствую это.

Ты можешь использовать это против него.

Возможно.

На другой стороне комнаты скрипит дверь, и я заставляю себя замереть. Гляжу в том направлении. Не единого проблеска света, в отличии от того раза, когда появился поднос с едой, так что я не вижу ничего.

Но могу точно ощутить его присутствие. Я чувствую его аромат. И это не отвратительный запах. Он не пахнет, как тот, кто живет в лагере в лесу в течение нескольких недель. В этой хижине явно есть душ, потому что от него исходит чистый запах мужчины.

— Чего ты хочешь?

— Ты знаешь, чего я хочу, — отвечает он.

— Я могу назвать тебе все места, где по моим прикидкам может быть Гаррет.

— Я знаю это, Сидни. Но хочу не этого. Я хочу, чтобы он был в том месте, которое ты назовешь.

— У меня нет такой информации.

— Есть, — настаивает Кейс. — И я получу ее от тебя.

— А затем изнасилуешь и убьешь.

Он смеется, и по моим рукам бегут мурашки. Он снова смеется, и волосы на затылке встают дыбом. Я даже не могу описать словами то, как его смех на меня воздействует.

Страх, — подсказывает внутренний голос. — *Ужас*.

Я делаю глубокий вдох.

— Я тебя не боюсь.

— А стоит.

— Я ничего не боюсь.

— Ты боишься всего, Сидни Ченнинг. Я наблюдал за тобой восемь лет и никогда не встречал более слабой девушки. Я знал двенадцатилетнюю девочку, которая была храбрее, чем ты прямо сейчас.

— Не уверена, что она считается.

— Иди на хуй, — рычит он.

— С удовольствием, но ты не разрешаешь.

Он шагает ко мне в темноте, и я осознаю, что у него, очевидно, есть очки ночного видения. Он носил их все это время. Каждую секунду, что я думала, будто он во тьме, была ложью, самообманом. Как бы он мог увидеть, что я киваю, или что одета в красивые трусики, или срезать с меня одежду без очков ночного видения?

Мой желудок сжимается, пока его ботинки стучат о пол, а затем он оказывается прямо передо мной. Прежде чем могу увернуться, он дергает меня вверх и прижимает к своей груди, сжимая мои плечи так крепко, что останутся следы.

— Есть огромная разница между смелостью и тупостью. Ты тупая.

— Почему тебя заботит мой интеллектуальный уровень? — спрашиваю я. Его дыхание горячей волной обмывает мое лицо и немного пахнет малиной. — Ты собираешься мучить меня, насилловать, а потом убить. Что я теряю, выбирая глупость вместо храбрости?

— Своего жениха, — отвечает он.

Должна признать, он застал меня врасплох.

— Я знаю, почему ты сбежала. Сколько раз я должен это произнести? Я обладаю тобой. Владею твоим разумом, телом и будущим. — Он делает паузу, размышляя. — Или по крайней мере тем, что осталось от них.

Я пытаюсь отстраниться, и он позволяет мне выскользнуть из своего захвата. Делаю несколько шагов задом наперед и затем спотыкаюсь о край камина и валюсь на задницу. Я поворачиваю голову в том направлении, где думаю, находится его лицо.

— Если бы я знала, Кейс, — я использую его имя. Так ведь говорят вести себя с похитителями? Заставьте его увидеть в вас личность вместо цели? — Я бы сказала тебе. Но у меня нет ни малейшего представления, где Гаррет. Я правда думала, что он мертв. И действительно считала, что убил его ты. Я на самом деле...

Кейс хватается за плечи и поднимает на ноги до того, как успеваю закончить, а затем тащит обратно к столу. Поднимая, он сажает меня на столешницу, все еще крепко удерживая, и потом наклоняется к моему уху.

— Я знаю, что ты так *думаешь*. И только поэтому ты все еще жива.

В его словах нет смысла.

Но в следующую секунду игла вонзается в мою руку, и жжение от наркотиков распространяется по мышце.

— Зачем ты накачиваешь меня? — спрашиваю я, дрожащим голосом. — Я отвечу на любой имеющийся у тебя вопрос, просто, пожалуйста. Перестань накачивать меня наркотой.

CHAPTER EIGHT

HERE

"Страх, как и все другие эмоции, — оружие, которым я искусно владею".

Я не отвечаю на вопрос, просто крепко держу ее на месте, ожидая, пока действуют наркотики. Она начинает опираться на меня, а ее тело становится тяжелым. Спустя несколько минут она оседает.

Я беру ее на руки и кладу на стол, сперва привязывая ноги, а затем руки. Кончики моих пальцев путешествуют вдоль ее ног, ненадолго задерживаясь на порезах, которые я сделал ножом, а затем наклоняюсь к ее голове. И шепчу:

— Ты готова?

Я чувствую, как она кивает, не сильно, но этого достаточно, чтобы понять, что коктейль, введенный в ее кровь, подействовал.

— Тогда ладно. Давай снова начнем с начала. Что случилось после того, как я оставил вас в хижине восемь лет назад? Когда я бросил тебя с Гарретом?

Она бормочет что-то несвязное.

Блядь. Я превысил дозу.

— Сидни, — пытаюсь я снова. — Расскажи мне все, что случилось, когда я оставил тебя с Гарретом в хижине восемь лет назад.

Она снова бормочет, но на этот раз немного разборчивее.

Я жду несколько минут, гляжу на часы, а затем снова спрашиваю.

На этот раз она отвечает.

— Он был милым.

Хмм. Я слышал это раньше. Она говорила это уже несколько раз, когда была под наркотиками. Столько раз, что следует предположить, это правда.

— Насколько милым? Что он делал?

— Он учил меня рыбачить.

Я качаю головой и вздыхаю.

— Нет, — отвечаю резко. — До этого. Вернёмся к хижине. Что он сказал?

— Ничего. Он просто позаботился обо мне. Отвез нас в хижину в Бигхорн, где мы и остались. Это было мило.

— Мило? — В какую чертову игру играет Гаррет?

— Он заботился обо мне. Защищал меня.

Я качаю головой, так как должен сделать один из двух выводов. Либо дозировка была превышена. Либо этот ебать не тот, кем я его считаю. Я склоняюсь к первому, потому что второй за гранью реальности.

Мое дыхание срывается с уст в виде долгого фырканья, выражая неудовлетворенность и изнурение. Я так устал от этого дерьма. Хочу, чтобы все это закончилось. Хочу убить эту девку и этого парня и двинуться дальше. Я хочу вернуться к своим друзьям и сказать: "Дело сделано". Хочу увидеть выражение облегчения на лице Саши, когда она наконец оставит в прошлом смерть своего отца.

Но я не могу сделать ничего из этого, пока не пойму, что, вашу мать, происходит. Я знаю, что Саша была угрозой. Уже на тот момент она была хорошо подготовленной двенадцатилетней убийцей. Исходя из чего ее воспринимали, как непредсказуемый фактор, которым нужно заниматься. Она была обязательством и активом, поскольку у нее имелись ответы на все вопросы, за что всем стоит сказать спасибо ее болтуну-отцу.

Это-то его и убило. И почти убило *ее*. Но я спас ее задницу в ту ночь и спасал ее с того

дня снова и снова. Теперь она выросла. Ходит в колледж. Живет себе милой, безопасной, нормальной жизнью.

Так что мы выиграли. Или я просто так говорю ей это. Мы выиграли. И я знаю, что ей не следует в это верить. Но нормальная жизнь заставляет вас забыть об осторожности. Она живет нормальной жизнью слишком долго. В последний раз, когда я сказал ей это несколько лет назад, она ответила *"Окей. Мы выиграли"*.

И поверила мне.

Но я-то этому не верю. Не верил, когда говорил, и не верю сегодня.

Мы проиграли. Потому что мы так и не получили ответ на вопрос "почему". Почему?

Мне нужно это знать, а Гаррет МакГоверн — способ достижения данного уровня удовлетворения. И моя единственная связь с Гарретом — это Сидни.

Что, если я ошибаюсь? Что, если у Сидни нет ответов? Она прошла проверку на детекторе лжи, когда я накачал ее, сразу после того, как притащил сюда. Это было десять дней назад. С того времени она в основном находилась без сознания. И конечно, не помнит этого. Наркотики, которые она принимает, стирают ее память.

Мне нужен иной подход.

Опуская руку на ее щеку, я прижимаю ладонь к ее нежной коже. Она издает тихое "Мммм" в ответ на данный жест и льнет к моему прикосновению. Словно хочет меня.

Слыша эти бормотания, я закрываю глаза и думаю над тем, что они могут значить, глубоко вдыхаю и напрягаю мозги.

— Теперь я хочу, чтобы ты сосредоточилась, Сидни. Когда в последний раз ты видела Гаррета?

Она тоже делает глубокий вдох, копируя мой собственный.

— Вчера.

— Блядство. — Черт возьми, все идет не так. — Нет, Сидни. Это было не вчера. Прошло много времени с того дня. Расскажи мне о последнем разе, когда ты видела Гаррета.

— Ночь накануне моей свадьбы.

— Иисус Христос. — Она все путает. Пиздец, она путает меня с ним. Я выхожу из комнаты и закрываю за собой двери. Сжимаю в кулак свои волосы и ощущаю, как в моей груди образуется рев. Но я пытаюсь успокоиться и направляюсь в гостиную хижины, а там сажусь на диван.

Я ничуть не продвинулся. Она приняла слишком много наркоты. Я добрался до нее поздно, она слишком травмирована. Откровенно говоря, ее не так легко сломать, как я считал сперва.

Я размышляю о том, чтобы позвонить другу и попросить пояснить мне, что могло так сильно исказить ее память. Но отбрасываю эту идею. Он больше этим не промышляет. Никто из моих друзей больше не имеет дела с этим дерьмом. Я последний. Я единственный, кто все еще в деле.

Шагая в другую часть комнаты, я поднимаю свою гитару. Затем направляюсь обратно к дивану и прислоняюсь к подлокотнику из мягкой кожи, скрещивая ноги и бережно устраивая инструмент у себя на коленях.

Я начинаю бренчать. И это помогает мне думать. Черт — я улыбаюсь, когда вспоминаю — эта гитара прошла со мной и Сашей самые хуевые моменты жизни.

Боже, я скучаю по ней. Она закончит колледж этой весной, и я буду там. Я буду там с подарком в руках. Даром удовлетворения. Возмездием. Местью.

И эта глупая девушка в соседней комнате — мой единственный шанс претворить данный дар в реальность.

Мои пальцы начинают наигрывать мелодию. Ту, что я слышал, как проигрывает Сидни, раз за разом, с тех пор как я начал за ней наблюдать. Это мелодичная песня, которая понравилась бы Саше несколько лет назад, когда она тащилась по подобного рода мелодиям. В те дни она была помещена на школе. У нее не было времени ни на свидания, ни на вечеринки или даже музыку. Этот ребенок — быстро мчащаяся стрела, цель которой динозавр.

Напряжение покидает мое тело, когда думаю о своей приемной младшей сестренке. Не дочери. Мой друг, психолог-любитель оформил на себя ее удочерение. Он может носить титул ее отца.

Я же по факту смеюсь над этим. Смеюсь над всеми теми звонками, которыми он доставал меня, когда ей было четырнадцать, а он пытался помочь ей влиться в цивилизованную жизнь после всей той хрени от нашей последней работенки.

Нет, их работенки, — поправляю я себя.

Они двинулись дальше. Жизнь продолжается. И они жили с этим.

Но я? Я застрял. Я застрял во времени. Я застрял в районе между Шайенном и Ларимером. В той ночи, когда отец Сидни и Гаррет пытались убить Сашу, но вместо этого убили ее отца. Ночи, когда я поклялся достать этих ублюдков.

И я достал. Давным-давно. Мы достали их.

Всех, кроме одного.

Он-то мне и нужен.

Мне необходимо мучить его и взыскать плату.

Нужно его убить. И Сидни Ченнинг должна претворить это в жизнь.

Я сделаю все, что потребуется ради мести.

Все. Что. Потребуется.

CHAPTER NINE

STORY

"Когда монстр во тьме хочет перетянуть тебя на сторону света, просто молчи и не двигайся."

— Сидни

Я выхожу из-под воздействия наркотиков так же, как и в прошлые разы. Пересохший слипшийся рот, отчаянно жаждущий воды. Живот урчит. И тишина. Только мои ноги находятся в тепле. Глаза ничего не видят из-за нехватки света.

Я вздыхаю. А затем сажусь и повторяю все по накатанной. Спускаю ноги на пол. Иду к камину, чтобы погреться. На каменной части камина расположен коврик. Еда проскальзывает в щель в стене, сразу после появления полосы света. Ползу. Ем. Встаю. Пью.

На этот раз он не приходит.

Зачем он накачивает меня?

Я снова ползу к покрытой ковриком части камина и сажусь. Коврик очень тонкий. Но это уже больше, чем было у меня вчера.

Так что засчитываю это в свой список под номером пять. Пять вещей, что он предоставил мне, дабы сгладить дискомфорт. Какая у него цель? Уговорить меня все рассказать с помощью простых удовольствий?

В любом случае, это работает. Я благодарна ему за коврик, воду, еду, тепло и тот факт, что не привязана.

Я ложусь на спину и вытягиваюсь. Длины ковра не хватает на весь мой рост, но мне все равно. Я передвигаюсь к металлической заслонке, ограждающей меня от основного жара и всего света огня в камине, и прижимаюсь к ней.

Ощущения такие приятные.

Я не боюсь, хотя стоило бы. В данный момент мне ничего не хочется. Так что думаю, что бы там Кейс не делал, он провалился.

Мои глаза закрываются и даже несмотря на то, что я только что проснулась от наркотиков, этот вид сна не сравним с обычным. Он истощает.

Какое-то время я остаюсь в данном положении, а потом начинаю улавливать едва слышные звуки с другой комнаты. Его ботинки ударяются о пол. Они приближаются ко мне, но с другой стороны камина, а затем отдаляются. Жар становится сильнее. Должно быть, он подбросил дров.

Пахнет едой. Я уже поела, так что уверена, эта еда готовится не для меня. Но я не голодна, так что бог с ним.

Я позволяю своим мыслям вернуться к Гаррету, а затем и к Бретту. Мне следовало бы думать о Бретте. Он добрый. И милый. У него такая хорошая семья. И мне ненавистно то, что он поймет, какой я дерьмовый человек, если они найдут мой труп.

Все те вопросы, что выплывут на поверхность вместе с моим телом. Все ответы, которые последуют за ними.

Я подавляю стыд. В течение этих лет я посещала нескольких врачей. В основном, когда уезжала из города по той или иной причине. Записываясь на прием заранее. У всех врачей я была всего по одному разу. То есть, я, конечно, говорила им, что вернусь, но никогда не приходила к одному и тому же врачу дважды.

И всем им я травила одну и ту же историю. Выдуманную, конечно, но достаточно близкую к истине, так, чтобы получить хоть маленькую частичку помощи из их ответов.

Все они говорили мне одно и то же. Я не несу ответственности за поступки своего отца. Я не ответственна за то, что связана с ним. Вы не можете выбрать свою семью, так принято говорить? Мне не нужно стыдиться за совершенное им.

Но как на счет моих собственных поступков? Того, что сделала я?

Дверь снова открывается со скрипом.

— Ты не знаешь, почему я уехала, — говорю я Кейсу, как только он заходит в комнату.

— Нет? — спрашивает он, садясь на деревянный стул. Он скрипит под его весом — Ну, тогда поведай мне, почему ты уехала.

Я могла бы отказаться. Это не его дело. Мне не обязательно трепаться с ним по душам. Это не изменит его намерений. Он спрашивает ради простого доброго любопытства. Но я не собираюсь отказываться отвечать. Хочу, чтобы он знал.

— Потому что я люблю его. Они хорошие люди, а я знала, что ты вернешься. Я слышала твои слова. Знала, что они означают. И знала, что ты просто ждешь какого-то значимого момента в моей жизни, чтобы снова объявиться.

— Ты пришла ко мне, Сид.

От того, что он употребляет мое привычное прозвище, внутри возникает необъяснимое чувство волнения.

— Я убежала от них. Чтобы спасти их от тебя.

— Ты пришла ко мне. Я ждал тебя там на дороге, потому что знал, ты придешь.

— Откуда, черт подери, ты это знал?

— Потому что ты мне сказала.

Я смеюсь.

— Ладно.

— Ты сказала мне это своими действиями. Я не был уверен, появишься ли ты той ночью. — На мгновение он смолкает, словно возвращается мысленно в ту ночь. — То есть, это несомненно было ловушкой. Но все прошло так просто. — Он включает маленький фонарик. Крошечный, работающий от батареек, лампочки достаточно, чтобы осветить его лицо, пока он продолжает свой рассказ. — Слишком просто, Сидни.

Я не видела его лицо столько лет. И не вижу его сейчас. Я смотрю в его глаза. Его глубокие желто-карие глаза, напоминающие цвет меда, или янтаря, или же заката, разукрашенного желтыми акварелями с теплым оттенком.

— Что просто? — шепчу я, очарованная его взглядом.

— Ты. — Он встает, роняя фонарь, а затем я вижу только то, как его ноги шагают ко мне. Он садится возле меня перед камином, и я могу ощутить исходящий от него жар огня. Чувствую запах дров. Он пахнет воспоминаниями о лесе в летнюю ночь.

— Ты была слишком простой, — продолжает он. — Возможно, Гаррет прямо сейчас направляется сюда. Быть может, он уже у дома, готов ворваться и убить нас.

Я фыркаю.

— Ты имеешь в виду тебя. Не меня.

Кейс снова поднимает фонарик, только на сей раз направляет его мне в лицо.

— Почему?

— Что почему? — спрашиваю я раздраженно.

— Ты его любишь?

Я прищуриваю глаза от света, и затем отвожу его руку в сторону, отчего фонарик покачивается. Подсознательно я ожидаю, что он ударит меня за это. Но ошибаюсь.

— А почему бы нет?

Он смеется, и я едва могу сдержаться от улыбки.

Ебанный боженька. Почему мой убийца выглядит вот так? Я опускаю взгляд на его грудь и понимаю, что он без рубашки. Его взгляд следует за моим, и когда я поднимаю глаза вверх,

он пожимает плечами.

— Там вроде как жарко, — говорит он, улыбаясь и кивая в сторону камина, намекая на другую его сторону, которую мне не посчастливилось лицезреть. Я открываю рот, собираясь что-то сказать, но он перебивает меня. — Нравится?

— Что? — слетает у меня с языка.

— Моя грудь.

Я закрываю глаза и улыбаюсь, а потом смеюсь.

— Ты спрашиваешь меня просто...

Но тут его рука оборачивается вокруг моей шеи, и его лоб упирается в мой.

— Да или нет? — Он сжимает в кулак мои волосы и тянет за них, заставляя поморщиться.

Но я не отвечаю. Да пошло оно. Я не буду говорить убийце, что он сексуален.

В следующее мгновение он поднимается на ноги, перебрасывая меня через плечо. Кейс швыряет меня на деревянный стол достаточно сильно, чтобы весь воздух разом покинул мои легкие. Руки снова оказываются привязаны к стене, и на сей раз он закрепляет их не по отдельности веревками, как было прошлый раз, а скручивает вместе с помощью кожаного ремня. Я подтягиваю ноги вверх и пинаю его в грудь. В результате, он отступает на пару шагов, а затем рычит и закрепляет мою дрыгающуюся ногу кожаной манжеткой. Повторяет то же самое со второй ногой. Вот и все.

Я готова. Готова быть изнасилованной.

Кейс делает вдох, словно ему нужно перевести дух, а я внутренне улыбаюсь, радуясь, что ударила его достаточно сильно.

— Предполагаю, он называл тебя дикой кошечкой не просто так.

Его слова останавливают меня. Как по волшебству. Я замираю, не в силах шелохнуться.

— Тсс, — говорит Кейс.

Это успокаивает меня, и я расслабляюсь, пока он переформулирует свою реплику.

— Почему он называл тебя дикой кошечкой?

Я так запуталась.

— Кто?

— Хорошая попытка, — говорит Кейс, усмехаясь. — Я не уверен, что здесь происходит, но мы во всем разберемся, киска. Мы определенно разберемся с этим. — А затем он достает перышко из кармана джинс и проводит его кончиком по моему соску.

Я ощущаю, как сосок твердеет от этого прикосновения, и закрываю глаза, одновременно с тем мотая головой.

Он наклоняется ко мне, прямо к уху, и шепчет:

— Тебе ведь это нравится?

— Нет, — отвечаю я.

— Врунишка. — Он ведет пером по моим ребрам. Сперва вниз. Затем вверх. Вниз. И снова вверх. Останавливается в центре живота. — Почему ты носишь тот желудь в кармане?

Когда он задает этот вопрос, я прикусываю внутреннюю сторону губы, и когда отпускаю ее и делаю следующий вдох, ощущаю привкус крови. Это возвращает меня в реальность.

— Почему, Сид?

— Не называй меня так.

— Потому что так тебя звал один человек, а, дикая кошечка?

— И так не называй меня.

— Потому что это на самом деле не ласкательное имя, а нечто большее?

— О чем ты на хуй говоришь?

Кейс смеется.

— Попробуй угадать, сладенькая.

Я знаю, что речь идет о Гаррете. Я знаю. Но в словах Кейса нет смысла. Так что я ничего не говорю.

Кейс вздыхает. Но потом его перо движется по моему животу к области между моих ног.

— Бретту нравилось видеть тебя голой?

Внутренне я возмущена.

— Это не твое дело.

— Он вообще хоть раз трахнул тебя?

— Иди на хуй.

— Я знаю, что нет. Я слышал, как он однажды жаловался на это.

— Иди на хуй.

— Он боялся, что ты станешь огромным разочарованием в постели.

Я закрываю глаза, пытаюсь закрыться от него.

— Но ему не было о чем волноваться на сей счет, верно, Сид?

Я продолжаю молчать. Но Кейс не останавливает своих манипуляций. Перышко движется между моих бедер к киске. Он несколько раз щекочет кончиком пера мой клитор, заставляя меня заплакать от унижения.

— Перестань, — прошу я.

— Перестать? — спрашивает Кейс. — Ты и правда этого хочешь, Сид?

— Остановись, — повторяю я. — Остановись сейчас, и тебе не нужно будет добавлять слово "наильник" в свое резюме.

Он смеется себе под нос, словно я забавная.

— Я останавлиюсь, если ты скажешь это снова. — Я открываю рот, но он закрывает его ладонью до того, как могу вымолвить хоть слово. — Хашш, — говорит он.

Мой разум идет кругом от этого "Хашш". Есть что-то в этом слове. Что-то странное.

— Хашш, — повторяет он, словно понимает это. — Хашш, Сидни. Потому что думаю, я понимаю, почему мы никуда не продвинулись с наркотой.

Я поднимаю на него взгляд. Рука по-прежнему накрывает мой рот. Его янтарные глаза пронизывают меня. Я полностью в его власти. Под его контролем.

— Скажи да, и я отвечу на вопрос, что крутится у тебя в голове. Скажи да, и я положу конец всей этой неловкости. Скажи да, и я освобожу тебя от этого, способом, который тебе точно понравится. Прямо здесь на столе, где я убил твоего отца. Я расскажу тебе свой секрет. — Кейс делает паузу. И затем отнимает руку от моего рта. Слово "нет" громко звучит у меня в голове, но не может вырваться наружу.

Кейс выдыхает, стряхивая напряжение, которое скрывал все это время. Он не настолько контролирует все, как хотел бы внушить мне. А затем он продолжает свою игру. Перышко еще раз щекочет мой клитор. Я закрываю глаза и качаю головой.

— Тогда скажи нет.

Но я молчу.

Потому что это "Хашш" что-то означает, я просто не могу понять что. Хашш. Это нежное слово. Успокаивающее слово. Оно не значит *заткнись*. Не сопоставимо с резким

веди себя тихо.

Хашш.

Кейс наклоняется над моими разведенными ногами, опуская одну руку на внутреннюю сторону моего колена. Его прикосновения нежные, успокаивающие. Он слегка сжимает мою ногу, а потом припадает ртом к внутренней стороне моего бедра и целует отметины, оставленные ножом.

Я закрываю глаза и качаю головой. Мои ноги дрожат. Я хочу заговорить. Так сильно желаю сказать "нет".

Но "да" хочу сказать еще больше.

Его язык путешествует по моему бедру, а рука осторожно ласкает коленку другой ноги.

— Скажи да, — бормочет он между поцелуями. — Сдайся мне, Сид. Я знаю, ты хочешь.

Я хочу. Но не готова сказать это вслух.

Кейс расстегивает пряжку ремня, затем пуговку джинс, и тянет вниз собачку молнии. Фонарь светит недостаточно ярко, чтобы разглядеть все, но мне видна тень его большого члена, зажатого в кулак. Он роняет перо и тянется за ножом, закрепленным на его поясе. А затем сбрасывает джинсы, и мы оба оказываемся голыми.

Он забирается на стол, располагая колени по разные стороны от моих бедер.

Я хнычу.

— Я хочу, чтобы ты сказала "да", Сидни. Потому что прямо сейчас это ответ на все твои проблемы. Я — ответ на все твои проблемы прямо сейчас. Но ты все еще можешь сказать "нет". Это твой выбор. Твой последний шанс, Сидни. Я могу убить тебя прямо сейчас, — он подносит нож к своему горлу и имитирует движение во время перерезания горла, — и все будет кончено. Ты никогда не узнаешь правду. Никогда не столкнешься с этой реальностью. Скажи "нет", и я заставлю все это замешательство исчезнуть. Это будет так просто, и я сделаю все очень быстро.

Я продолжаю молчать.

— Но, дикая кошечка, ты правда хочешь перейти в другой мир, проиграв, вместо того, чтобы стать игроком? Ты правда хочешь сдаться? Сдаешься? Говоришь прощай? Разве ты не хочешь *знать*, Сидни? Не хочешь получить ответы на все насущные вопросы, которые у тебя точно есть?

Я задерживаю дыхание, пытаюсь понять его.

— Если ты дашь мне то, чего хочу, я сделаю это лучше и для тебя.

Что я должна сказать?

— Тогда трахни меня. Или убей. Мне без разницы. Делай все, что пожелаешь.

- Ты упускаешь главное, ковгерл. — Он смотрит на меня сверху вниз. Я не могу разглядеть его глаза, здесь слишком темно. Но знаю этот взгляд. Я видела его во снах много лет подряд. Я жаждала его.

И вот он здесь. Подарок, который я так хотела, но не таким образом я все это представляла. Я хотела, чтобы он решил спасти меня той ночью. И даже несмотря на осознание того, что я здесь лишь ради того, чтобы он мог меня использовать, мне все еще нужно держаться иллюзии, которую создала у себя в голове. Я хочу, чтобы Мэррик Кейс желал меня так же сильно, чтобы решил иначе. Хочу, чтобы он изменил мою жизнь. Я хочу, чтобы он вернул все назад.

— И что же во всем этом главное? — спрашиваю я тихо. — Скажи мне, что тебе нужно, и я попытаюсь дать тебе это.

Он выдыхает. Тихий довольный смешок срывается с его уст.

— Заезженные последние слова, Сид. Если ты правда хочешь дать мне то, что я хочу, тебе нужно рассказать все, что знаешь. — Он забирается поверх моего тела, опираясь на руки по разные стороны от меня, и хватает нож. А затем располагает свой член прямо у меня перед лицом. — Ты видела его.

— Кого? — спрашиваю я шепотом.

— Гаррета, — отвечает Кейс, перемещаясь и шепча это мне на ухо, после чего накрывает мои уста своими. — Ты видела его, Сид. Много раз. Ты куда-то пропадала время от времени. Исчезала на несколько дней. Иногда на неделю. Я думал, что ты отлично владеешь навыками скрываться. — Он немного отстраняется, так, чтобы я видела его лицо. Большую часть света перекрывает его тело, так что я плохо вижу его выражение. Оно почти что нечитаемое из-за теней. — Но знаешь, я думал, почему ты не реагируешь должным образом на наркотики, ковгерл. И единственный разумный ответ — это Гаррет.

Я качаю отяжелевшей головой и закрываю глаза.

— Я больше не хочу играть. Не хочу играть...

— Ты поиграешь со мной, Сидни. И знаешь, откуда я это знаю?

Я не отвечаю. Мои глаза закрыты. Голова так кружится.

— Потому что все, что мне нужно сделать, это лишь сказать тебе "хашиш".

Я поворачиваюсь. Темнота больше не кажется просто чернотой. Она становится для меня всем. Защитой, облегчением, желанием. Она взывает ко мне, заставляет хотеть этого мужчину так, как я не могу даже себе объяснить.

Она ломает меня надвое и опустошает.

И вот он здесь с моей наградой. Мой последний шанс положить всему конец.

И он наполняет эту образовавшуюся пустоту.

CHAPTER TEN

HERE

"Победа порождает чувство удовлетворения. Проблема в том, что вы не всегда способны решить, когда нужно остановиться. Иногда вы пересекаете границу дозволенного, даже не осознавая этого."

— Кейс

Губы Сидни оборачиваются вокруг моего члена, когда проскальзываю к ее горлу. Ее язык сплющивается, скользя по моему стояку. Я стону, желая видеть ее при свете. Лицезреть каждый миг, когда она принимает всю мою длину.

— Ты делаешь все хорошо, — говорю я, глядя ее щеку в знак одобрения.

Она немного давится, когда я слишком резко толкаюсь.

— Шшш, — говорю я. Она закрылась в себе. Потерялась в собственном мире. Мне ненавистно делать это с ней, пока она в подобном состоянии, но с другой стороны, необходимо, чтобы Сидни оказалась в том мире. Месте, где есть ответы. А это единственный известный мне способ отправить ее туда. Гаррет приучил ее к этому способу. Еще тогда он знал, как заставить ее выполнить его требования.

Я же лишь испытываю это сейчас. И она офигенно хороша в этом деле. Ее зубы скользят по моей плоти, вызывая желание большего. Я хочу видеть ее на коленях. Глядящую на меня широко открытыми глазами, полными желания удовольствия. Я бы сжал ее волосы в кулак и притянул к себе, вынуждая принять меня по самые яйца.

Одного этого образа достаточно. Я откидываю голову назад, и она задыхается, когда кончаю ей в горло. Сидни сглатывает и тут же начинает всхлипывать. Я достаю член из ее рта и спрыгиваю со стола, чтобы одеться.

Всхлипы перерастают в полноценный плач. Уродливые вздохи. Слезы, струящиеся по ее лицу. Кашель. Семя, которое она не проглотила, стекает по ее губам.

На миг я замираю, гадая, следует ли просто убить ее. Не это ли я собирался сделать?

Но все же не делаю этого. Потому что мне нужно от нее гораздо больше. Мне нужно оказаться внутри нее. Так что я наклоняюсь и шепчу ей на ухо:

— Хапш.

Она прекращает плакать, всхлипывать, кашлять. Словно я щелкнул переключатель.

Так и есть.

Я завожу руки за голову и гляжу на тени на потолке. Когда опускаю на нее взгляд, она тоже смотрит в потолок. Но ее глаза пусты.

Я знаю, что он сделал с ней. Знаю, что именно. Ебаный сукин сын.

Убей ее, — кричит голос у меня в голове. *Убей сейчас*.

Но вместо этого я вынимаю из кармана шприц и опускаю его к ее бедру. Мне нужны ответы, и она единственная, у кого они есть.

Мой телефон гудит в кармане джинс, так что я выхожу из комнаты, достаю его и нажимаю кнопку принятия вызова.

— Да. — В этом месте есть проблемы со связью. Покрытие то есть, то пропадает. Так что когда я купил эту хижину, то создал собственную сеть.

— Мистер Кейс, для вас есть сообщение.

Я включаю громкую связь и хватаю ручку и блокнот с журнального столика.

— Говорите.

— Саша звонила вам трижды.

Я бросаю ручку и провожу рукой по лицу.

— Что она сказала?

— Сказала, что ей очень сильно нужно с вами поговорить. Мне соединить вас?

— Конечно. Перезвоните, когда она будет на линии. — Я кладу трубку и сажусь на диван. Она — последний человек, с кем мне нужно говорить прямо сейчас. Несколько

секунд я наблюдаю за огнем, и затем мой телефон снова гудит.

Я включаю громкую связь и беру нож, начиная царапать им деревянную поверхность журнального столика.

— Саш, — говорю я, пытаюсь звучать жизнерадостно.

— Где ты был? Я тебе звонила.

— Я в горах. Здесь нет связи.

— Похоже, что так. Мне нужно, чтобы ты кое-кого проверил для меня.

Я хмурюсь и отключаю громкую связь.

— Почему ты не попросишь Форда?

Она смеется.

— Прошу тебя. Он последний, кого я хочу в это посвящать.

— Ответ «нет». Что-то еще? Я реально занят.

— Почему? Я просто хочу проверить данные об одном парне.

Теперь моя очередь засмеяться.

— Форд определенно может с этим справиться, малыш.

— Ага, но если он за это возьмется, то зайдет слишком далеко. Он использует свои связи и знакомства. И затем объявится и напугает до чертиков бедного парня. А мне бы этого не хотелось.

Чертов Форд.

— Я не могу, ладно? У меня нет с собой оборудования. Я... — Я думаю о Сидни в соседней комнате. Следует ли рассказать все Саше? Нет. Пока что нет. До тех пор пока не получу ответы. — Я, вероятно, не буду у компьютера еще несколько недель. — Она молчит. — Саша?

Вздыхает.

— Я думала, ты покончил с работой?

— Так и есть, — лгу я. — Я просто решил провести немного времени подальше от всего дерьма. Перезвони мне через несколько недель, и если тебя все еще будет интересовать этот парень, я помогу.

— Пфф. Ладно, я поступила в магистратуру. И уже устроилась на практику на лето. Просто лабораторная фигня. Но это неплохо, как для начала.

Иногда я жалею, что она не мой ребенок. Тогда все эти торжественные моменты были бы моим достижением, а не результатом воспитания ее нормальной семьи. Но если бы я опекал ее в одиночку, то к этому моменту она была бы испорчена во всех смыслах.

— Я никогда в тебе не сомневался, крошка. Перезвоню через несколько недель, и мы это отпразднуем.

Я отключаюсь до того, как она может еще что-то сказать, а затем бросаю телефон на диван и хватаю гитару. Я начинаю снова играть ту песню. Нежную и медленную. Напоминающую мне год, в который всплыло все то дерьмо.

Я напеваю в такт мелодии, пропуская через себя смысл слов.

Эта песня напоминает мне о счастье, но не в привычном его значении. Это тот вид счастья, который вы ищите всю жизнь и не можете отыскать. Это не вещь. А душевное состояние.

Мои пальцы продолжают бренчать по струнам, пока я размышляю о словах, а затем останавливаюсь и откладываю инструмент в сторону.

Слишком депрессивно.

Я встаю и выключаю свет, одеваюсь, собираюсь проверить окрестность. Убедиться, что гребаный Гаррет не отыскал меня. Конечно, прошло уже десять дней, но старые привычки никогда не умирают.

Я надеваю зимнее снаряжение и выхожу на холодный зимний воздух. Летом вы могли бы услышать журчащий неподалеку ручей. Но сейчас все замерзло, и так будет еще как минимум три месяца.

Я не люблю бывать здесь в эту пору года. Но данная хижина идеальное место для убийства девчонки. И собственно за этим я привез ее сюда. Я *убью* ее. Она — оружие Гаррета, которое следует нейтрализовать. Не моя вина, что он сделал с ней это. И я не виноват, что она столь испорчена...

Снег хрустит под ногами, когда останавливаюсь на миг, размышляя об этом. Сидни Ченнинг, вероятно, уже нет. Ее разум слишком поврежден. И если я расскажу ей, как именно ее использовали, все усложнится.

А мне правда нужно сохранить ситуацию в простой и понятной фазе. Я хлопаю по карманам в поисках сигарет, достаю одну и подкуриваю. Если я вернусь туда и расскажу ей, что, по-моему, происходит, все уже не будет так просто. Ситуация явно усложнится. Я начну что-то, что, возможно, не захочу закончить.

С другой стороны, могу ли я пойти и перерезать ей горло? Ну, это определенно было бы по-настоящему просто.

Возможно, Гаррет ищет ее прямо сейчас. Быть может, я могу увезти ее куда-нибудь и вывести на люди, дабы привлечь его внимание. Использовать ее, как наживку.

Я делаю длинную затяжку и выдуваю дым, обдумывая варианты. Когда докуриваю, бросаю окурок в снег и гашу. Затем завожу стоящий перед хижинкой снегоход и патрулирую наружный периметр владений, проверяя снег на наличие следов. Гаррета. Волков. Горных львов.

Всех хищников.

Но кроме моих следов, других нет.

Когда я уверен, что мы здесь одни, паркуюсь перед хижинкой и возвращаюсь внутрь. Мой разум работает на полные обороты.

Простое решение несомненно подарит мне билет домой.

Мне нужно быть с Сашей. Выполнить для нее эту маленькую просьбу. Осчастливить. Нужно зажить, как все мои друзья, полной жизнью. Оставить это дерьмо позади.

Пришло время убить Сидни Ченнинг и двигаться дальше.

Сегодня.

CHAPTER ELEVEN



"Вещи имеют значение, потому мы вкладываем его в них. Во все. От песни в вашей голове до фото в телефоне. Они все имеют значение. Для меня они просто значат чуточку больше".

— Сидни

Телефонный звонок будит меня. Саша Черлин. Я слышала об этой девушке, но никогда не была с ней знакома. Помню ее еще маленькой девочкой. Слышала о ней. И возможно, если быть честной до конца, я хотела *быть* ею в более чем нескольких случаях.

Ее жизнь возможно извилистая — испорчена так, что об этом лучше и не говорить — но она выросла с настоящим отцом. Она никогда не скрывалась. Никогда...

Остановись, Сидни. Не имеет смысла оглядываться назад. Сейчас тебе нужно думать о...

Снова звучит мелодия телефона. Я пытаюсь лежать на столе полностью неподвижно. Его наркотический коктейль больше не работает, как должен. Я, кажись, к нему привыкаю. Но благодаря этой штуке мои мысли все еще путаются.

Но музыка. Почему из всех песен в мире мой убийца должен играть эту?

Слышал ли он, как я ее играю? Как долго он наблюдал за мной? Он сказал, что все время. Но если так, то он знает, что я не виделась с Гарретом. Значит, это, должно быть, ложь.

Я напеваю песню, и у себя в голове слышу, как он напевает вместе со мной. Или, может, это происходит на самом деле.

Сложно сказать в этой темной комнате. Вода больше не капает. Я даже не знаю, когда он ушел из комнаты. Все, что знаю, так это то, что услышала звонок и затем вдруг осознала, что гляжу в потолок. Он засунул...

О, боже. Образ его поверх меня. Трахающего мой рот вот так. Я всхлипываю. Не потому что мне противно, а потому что понравилось. Я мечтала о нем, и вот он здесь и сейчас. И я презираю себя за желание этого мужчины. Мне гадко от того, что сказала да, даже при том, что не могла ответить нет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Музыка заканчивается. И через несколько минут слышу, как захлопывается дверь. Он ушел? Через какое-то время слышу, как заводится снегоход.

Я борюсь с путами на руках. Ремень затянут туго, но он все еще влажный от воды со шланга, а я очень небольшая по конституции. У меня крошечные руки и узкие запястья. Не придется слишком возиться, чтобы выпутаться. Учитывая то, что ремень из кожи, он гнется и немного тянется, когда дергаю руками туда-сюда, отчаянно пытаюсь выскользнуть. Путь поддается, но не достаточно.

Быстрее, Сидни, — настаивает мой разум. — *Поторопись, он скоро вернется.*

Я начинаю тяжело дышать. Почти болезненно. Мое сердце колотится при мысли о

бегстве.

Но затем я останавливаюсь. Что, если он меня поймает?

Ничего не может быть хуже, чем если он вернется и обнаружит тебя все еще здесь!

Я извиваюсь сильнее, миллиметр за миллиметром ремень вокруг моих запястий расширяется, пока не становится достаточным, чтобы я полностью выскользнула из захвата. Я сажусь, чувствуя головокружение от наркотиков. Однако отбрасываю это ощущение и тянусь к ногам. Они зафиксированы манжетками с пряжками, так что освободиться не сложно.

Когда я заканчиваю, то встаю и иду к двери. Она закрыта. Я шарю по периметру комнаты, мои руки ощупывают грубое дерево стен, пока снова не возвращаюсь к двери, через которую он обычно входит и выходит.

Здесь нет окон. Даже заколоченных.

А я голая. На дворе зима. Я отморожу себе зад. Так что же я собиралась делать? Я смеюсь над своим глупым планом. Побег? Голой? Этой мысли достаточно, чтобы вызвать у меня дрожь. В комнате сейчас холоднее, чем было. Вероятно, он оставил огонь угасать. Я иду на ощупь к каменному очагу и становлюсь на колени на коврик. Здесь теплее, но не сильно. Я прижимаюсь к металлу, отделяющему меня от жара и вздыхаю.

Я сдаюсь. Возможно, я могу солгать? Или может, он примет тот факт, что я ничего не знаю? Или может...

Дверь снова хлопает, и я знаю, что он вернулся. Его ботинки стучат о пол. С другой части камина слышится потрескивание, и затем жар становится ощутимее, давая мне знать, что он подбросил дров в камин.

Просто дай ему, что он хочет, Сид.

Но я не знаю ничего!

Половые доски скрипят под его весом, когда он подходит к той части комнаты, где находится дверь. Защелка шатается, и я глотаю воздух. Но дверь не открывается.

Вместо этого он уходит. Через несколько минут я снова слышу звук гитары. Та же песня.

Как может убийца творить что-то столь прекрасное?

Мои веки тяжелеют, пока он играет мелодию раз за разом. Словно на повторе. И даже не осознавая этого, я начинаю подпевать.

CHAPTER TWELVE

HERE

"Конечно, ложь играет роль. Это самая красивая часть танца. Заигрывание с собственной ложью".

— Кейс

Я играю мелодию снова и снова, не останавливаясь. Я словно попал в петлю, мои пальцы теребят струны, скользят по ладам. Создавая этот визгливый звук, который я так люблю.

Я хочу убить Сидни. Правда. Хочу все это закончить и отпустить. Вернуться к цивилизации. Увидеться с друзьями и их детьми. Двинуться дальше.

Я хочу все это. И ее убийство — самый быстрый и легкий способ достигнуть этого.

Но Гаррет. Не думаю, что он позволит мне получить мое "долго и счастливо". А если я ее убью... ну, то буду оглядываться через плечо всю оставшуюся жизнь. Просто гадая, когда он объявится.

Он не умер. У Сидни есть вся нужная мне информация. Я близко. *Я так* офигенно близко. Мне лишь нужно немного подождать. Рассказать ей все, что думаю, и подождать, пока она сломается.

А она сломается. Может, даже сегодня. И потом я смогу ее убить и уехать. Закончить работу.

Мою самую последнюю работу.

Я смеюсь. Мои пальцы продолжают играть, но я смеюсь. Вот, что всегда говорят мои коллеги. Всего лишь одна последняя работенка, и можно уходить в отставку.

Черт, мне не нужны деньги. Последняя работа любого другого киллера гарантирует ему именно это. Мы все становимся богатыми, как Господь Бог в результате проделанной последней работенки. Нет, мне не нужны деньги. Я просто хочу покоя. И этот покой напрямую зависит от Сидни Ченнинг.

Я перестану брэнчать, когда осознаю свое положение.

Это не она здесь заключенная. А я.

Огонь давно перестал трещать, и вероятно поэтому, я замечаю кое-что еще. Пение. С другой стороны камина.

Я кладу гитару и как можно тише подхожу к стене, наклоняясь настолько, насколько позволяет пламя.

Да. Она освободилась и находится с другой стороны, подпевая мелодии.

Я ложусь на ковер и слушаю ее. В конце концов, она смолкает, словно засыпает с песней на устах.

Я остаюсь на месте. Неподвижно. Размышляя. Сейчас огонь немного угас, и надо бы подбросить еще дров. Но я не делаю этого. Вместо этого я встаю и нажимаю кнопку на стене.

Металлическая заслонка, отделяющая нас, скользит вверх, и я вижу ее. С тех пор, как привез ее сюда, я впервые могу увидеть ее при свете. Мягкое пламя создает тени, танцующие на ее лице. Ее глаза закрыты, а рот приоткрыт. Волосы темные и длинные. Она лежит на боку, и локоны падают поверх ее плеча, покрывая голую грудь. Ее кожа молочно-белого цвета, даже несмотря на все другие темные черты. Ее глаза, волосы, разум.

Она очень темная. Незаконнорожденная дочь сенатора США. Спрятанная, чтобы защитить ее или Ченнинга. Или быть может, она всегда были лишь пешкой? Разве не

поэтому все незаконнорожденные дети пропадают? Чтобы использовать их попозже? С другой стороны. Я должен признать, что не думал о Компании в течение долгого времени. Я знаю, Ченнинг был частью секретной организации, учрежденной ради управления глобальной экономикой. И знаю, что исходя из этого, Сидни — дитя Компании, даже несмотря на то, что Ченнинг не был женат на ее матери. Мне известно, что все происходящее с Сашей восемь лет назад дерьмо, тоже связано с Компанией. Черт, если бы Саша оказалась не на моей стороне, я бы ее уничтожил. Что она знает и может сделать — это дерьмо пугает до чертиков. Но мы позаботились о них. Ты не можешь расправиться со всей организацией при помощи одной атаки, мы знали это, но убрали людей из высшего слоя Компании.

Однако кое-кто ушел от расплаты. Не все умерли той ночью. У Джеймса был брат, который не был заинтересован в том, чтобы занять свой пост в Компании. А еще у них был отец. Все еще живой, насколько мне известно.

У Харпера тоже был брат. И я конечно уверен, что ничего с того дня не давалось ему легко. Понятно, что он не попадал в передряги по типу *ты-мой-пленник-и-я-тобой-владею*, как у нас здесь с Сидни. Скорее что-то вроде ситуации в стиле *будь-осторожен-в-своих-желаниях*, отлично отображенной в фильме "*Крепкий орешек*".

А Саша. Той ночью мы убили ее дядю, но он не имел значения. Последний настоящий член ее семьи умер за год до этого. Но были и другие. Более низкий уровень, следующий круг организации.

Так что нет. Мы не покончили с ними всеми. Кто-то из них отошел от дел. А у кого-то, конечно, есть планы мести. Но Сидни — часть чего-то еще. Я не могу пока ее раскусить. Мне нужно больше времени. Потому что знаю, я втянут во что-то. И знаю, что близок к чему-то. Но отчетливее всего я понимаю, что что-то *упускаю*.

Разве это не иронично? — спрашиваю я себя, пока смотрю через пламя на ее идеальное обнаженное тело. Оно светится в теплом свете от почти угасшего огня. — Разве не иронично то, что у меня с этой девушкой есть что-то общее?

Она глубоко вздыхает и переворачивается на живот, неспешно пододвигаясь все ближе к огню. Мне не нужно, чтобы она поджарила себя во сне. И я так чертовски устал, чтобы не спать и приглядывать за ней.

Так что нажимаю кнопку на стене и металлическая заслонка опускается. Она издает немного шума, когда ударяется о камень, которого там не было, когда металл двигался вверх, и я гадаю, разбудило ли это Сидни.

Прислушиваюсь к шуму по ту сторону стены, но ничего не слышу. Так что я возвращаюсь к дивану и ложусь на шкуру, натягивая ее часть поверх себя.

Что-то в этом всем не так.

Что-то очень-очень неправильно.

Позднее я просыпаюсь. Огонь окончательно погас, и в доме холодно. Я встаю и бросаю несколько бревен в угли, а потом иду в ванную.

Бьюсь об заклад, этой сучке тоже нужно в туалет. Вероятно, не только для того, чтобы пописать. Я застегиваю ширинку и иду к двери, ведущей в подсобное помещение, через которое можно попасть в комнату заключенного. Стучу.

— Что? — говорит она по ту сторону двери.

— Я знаю, что ты отвязалась. Отойди от двери в дальний угол комнаты. А затем дай мне

знать, когда сядешь на пол, что ты на месте.

Я ожидаю, что она начнёт возмущаться. Конечно, она, должно быть, думает, что теперь на шаг впереди меня. Она выпуталась из пут и все еще не поплатилась за это.

Но это не потому, что я мягок с ней. А потому что последствия за содеянное могут перевернуть ее мир вверх дном. Мои слова разрушат её жизнь.

И я не могу дождаться этого момента.

— Готово, — кричит она.

Я открываю дверь, и так как не надеваю больше очки ночного видения, то клацаю по выключателю на стене. Сидни резко поднимает руку, прикрывая лицо от ослепляющего её света.

— Встань, подойди сюда и опустишься на колени прямо передо мной.

— Я ничего не вижу, — говорит она.

— Ты справишься.

Вместо этого она ползёт? Глядя на пол и тем самым защищая глаза от света. Её длинные волосы волочатся по бетону, пачкаясь в пыли. Когда Сидни добирается до моих ног, то становится на колени, а затем опускает попку на пятки. Но все это время она так и не поднимает взгляда.

Ее грудь прекрасного размера. Не слишком большая, но и определенно не маленькая. Каким-то образом ей удастся так распределить свои локоны, что они прикрывают соски, ограждая её от меня. Она кладет руки на колени и опускает голову, ожидая дальнейших указаний.

Если честно, я не рассчитывал на подобное. Думал, последует больше сопротивления. Дитя Компании, даже скрытое ото всех, но все же находящееся под присмотром, дабы при надобности быть использованным. Однако, если мои догадки на счёт её ситуации верны, то все это не лишено смысла.

— Ты помнишь, что случилось прошлой ночью?

— Ты изнасиловал мой рот, — говорит она в ответ, не выдавая ни эмоции.

— Нет, — смеюсь я. — Случилось совсем не это.

— Ты меня принудил к этому. — Теперь она поднимает голову. И даже не щурится от бьющего в глаза света. Её радужки не темные, как я думал. По факту, они почти одного цвета с моими. Она моргает, пока я пристально смотрю на неё. Мои глаза более желтые, чем зеленые, её же наоборот. — И я знаю о тебе намного больше, чем ты обо мне. Я знаю, что ты — гений. Тебя были готовы зачислить в Стенфорд на научно-компьютерное отделение в шестнадцать. Ты отклонил их предложение. МТИ звали тебя на факультет робототехники в семнадцать. И пошли лесом. Ты окончил школу в Бостоне, и не менее шестнадцати университетов со всего мира предложили тебе место в рядах своих студентов. Но ты отклонил все их предложения и вступил в армию обычным военнослужащим.

Я усмехаюсь.

— У кого-то в этой комнате есть преследователь, Сидни. Но речь не обо мне.

— Ха-ха, — произносит она в ответ. — Я веду к тому, что знаю, ты умён, Мэррик Кейс, позывной — Мэрк. Номер... Ой, постой, у тебя ведь никогда не было номера. Они солгали. Ты просто работал на них, пока они могли за тобой следить и посылать убивать столько детей Компании, сколько...

Я ударяю ее по лицу так, что она летит на пол. Ударяется о бетон с такой силой, что на миг я думаю, что выбил ей зуб.

— Ближе к сути дела, сучка!

Она снова поднимает на меня взгляд, кровь сочится у неё изо рта.

— Ты изнасиловал меня. И знаешь это сам.

Я буду сидеть здесь и солгу тебе все, что хочешь. Скажу все, что пожелаешь услышать. Но ты меня изнасиловал.

— Ты сказала да. Сказала “трахни меня”.

— Я сказала “Тогда трахни меня. Или убей. Мне без разницы. Делай, что хочешь”.

Я тянусь вниз и хватаю ее руку, а затем подтягиваю на ноги, вынуждая стоять передо мной голой при свете. Если это её и смущает, то она не показывает виду.

— Значит, тебе не следовало этого говорить, дикая кошечка. Потому что я даю каждому, что он просит.

Могу сказать, что ей хочется зарычать на меня за использование этого прозвища. Но она не может. И я знаю почему. Без разницы. Я выясню все так или иначе.

— Хашш, — произношу я. Она смотрит на меня, и её злость угасает. — Ты знаешь, что это означает?

— Это значит заткнись.

— Хашш, — говорю я снова. На этот раз она смущенно приваливает взгляд. — А теперь? — Сидни кладет одну руку на живот, словно её тошнит, тогда как другая поднимается кверху и нажимает на её висок.

У меня в кармане находятся шприцы с небольшой дозой седативного средства, чтобы успокоить её, но не вырубить. Больше одного стоит использовать, только если дозировка окажется низкой или если мне потребуется больше времени.

— Дикая киска, — говорю я. Она моргает и притворяется смущенной. Я проверяю ее на податливость. — Дай мне руку.

Она глядит на меня, по-прежнему сопротивляясь, но все-таки проигрывает. Вообще-то она уже проиграла.

— Хашш, — повторяю я еще раз, и вот оно.

Она протягивает мне руку, словно дар. Я хватаю её за бицепсы, сжимаю крепче, чем того требуется. Все это время она даже не шелохнется. Но я не уверен, что так будет и дальше. Потому вонзаю в её плоть иглу и нажимаю на поршень, пока весь препарат не оказывается в её мышце.

Прежде чем он подействует, пройдет какое-то время. Так что я веду ее к камину и укладываю на коврик. Она не движется.

Я иду в хижину и открываю металлическую заслонку камина. Возвращаясь, выключаю свет и закрываю за собою дверь. Она по-прежнему на коврике, лицом к огню.

— Так лучше? — спрашиваю я у неё.

Она не отвечает. Я стягиваю футболку и ложусь на коврик рядом, притягивая её в свои объятия и удерживая так. Она вздыхает.

Чертовы женщины так покладисты. Так слабы, когда дело касается мужчин. У меня всегда имелось это преимущество. И тем не менее я все еще позволяю женщинам увлечь меня ради хорошего жесткого траха.

Я опасен. Большой во всех мыслимых значениях. И я хорош в технике секса, поэтому они всегда умоляют меня о большем, при этом проклиная моё имя.

Мои ладони накрывают грудь Сидни. Она в меру упругая. Настоящая. И, как на мой

вкус, почти что идеальная. Как она умудрилась не переспать со своим как-бы-женихом, вне моего понимания. Если бы она была моей, я бы просто трахнул её в зад. В буквальном и фигуральном смыслах.

— Давай начнём с начала, Сидни. Ладно?

Она кивает напротив моей груди.

— Только на сей раз, ковгерл, я расскажу тебе, что случилось, а ты послушаешь. Лады?

— Хорошо, — отвечает она.

CHAPTER THIRTEEN

SYDNEY

"Сочувствие посылает вам довольно смешанные сигналы. Если оно настоящее, то может сулить выживание. Просто на хрен убедитесь, что оно точно настоящее".

— Сидни

Я проснулась?

— Ты проснулась? — спрашивает он в ответ. Или я не думаю, а разговариваю.

Ты читаешь мысли?

— А ты читаешь мысли?

Я моргаю, глядя на огонь. *Я одна?*

— Ты не одна, Сидни. Я прямо здесь. Ощущаешь меня? — Он берет мою руку и под странным углом заводит за спину, пока я не ощущаю кожу. Но не свою. — Я задал тебе вопрос, Сидни. Ты чувствуешь меня?

— Да.

— Хорошо. — Он прислоняет голову к моей шее. Я на полу. Нет. На коврике. Перед камином. Я смотрю на танцующее пламя. Он лежит за моей спиной, и мы голые. Нет. Он в джинсах. — Ты знаешь, где ты?

Знаю.

— Сидни. Я не собираюсь повторять каждый вопрос дважды, так что отвечай мне с первого раза.

— Да.

— Где ты?

— В хашш. — *Постойте. Что?*

— Что такое хашш?

Хороший вопрос.

Его рука смыкается на моем горле и сжимает так, что я начинаю кашлять.

— Никаких вторых шансов, Сидни. Обрати на меня свое внимание. Расскажи, что такое хашш.

— Тихое место. Там, где я встретила его.

— Кого? — его тон изменился. Сейчас он настойчивее. Он снова сжимает мое горло, только на сей раз не отпускает, пока моя голова не падает вперед, и я уже не кашляю, а задыхаюсь.

— Гаррета, — говорю я, жадно втягивая воздух. — Моя шея горит. — Я пытаюсь дотянуться и помассировать ее, но Кейс крепко хватает меня за руку и возвращает ее на мой живот, все еще удерживая ее под странным углом, отчего свежая травма ноет и мое плечо болит.

— Твоя шея горит, потому что я сжал ее, перекрыв дыхание. Это способ помочь тебе сфокусироваться. Как Гаррет помогал тебе фокусироваться?

— С помощью рыбалки, — говорю я. — И кемпинга.

— Нет, Сидни. Он делал не так.

— Он делал меня счастливой.

Кейс глубоко вдыхает у меня за спиной и затем выдыхает, обдувая мою шею. Это так приятно.

— Я расскажу тебе, что на самом деле делал Гаррет, Сидни. И ты послушаешь меня очень внимательно. А затем скажешь мне, прав ли я. Поняла?

— Ты убил его. Забрал его у меня.

— Я бы хотел. — Кейс смеется. И этот смех меня пугает. Мои ноги начинают дрожать, а плечо горит огнем. — Та ночь в хижине, когда я сказал тебе, что владею тобой. Ты помнишь ее?

— Да. Гаррет спас меня от тебя. — Кейс что-то бормочет у меня за спиной, но я не могу разобрать слова. — Что?

— Он не спасал тебя. Вертолет спас. И если бы мой друг не был в беде, я бы закончил начатое. В ту ночь ты бы не спаслась, давай проясним это прямо сейчас. Потому что именно это там происходило, Сидни. Он накачал тебя наркотиками. Увез подальше от других людей. И промыл тебе мозги.

Я смотрю на пламя и думаю об этом.

— Ты знала, что он служил в армии, Сидни?

— Гаррет был в армии? — Я пытаюсь представить Гаррета в роли патриота, но это лишь вызывает смех.

Рука снова смыкается вокруг горла, но на этот раз я сопротивляюсь. Вырываясь из его захвата, я опускаю голову на коврик и втягиваю воздух.

— Прекрати, — говорю я.

— Будь внимательна. И ответь на мой вопрос.

Я киваю, но это очень непросто сделать. Моя голова кружится, но как-то странно. Не так, как до этого.

— Я не знала, что он служил в армии.

— Он был специалистом PSYOP(*отряд психологических операций — прим. пер.*), Сидни. Ты знаешь, что они делают?

— Нет. — Теперь я отвечаю мгновенно. Я все усвоила. У Кейса есть что сказать, и он просто хочет выговориться. Моя работа — слушать и отвечать на его вопросы.

Я могу с этим справиться.

— Они играли с человеческим разумом. Изучали множество способов воздействовать на людей, принуждая тех к выполнению своих собственных целей. Кто-то называет это пыткой. Другие допросом. Я тоже так делал, Сидни. Вот например, как я делаю с тобой в этой хижине прямо сейчас. Так я сумел убить столько людей, что и не сосчитать. Вот так я умудряюсь скрыться, тогда как другие попадаютсся.

Мне нечего на это ответить, потому молчу.

— Гаррет работал над тобой с того дня, как забрал тебя из хижины восемь лет назад. Возможно, и до этого тоже. Он накачивал тебя наркотиками. Увозил куда-то, а там ебал твой мозг, создавая из тебя своего маленького раба.

Мой разум снова крутится кубарем, и я пытаюсь собраться. Но рука Кейса сейчас обернулась вокруг моего тела, крепко прижимая к его груди.

— Хашш, — говорит он.

Я и успокаиваюсь. Оседаю на коврик.

— Это твое спусковое слово. А дикая кошечка — это не прозвище, не так ли?

— Нет.

— Что оно означает, Сидни? Это словосочетание, «дикая кошечка»?

Мои глаза закрываются, пока размышляю. Дикая кошечка.

Гаррет смеется, пока я стою перед ним на коленях. Он сжимает в кулак мои волосы, дергая меня вниз. Мои глаза пристально глядят в его. Я не могу оторвать взгляд, даже если бы хотела. А я не хочу.

Потому что знаю, что случится тогда.

— Все не так.

— Что не так, Сидни?

Моя голова немного проясняется, когда делаю глубокий вдох.

— Сидни, — говорит Кейс, почти шепотом, мне на ухо. — Расскажи мне. — Его рука скользит от моей шеи к груди. Он не сжимает ее, а ласкает. Нежно. Словно отец. Это приятно.

Его губы легонько касаются моей шеи, и я понимаю, что он меня целует. Я поворачиваюсь и целую его в ответ. Его лицо колется. Это еще не борода, но и не гладковыбритая кожа. Он поворачивает все мое тело к себе.

— Сид, — говорит Кейс.

— Не зови меня так, — шепчу я в ответ, поднимая на него взгляд. Пламя танцует в его глазах, гипнотизируя меня на мгновение. Кейс хмурит брови, словно я смутила его. — Он звал меня так.

— Гаррет?

— Нет.

— А кто?

— Мужчина в моей голове.

Он улыбается мне. И это действует на меня.

— *Хочешь порыбачить сегодня, Сид?*

— Сидни, — говорит Кейс, вытягивая меня в настоящее. — Кто в твоей голове?

— Гаррет, — шепчу я. — Но не тот мерзкий Гаррет.

— Ты сделала этого Гаррета лучше настоящего, Сидни. Ты придумала его, чтобы заменить монстра.

Я снова отворачиваюсь от Кейса, но он останавливает меня, поворачивая обратно.

— Я устала.

— Мы все устали. Ты не можешь все бросить, только потому что устала. Тебе промыли мозги. И я знаю, что он сделал ужасные вещи, так что мы вспомним это все прямо сейчас. Но мне нужно знать, когда ты последний раз видела его, Сидни. Хорошенько подумай.

— Ночью накануне свадьбы.

— Черт побери. Нет! — Кейс произносит это со злостью. — Это был я, Сидни. Ты видела меня той ночью. Ты попала в аварию, и я пришел, чтобы забрать тебя. Привез тебя сюда. Это был не...

— Гаррета я видела тоже. Он был в отеле.

— Что? — Кейс садится у меня за спиной. — Что? — Он хватает меня за подбородок и поворачивает, пока я не фокусируюсь на нем.

— Он был там. Я видела его. Он пришел к моей двери и...

Я смотрю на монстра в коридоре, ощущая чистый страх. Но он говорит это слово, и я успокаиваюсь. Это останавливает меня. Он делает это снова и снова. И каждый раз я становлюсь все меньше. Мой мир становится темнее. Все вокруг растворяются, и я плыву.

— Что случилось дальше, Сидни?

— *Пойдем со мной.*

Я беру его за руку и следую за ним по коридору к двери, ведущей в помещение для сотрудников. Мы входим внутрь, там темно.

— Что он сказал, Сидни?

— *Ты хорошая девочка. — Это вызывает у меня тошноту, я наклоняюсь и меня рвет.*

— Черт возьми, — говорит Кейс. Он встает, и только тогда я осознаю, что меня вырвало прямо сейчас. На ковер перед камином.

Кейс берет меня на руки и отпихивает ковер в сторону. А затем на мгновение замирает. Возможно, размышляя. Он разворачивается, и моя голова тоже идет кругом. Я вынуждена закрыть глаза, чтобы уменьшить ощущение тошноты.

— Меня снова вырвет, — говорю я. А затем я блюю на саму себя и отключаюсь.

Следующее, что знаю, — я в ванной. Свет такой яркий, что я закрываю глаза. Я пробыла во тьме слишком долго. Слышится шум воды, и я сижу на коленях у Кейса на краю ванной. Он вытирает меня полотенцем и когда заканчивает, помещает меня под воду.

Она горячая. Но ощущается офигенно приятно после всех этих дней и ночей в холоде.

Каждая часть моего тела наконец в тепле. Он перемещает меня так, что я наклоняюсь вперед, мои руки располагаются на коленях, а голова на руках.

Кейс моет меня. Мыльная мочалка скользит то вверх, то вниз по моей спине. Он льет воду мне на голову, отчего я ахаю и судорожно хватаю воздух. Не могу понять, это пытка или доброта.

Но склоняюсь к доброте. Потому что в моей жизни и так было много пыток. Но теперь понимаю, это ложь. Как и другое вранье, что я говорила самой себе.

— Вся моя жизнь — ложь.

— Добро пожаловать в реальность, — говорит Кейс.

Я больше не в ванной. Меня завернули в полотенце и положили на кровать. Он разворачивает ткань и перемещает меня под одеяло. Оно мягкое, чистое и пахнет свежестью. А затем Кейс проскальзывает в постель и снова обнимает меня.

— На сегодня мы закончили. Он запрограммировал тебя на тошноту в ответ на расспросы. Так что давай поспим, а завтра снова попробуем.

Но меня не интересует завтра. Меня волнует настоящее. Я копаюсь у себя в голове, пытаюсь найти мужчину мечты. Идеального, любящего меня.

Я поворачиваюсь к нему и обнимаю за шею, притягивая его ближе.

— Трахни меня.

Его рука касаются моих ребер, по разные стороны тела. При этом они обернуты вокруг меня, обнимая, вот такие у него большие руки. Кейс что-то говорит, но я не слышу. До меня доносится звук журчания реки. Я слышу пение птиц. Улавливаю звук шуршания листьев осины над моей головой, звук густого леса.

Я тянусь к его члену, и он уже готов для меня. Твердый и длинный. Кейс все еще говорит. А затем я тоже что-то произношу, даже не представляя, что именно, но независимо от этого, он отвечает мне. Сдается мне. Его руки скользят дальше. Одна толкается между моих ног и начинает ласкать во всех нужных местах, так как я всегда себе представляла это в своем мире мечтаний.

Переворачивая меня, он касается моего ануса.

— Тебе нравится вот так, Сидни?

- Хммм, — бормочу я. Мне нравится. Но только тогда, когда так делает мужчина моей мечты. — Возьми меня, — говорю я. — В задницу.

— Иисус Христос, — говорит Кейс. Нет, шепчет. И его тон не похож на раздраженный. Он возбужден.

Кейс выбирается из постели, его руки обернуты вокруг моей талии, приподнимая меня вместе с ним, словно я невесома. Словно я пустая оболочка, которую он может расположить так, как пожелает. И он это делает. Ставит меня на руки и колени на краю кровати и шлепает твердым членом по моей заднице. Дразня. Заставляя стонать.

Несколько раз он толкается во вход моей попки, а затем что-то прохладное капает на мой зад, скользя вниз и вызывая дрожь. Его слюна, предполагаю я. В течение нескольких секунд его пальцы играют со мной, подготавливая, увлажняя мой вход.

— Ты хочешь этого, Сидни? Скажи мне, что хочешь. Скажи, или я не стану этого делать. У нас больше не будет подобных недоразумений.

— Я хочу этого, — говорю я. — Хочу этого так...

Он толкается в меня на всю длину, даря резкую интенсивную волну боли. Боли, которую

я чувствовала множество раз, но это не важно. Важно то, что тошнота у меня в животе исчезает, и я расслабляюсь, позволяя ему вколачиваться в себя сзади. Раз за разом. Его яйца шлепают по губам моей киски. А грудь падает мне на спину. Наше дыхание становится синхронным. Его стоны переходят в мои стоны. И затем его удовольствие становится моим удовольствием, когда его горячее освобождение покрывает мою поясницу.

— *Ты готова научиться рыбачить?*

Я не знаю, происходит это в моей голове или нет. Но мой ответ положительный.

— *Я не всегда буду о тебе заботиться, Сид.*

Я знаю.

Научи меня, как мне позаботиться о себе. Прошу.

Кейс валится на кровать, утягивая меня с собой. Мы лежим так несколько минут, тяжело дыша после раунда секса.

А потом я отползаю от него, желая получить немного личного пространства. Он поднимается с кровати, когда я нахожу себе подушку и зарываю в нее голову. Слезы струятся по моим щекам, когда Кейс натягивает джинсы, а его пряжка звенит. И затем он плюхается на кровать возле меня и притягивает мое тело ближе.

— *Завтра, Сидни. Мы разберемся с этим завтра. Сегодня ты можешь поспать здесь.*

Я поворачиваюсь к нему, обнимая тело монстра за талию. Его ответ — ответные объятия.

Может он и монстр, но здесь так темно. А если я в чем-то и хороша, так это в том, как жить во тьме. Там я встречалась с монстрами очень много раз, и это знакомо мне. А все знакомое лучше нового.

И пока он целует мою шею, я засыпаю.

Через какое-то время мои глаза открываются. Все еще темно. Я по-прежнему думаю о нем. О них. Всех них.

Я владею тобой, — сказал Кейс. И думаю, он прав. Он владеет мной. Потому что я здесь. Я просила об этом. Мои руки отпускают его тело, и он немного поворачивается, позволяя одной из моих рук проскользнуть вдоль его тела к карману джинс на заднице.

Его нож.

Я напряженно сглатываю. Моя голова сейчас яснее, чем обычно, наркотики, что он дал, очевидно закончили действовать. Я чувствую очертание чего-то у него в кармане. Это не нож. Медленно я просовываю руку в карман, сантиметр за сантиметром, пока мои кончики пальцев не контактируют с его содержимым.

Шприцы. Но они же пустые? Или полные?

Там три штуки. Я оборачиваю свою маленькую ручку вокруг пучка пластиковых штук и медленно вытягиваю их. Когда достаю, то щелкаю по поршню одного из них. Я не знаю, пустые они или нет, здесь темно, и у меня нет возможности выяснить это.

Так что делаю единственное, что могу. Я втыкаю их в него разом и ввожу наркотики.

Нажимаются поршни только двух шприцов, так что не уверена, сколько ввела ему препарата, потому что в следующую секунду я валюсь на твердую древесину пола.

— Ты чертова сука.

CHAPTER FOURTEEN

SYNOPSIS

"Правильное место, правильное время. Лучшая возможность побега отсюда".

— Сидни

Я скольжу по полу и ударяюсь головой о стену. Он хватает меня за руку, словно на нем надеты очки ночного зрения, и парень знает, где именно я нахожусь в темноте, и затем тянет вверх, ставя на ноги. Кейс сжимает мою руку так сильно, что я кричу.

— Сучка, — смеется он. — Дозировка была слишком низкой, чтобы вырубить такого большого парня, как я.

Он снова бросает меня к стене. На этот раз я ударяюсь сильнее. Мое зрение затуманивается, и я начинаю валиться на пол.

Но он снова рядом, подхватывая меня. Не так, как когда он нес меня в ванную, чтобы помыть. Кейс перебрасывает меня через плечо и ковыляет к двери, но заваливается вперед. И снова я ударяюсь об пол. В результате, его захват ослабевает, и я отползаю к стене. Но как только достигаю ее, он добирается до меня, а затем твердый кулак врзается мне в голову.

— Думаешь, ты можешь меня обыграть? — Он тяжело дышит, извергая злость с каждым новым выдохом. — Думаешь, можешь обвести меня вокруг пальца, тупая шлюха?

Даже несмотря на темноту, комната вращается от следующего удара. Отчего мой мозг затуманивается.

И затем следует третий удар. После этого я уже не уверена, сколько еще раз он меня бьет.

Потом он снова перебрасывает мое тело через плечо и ковыляет вперед. Но на сей раз не заваливается. Я пинаю ногами и размахиваю кулаками, ударяя по его крепкому телу. Но он лишь крепче держит меня.

Мы проходим через двери в гостиную. На кухне горит ночник, так что я могу хотя бы понять, где мы. Но мы минуем кухню и направляемся к ее задней части хижины.

Мне нужно вырваться. Если он снова вернет меня туда...

Он бросает меня на пол. Воздух покидает легкие от силы соприкосновения. Я задыхаюсь, пытаюсь заставить себя сделать новый вдох. Мне кажется, я тону. Задыхаясь под водой. Но это не так. Я просто, кажется, не могу втянуть достаточно кислорода, чтобы компенсировать удар.

Он возится с ручкой двери в течение секунды, а я как раз собираюсь начать отползать, надеясь, что эти наркотики все-таки возьмут над ним верх. Но тут он открывает чертовы двери и поворачивается ко мне. Его глаза полны ярости.

Я не знаю Мэррика Кейса с этой стороны. Фактически, я вообще едва ли его знаю. Но этот взгляд — чистое зло. Я знаю взгляд монстра. И он, несомненно, один из них.

Кейс делает шаг и падает.

Я же отползаю задом наперед, пока он тянется к моей лодыжке. Ему все-таки удается ухватиться за мою ногу, но я пинаюсь, и он отпускает. Теперь я встаю на ноги, пока он ползет за мной. Он гораздо ловчее и быстрее меня даже под наркотиками. Так что ему удастся встать на ноги быстрее, чем я даже разворачиваюсь.

Бросаясь ко мне, он хватается на этот раз за мое запястье, и мы валимся на пол вместе. Он приземляется прямо на меня, так что я опять задыхаюсь.

И вот тогда его рука находит мое горло.

— Я убью тебя прямо сейчас, Сид. — Он усмехается прозвищу, которым ему не позволено меня называть, и сжимает.

Борись, Сидни!

Я поворачиваюсь, подтягивая колени и отталкиваю его. И даже несмотря на образовавшееся в результате пространство между нашими телами, его руки слишком длинные, и я не могу ослабить их захват у меня на шее. Я ощущаю, как приближается тьма. Но пока что со мной не покончено. Его корпус слегка покачивается, и я отпихиваюсь всем телом, сгибая ноги, и использую свою силу, ради единственного пинка обеими ногами в его грудь.

Он летит назад, валясь на землю, а я в это мгновение глотаю воздух. Кислород наполняет меня, отчего звезды, свидетельствующие о начале обморока, блекнут. Я ползу назад, пока не натыкаюсь спиной на стену.

И затем жду.

Несколько раз он пытается подняться. Проклятия и мат срываются с его уст, смешиваясь в одном бессвязном потоке. Но ему так и не удается встать. Проходит довольно много времени, бесконечная вереница минут, до того как его глаза наконец закрываются.

И даже несмотря на то, что хочу сидеть здесь и рыдать, я встаю на ноги. Тело дрожит так сильно, что я почти падаю. Но опираюсь на дерево стены и даю себе минутку, чтобы справиться с дрожью.

Справляться. Я очень хорошо это умею. Справляться с насилием и ужасом — это дар мужчины из моих мечтаний.

Я набираю полные легкие воздуха. Закрываю глаза. И считаю до десяти. А когда открываю их, то начинаю двигаться.

Я бегу в его спальню, открывая дверь, которая должна быть гардеробом и улыбаюсь, когда вижу там висящую одежду. Я хватаю фланелевую рубашку с длинным рукавом и засовываю в нее руки. К черту пуговицы, сейчас не до них. Я просто хватаю ближайшую пару джинс. Они слишком широкие и длинные, но и хрен с ним. Я подворачиваю их на поясе и фиксирую ремнем, а затем ищу обувь. В шкафу имеется только одна пара ботинок. Ботинок, которые, кажись, на миллион размеров больше моего. Но сейчас глубокая зима, и я не смогу находиться на улице с босыми ногами. Я хватаю пару носков, натягиваю их трясущимися руками и сую ноги в его ботинки.

Когда возвращаюсь в гостиную, я почти ожидаю его на пороге хижины с дробовиком в

руках, направленным прямо мне в лицо. Но его нет. Он все еще валяется на земле. Тяжело дыша. Я прохожу мимо него, и он тянется, хватаясь за мою лодыжку и утягивая на землю.

— Нет! — кричу я голосом, который никогда не слышала раньше. Я снова пинаю Кейса в лицо, и кровь начинает сочиться из его губы. Еще один пинок, и он отпускает меня.

Я поднимаюсь на ноги, почти падая в обморок от переизбытка адреналина и страха. И затем заставляю себя двигаться. Бросаюсь к двери и открываю ее. На улице идет снег. И чертовски холодно. Перед хижинкой припаркован снегоход. Но кроме него ничего нет. Ничего, кроме деревьев и тьмы.

Ключи, Сидни. Найди его ключи.

Верно. Я успокаиваю себя и возвращаюсь в хижину. Они должны быть где-то здесь.

Я роюсь в кухонных ящиках, затем в прикроватной тумбочке в спальне. Проверяю гардероб и ванную. Но еще до того, как заканчиваю, понимаю, где они могут быть.

В его чертовом кармане.

Я возвращаюсь к его телу, держась от него на расстоянии вытянутой руки. Его голова наклонена в сторону, а глаза открыты.

— *Ты не выберешься,* — говорит он, его слова сливаются в одно, так что я почти его не понимаю.

— Да, пошел ты. — Я обхожу его и наклоняюсь, дотягиваясь до его кармана. Он тоже тянет руку, пытаюсь дотянуться до меня, но промахивается. Теперь наркотики все-таки работают. Он мог бы вырубиться, но нет.

В любом случае, этого достаточно, чтобы я могла просунуть руку в его карман и достать, что мне нужно. Перед тем как уйти, я плюю на него. И затем хватаю пальто, которое лежит поперек дивана, нахожу в его кармане перчатки, открываю дверь и выхожу.

Снегоход покрыт снегом, и нет следов, значит, он стоит здесь по крайней мере какое-то время. Но я сельская девушка. Из захолустного села. Я водила снегоходы всю свою жизнь. Смахивая снег, как могу, я нахожу замок зажигания и сую в него ключи. Я поворачиваю его в нужное положение и затем накачиваю запал несколько раз до того, как опускаю воздушную заслонку.

— Ты не уйдешь, сучка.

Я оглядываюсь и вижу стоящего в дверях Кейса. Он держится за откос так, словно от этого зависит его жизнь. И он улыбается.

— Ты пизда. Там нет топлива.

— Иди на хуй, — говорю я, дергая шнур стартера. Ничего. — Даже ты не настолько тупой, чтобы в глуши леса держать бак пустым.

Кейс делает шаг вперед, ковыляя к перилам на крыльце. Он менее, чем в шести метрах от меня. Но он медлителен.

Я тоже медлю, но наркотики в моей крови уже не столь агрессивны, как в его. После четвертого рывка шнура двигатель заводится. Я слегка поворачиваю дроссель и затем подключаю ее к двигателю. Кренюсь вперед, делая плавный поворот ближе, чем в восьми метрах от него и затем мчу.

В лесу нет ни одной тропинки. Но он же сюда как-то добрался, так что доехав до поляны, я предполагаю, что это и есть тропа.

Я прибавляю газу и несусь в темноту, ориентируясь в свете единственной фары. Сперва я еду быстро, но налетая на пару пней, перевожу дыхание и успокаиваю себя. *Едь медленнее, Сидни. Если разобьешься, то умрешь.*

Я не представляю, где нахожусь, но тропы здесь имеются не просто так. Они куда-то ведут. И прямо сейчас мне не важно, куда ведет именно эта.

Она довольно извилистая, что вынуждает меня ехать еще медленнее. Иногда настолько медленно, что вероятно, я продвигалась бы быстрее пешком.

Я замерзла. У нет ни шарфа, ни шапки. Но я продолжаю ехать. Я выезжаю на заснеженный холм и мчусь с него вниз. С другой стороны холма снегоход глохнет и останавливается.

Но кроме этого я кое-что вижу. Свет. Прямо впереди меня за деревьями. Дом!

Я дергаю шнур стартера снова и тогда слышу это. Рев другого мотора у меня за спиной.

Святое дерьмо. У него два снегохода!

Я выключаю свой снегоход и начинаю бежать через снег. Мои ботинки слишком большие и вязнуть в снегу, так что не удивительно, что когда снег доходит мне до колен, я теряю один.

Рев двигателя позади становится громче, но я не рискую оставаться без ботинок и обморозить ноги. Я возвращаюсь назад и достаю ботинок, натягиваю на ногу и снова пытаюсь бежать по глубокому снегу.

Теперь свет становится ярче, так что я уговариваю себя двигаться дальше. Мои ноги мерзнут даже в ботинках, потому что оба носка намокли.

На расстоянии я слышу, как отключается двигатель, и знаю, что он нашел мой снегоход посреди тропы. Теперь он, должно быть, пойдет пешком.

Я ускоряюсь. Не представляю, где беру силы, но они есть. Я пружинаю как трактор через снег, падая и вставая столько раз, что теряю счет. Здесь есть тропинка. С нее расчистили снег. Она всего полметра шириной и ведет к моему спасению, взывая еще об одном рывке. Я работаю руками и почти добегаю до дома, когда моя нога спотыкается о что-то.

Сначала я падаю в снег лицом, а потом осознаю, что он снова меня поймал.

— Кричи, — говорит он, падая всем телом на мое. — Кричи, Сидни. Никто тебя не услышит.

Я открываю рот...

Но он прав. Никто меня не услышит, потому что он так сильно бьет кулаком мне в голову, что у меня нет шансов на успех. Я отключаюсь от боли.

CHAPTER FIFTEEN

STONEY

"Всегда знай, когда пришло время сдать себя".

— Сидни

Я связана по рукам и ногам. Кляп закрывает мне рот. Он усадил меня перед собой на другой снегоход так, что ветер и снег хлещут мне в лицо.

Я дергаюсь на месте достаточно сильно для того, чтобы снегоход начал вилять, а Кейс — злиться. Он останавливается и хватает меня за плечи, притягивая мое лицо ближе к своему.

Трудно дышать. Мне нужно это ради выживания, но я не могу втянуть достаточно воздуха в легкие, как ни стараюсь. На каждом вдохе я хриплю, кляп во рту плохо пропускает кислород, когда стараюсь вдохнуть посильнее. Однако это уловка. Все всегда подстроено против вас. Потому что даже, когда втягиваю через рот немного воздуха, вместе с ним я втягиваю и тряпку поглубже в свой рот.

— Послушай, — говорит Кейс мне на ухо. — Если я не доберусь домой, то мы замерзнем до смерти. Ты понимаешь это? — Он тянет меня за волосы, дергая голову назад. — Ты накачала меня. Сейчас я почти что засыпаю, так что наши шансы невелики. А теперь я еще и остановился, пытаюсь не дать твоей сучей заднице врезать эту двухсоткилограммовую машину в чертово дерево. Так как ты хочешь, чтобы все закончилось? Смерть от холода? Авария, а потом смерть от холода? Или все-таки вернуться домой невредимой, живой?

В ответ я могу лишь всасывать воздух, но должно быть, этого ему достаточно, потому что Кейс слегка поправляет мое перекошенное тело на сидении, и мы едем дальше.

Он петляет по тропам, и мы мчим не тем путем, которым я доехала сюда. В этот момент я начинаю паниковать. Потому что он правда может разбиться. Или уснуть. И тогда мы замерзнем здесь до смерти.

Закрывая глаза, я пытаюсь скрыться от собственного ужаса. Теперь я сижу почти что неподвижно, пока мы то едем, то останавливаемся. Его координация становится хуже с каждой секундой. И когда добираемся до хижины, кажется что прошло несколько часов. Кейс встает, тянет меня на свое плечо, а затем валится на колени, при этом зарывая меня лицом в снег. Снег блокирует мне ноздри, заставляя паниковать и начать извиваться. Сдавленный звук вырывается изо рта, но он воспринимает мои крики о помощи, как борьбу. Так что решает проблему. Сильный удар в голову пускает мой мир кубарем, но в процессе Кейс снова поднимается на ноги и берет на руки мое обмякшее тело.

Он тащит меня в дом, и мы снова падаем слева от кухонного стола.

О, боже. Если он умрет, я останусь здесь, хрен знает где, связанная и беспомощная.

Меня одолевает неконтролируемая дрожь. Зубы дрожат, но не ударяются друг о друга из-за чертового кляпа. Мое тело корчится, пытаюсь справиться со всем этим.

Кейс поворачивает голову, и теперь мне видно его лицо. Его веки отяжелели, словно парень вот-вот отключится. Но он тянется к моей руке и пододвигает меня ближе к себе, обнимая и согревая. Я поднимаю голову и понимаю, что теперь мы лицом к лицу. Очень близко друг к другу. Кейс поднимает руку и тянет за мой кляп. Спустя несколько неудачных попыток, он все-таки вытягивает его.

После этого я всхлипываю. Все случившееся — уже слишком.

— Посмотри на меня, Сидни.

Не представляю, как ему удастся оставаться таким уверенным, когда он почти что без сознания. Я смотрю на него. Сейчас Кейс для меня целый мир. Холодная, бессердечная машина для убийств, не испытывающая отвращения к насилию над женщинами. Но он все, что у меня есть. Так что я смотрю на него.

Он уже почти что отключился. Его глаза прищурились, а рот расслаблен от наркотиков. Но затем парень резко открывает веки и говорит:

— Если мы пойдем на дно, то вместе. — И в следующую секунду я замечаю в его руке шприц. Он втыкает иглу в мою руку. Она прокалывает пальто и мою кожу. И я наблюдаю за горящей в его глазах злобой, пока он нажимает на поршень.

Я просто беспомощно наблюдаю за тем, как закрываются его глаза, как захват на моем теле ослабляется, а его дыхание становится тяжелым.

Пытаюсь оттолкнуть его, но он слишком большой.

И здесь холодно. Огонь почти погас. И никто не подбросит в него дров, пока Кейс не проснется. Но в любом случае, когда он проснется, то убьет меня.

Так что я прекращаю бороться и вместо этого просто наслаждаюсь теплом его тела. Радуюсь, что я не голая. Что не на улице. И что он спит. Пока что.

Мои веки все тяжелеют и тяжелеют с каждой минутой, и как раз когда я готова сдаться и закрыть их, он шепчет:

— Знаешь, почему я тебя ненавижу, Сид?

Я вынуждаю себя немного проснуться. Открыть веки.

Его глаза тоже открыты. Совсем чуть-чуть.

— Почему? — бросаю я в ответ.

— Потому что ты его любишь.

Я знаю, что он говорит о Гаррете, но не понимаю, почему его это волнует.

— И это меня убивает. — Его веки снова опускаются, трепещут и затем открываются. — Меня убивает, что ты попала на удочку. Ты во тьме, и она пропитала тебя. Почему же ты на хрен не понимаешь этого? Почему не видишь *сквозь* тьму?

— Возможно, потому что не хочу.

Я ожидаю, что он ещё что-то ответит, но нет. Кейс отключился.

— Или, быть может, это ты во тьме, а не я.

— *Выбери свою битву и сражайся в ней, Сид.*

Я поднимаю взгляд на Гаррета и улыбаюсь.

— *Я всегда так и делаю.*

— *Нет, — смеется он. — Ты слишком сильно усердствуешь.*

Я качаю головой и забрасываю удочку.

— *Что ты под этим подразумеваешь?*

— *Ты хочешь остаться, когда нужно уйти. Уйти, когда нужно остаться. Ты хочешь бороться тогда, как следует отступить, и отступаешь, когда следует бороться. Ты делаешь все наоборот, Сид.*

Я делаю глоток свежего горного воздуха.

— *Легко сказать.*

Он смеется из-за меня.

— *Когда кто-то на шаг впереди тебя, оставь все, как есть.*

— *Это больше похоже на поражение.*

— Нет, — говорит он, сматывая свою удочку. Я жду, пока он проверяет приманку — она пропала — и нанизывает новую на крючок, а затем забрасывает удочку. После он снова смотрит на меня, и в солнечном свете его глаза такие золотистые, а тело загорелое и мускулистое. Он без рубашки, потому что сегодня довольно теплая погода. — Это не поражение, Сид. Это стратегия. Позволь им думать, что они выигрывают, потому что оказались на шаг впереди тебя. Но ты сама никогда не переставай сражаться. Даже если это сражение идет пока что внутри тебя.

Я просыпаюсь и будто слепну. Веревки с моих ног и рук пропали, как и одежда, а мое тело замерзает. Я ползу к камину, но когда касаюсь металла, понимаю, что за ним нет никакого тепла.

Он умер.

— Не глупи, — произношу вслух. Он накачал меня снова, развязал, снял одежду и выбросил в эту комнату.

Но почему он не разжиг огонь? Ему, должно быть, тоже холодно.

И тут я слышу звук струящейся воды. На полсекунды мое сердце замирает. *Он собирается облить меня из шланга!*

Но нет, спустя мгновение понимаю, что ошиблась. Готова поспорить, он просто в душе. Греется под горячими струями воды.

Пока я дрожу и мерзну. И ненавижу его. Я ненавижу этого мужчину так сильно. Почему он делает все это со мной? Зачем?

— Ты такая глупая, — раздается звук его голоса слева от меня.

Я сажусь и оглядываюсь по сторонам в полной темноте.

— То есть... — Он смеется. По звуку кажется, что Кейс сидит на полу в нескольких шагах от меня. — Если бы все сработало, то это было бы очень круто. Но я же сказал тебе, что в снегоходе нет топлива. На улице минус двадцать градусов и снег. А тот дом, который ты посчитала своим спасением? Он пуст.

— Ты лжешь.

— Серьезно? Какая часть моих слов кажется тебе неправдоподобной?

— Думаю, в том доме есть люди. Я видела свет.

— Там не было никакого света, Сидни. Сейчас зима, и мы в Монтане. Люди, у которых здесь имеются большие срубы не приезжают в это время года, ковгерл. Мне-то виднее. Ты замерзла и бредила из-за передоза наркотиками. Возле того дома не было включенного света. Ты видела отражение луны в окнах, вот и все.

Монтана. Но он прав. Богатые люди, которые покупают здесь большие дома, приезжают только на лето. Для рыбалки, охоты и рафтинга. В общем всего, что нереально сделать в январе.

— Я знаю, ты мечтаешь о нем. Так вот, где все это началось.

Озноб пробегает по моему позвонку, а на затылке волосы встают дыбом.

— О, — говорит Кейс, шаркая ногами. — Ты не думала, что все кончено, правда?

Рывком он поднимает меня на ноги и затем тащит к двери. Когда Кейс открывает ее, свет ослепляет меня на мгновение так сильно, что приходится закрыть глаза. Он не останавливается, таща меня по коридору, пока мы не достигаем ванной, полной тумана от струящейся горячей воды. Я делаю вдох, наслаждаясь каждой крупницей тепла, и когда осторожно открываю глаза, то вижу ножки старой чугунной белой ванны.

Теперь я заставляю себя поднять взгляд. Прямо на его лицо.

— Ты воняешь, — говорит он, читая мои мысли. — Ты обгадила себя. Именно поэтому я тебя и раздел.

Я отвожу взгляд, смущаясь. И слегка качаю головой, чтобы отбросить эти эмоции. Из всего, чего мне стоит в этой жизни стыдиться, дефекация не входит даже в первую сотню списка.

— И ты вся в крови. Меня тошнит от твоего вида. Так что помойся. И сделай это быстро, потому что ты не заслуживаешь этого.

— Тогда почему ты не облил меня из шланга? — Меня передергивает от собственных слов. *Заткнись, Сид!*

— Я немного устал, — говорит он, игнорируя мой сарказм. — И держать шланг с ледяной водой не входит в список дел на повестке дня. У тебя есть две минуты. И если ты не справишься за это время, я *использую* шланг.

Я глубоко вздыхаю и делаю шаг в ванную, затем оглядываюсь через плечо, желая узнать, оставит ли он меня здесь одну.

— В твоих мечтах.

Я забираюсь в ванну и второй ногой и опускаюсь в горячую воду. Все мое тело горит от резкой смены температуры. Но ощущение в то же самое время приятное, так что я погружаюсь в воду и выпускаю вздох удовольствия.

Ложась на спину, я окунаю волосы и закрываю глаза, чтобы полностью нырнуть под воду. На мгновение, водная гладь накрывает меня, позволяя всему вокруг казаться таким умиротворенным. Но затем он хватает меня за руку и вытягивает назад.

Кейс выливает немного шампуня на мою голову — тонкий холодный ручеек — и это вынуждает меня взглянуть на него, дабы понять его намерения. Но все, что он произносит, это:

— Мойся.

И я моюсь. Хорошенько тру голову и волосы. Черт, если он хочет, чтобы я вымылась, то почему бы мне быть против. Когда голова полностью намылена, Кейс тянется к столешнице за ковшом, затем зачерпывает воду и льет мне на голову, чтобы смыть шампунь.

Я снова поднимаю на него взгляд. Потому что просто не понимаю происходящего. Но он лишь указывает на белый кусок мыла в мыльнице, встроенной в стену хижины.

Я принимаю это за намек и мою тело, уверена, дольше чем две минуты. Но Кейс меня не торопит и даже не произносит ни слова. Он просто ждет, пока я помоюсь, и затем обливает меня водой. Сначала на одно плечо, потом на второе. И так несколько раз. И когда я только начинаю расслабляться, он наклоняется и вытягивает пробку из ванной. Вода начинает с шумом стекать в слив. Через мгновение Кейс стоит передо мной, предлагая полотенце.

Когда я выступаю из ванной, он осматривает меня сверху до низу. Я так же гляжу на него, сверху вниз. На его руке виднеется синяк от укола шприцами.

Я смотрю на свою собственную руку и нахожу такие же отметины. Еще одна на моем бедре. И на втором.

Когда поднимаю голову, вижу улыбку на его лице.

— Я понял, откуда все берет начало. Но давай попытаемся двигаться дальше. Очевидно, что с наркотиками ничего не выходит, и скажу на чистоту, нам надо бы уложиться в мой график.

Я хмурю брови.

— В вопросе моего убийства? — спрашиваю шепотом.

Он игнорирует вопрос. Просто заворачивает меня в полотенце и выключает свет, выходя из ванной.

— Иди за мной, — бросает Кейс через плечо.

А у меня есть выбор?

Итак, я иду. Следую за ним по коридору в полной темноте.

CHAPTER SIXTEEN

MEER

"Я пересекаю эту грань между монстром и спасителем, и использую это против них".

— Кейс

Она возвращается назад в комнату, которая стала ей тюрьмой, только на сей раз делает это по собственной воле.

Мне нужно настроиться. До сегодняшнего дня ничего не воздействовало на эту девушку, как должно было, а мне все еще нужны ответы. Время поджигает. Когда начинал все это, то думал, что дело затянется на два-три дня. Но сегодня наш двенадцатый день здесь. Двенадцатый.

Я беру Сидни за руку, и это, должно быть, ее пугает, потому что девушка инстинктивно отшатывается, но моя рука лишь крепче сжимает ее. Сейчас ее тело теплое. И чистое. И она спокойна. Так что мое рукопожатие — это предложение иметь все эти преимущества, стоит ей только сдаться. Я веду ее через темную комнату, пока мы не достигаем дальней ее части, а затем кладу руки ей на плечи и толкаю, пока она натывается спиной на стену.

— Что...

Я накрываю пальцами ее губы.

— Хаши.

Она начинает напряженно дышать и, клянусь Богом, я почти слышу стук ее сердца. Но не повторяю слово. Я не хочу делать с ней то, что делал Гаррет. Прямо сейчас мне просто нужна Сид.

Я оборачиваю пальцы вокруг ее крошечных запястий и поднимаю ее руки над головой.

— Схватись за цепь, Сидни. — Она тянется, пока не нащупывает свисающую с потолка

цепь, и когда хватается, звенья негромко звенят.

Я глажу ее мокрые волосы.

— Хорошая девочка.

Она хнычет.

Я наклоняюсь к ее уху и говорю:

— Шшш. Не двигайся. Я не собираюсь ранить тебя.

— Отпусти меня. Прощу тебя.

Я знаю, она бросает на меня тот самый взгляд, и мне внезапно так хочется заглянуть ей в глаза.

— Если ты будешь вести себя хорошо, я открою заслонку камина с этой стороны.

Хочешь, чтобы здесь было теплее, Сидни? Светлее?

— Нет, — отвечает она. — Мне нравится тьма.

Черт. Один "хашш" — все, что ей было нужно. До этого раза срабатывало только после третьего повторения. Но когда мне нужно, чтобы она боролась, эта девушка сдается. Чертовы числа.

— Мы были во тьме достаточно долго. Давай встретимся со светом.

Она снова хочет что-то ответить, но я тут же перебиваю ее еще одним:

— Хашш.

Ее плечи немного расслабляются, пока руки все еще цепляются за цепь. Я гадаю, какое слово Гаррет использует, чтобы вывести ее из этого состояния? Было бы хорошо его узнать.

— Стой здесь. Как сейчас. Я сейчас вернусь.

Я оставляю ее там, выходя из комнаты, делаю несколько шагов вдоль коридора и затем останавливаюсь, прислушиваясь.

Ничего. Она стоит.

Ладно, Мэрк. Давай выясним это дерьмо. Я возвращаюсь в гостиную и подбрасываю дров в камин, потом нажимаю кнопку, и заслонка с другой стороны поднимается.

Сперва мне видно ее ступни, затем ноги. Я не смогу увидеть ничего более, пока не опущусь на колени. Так что я хватаю лежащий перед диваном коврик и несу его обратно в комнату, опуская на пол прямо перед огнем.

— Кейс?

Я поворачиваюсь к ней. Тени танцуют на ее теле, облизывая его в тех местах, где я тоже был бы не прочь облизать ее.

— А? — Она вернулась? Как она вернулась обратно?

— Почему ты оставил меня там? Потому что подумал, что я не стою спасения?

Я делаю несколько шагов вперед и останавливаюсь в метре от нее.

— Что?

— Он сказал, что ты спасешь меня. Что мне не следует волноваться. Потому что ты спасешь меня.

— Кто?

— Мой отец. Он сказал, что попросил тебя спасти меня, и что, чтобы не случилось, ты забереешь меня, потому что я была твоим заданием. Разве я не стояла этого? Или он заплатил тебе недостаточно? Ты ударил меня кулаком в лицо. Я ждала... — Она начинает плакать, и я делаю шаг назад. — Я ждала тебя. Я видела тебя и другого парня в кустах и ждала. Гаррет вошел в комнату и потом... — она опускает подбородок к груди.

— Ты знала, что я приду?

Она кивает, не глядя на меня.

— Думаю, что знаю почему. — После этого Сидни поднимает на меня глаза, но я бы хотел, чтобы она этого не делал. В одном ее взгляде больше боли, чем во взгляде любого живого создания, которое я когда-либо видел. А я мучил не мало людей за все эти годы. Убил столько, что сбился со счета. Я повидал страх.

Но это не он.

Это грусть.

— Думаю, это потому, что он солгал, так ведь? — Она напряженно сглатывает, словно подготавливает себя к принятию чего-то, что не хотела бы принимать. — Он лгал мне. Он никогда не посылал тебя спасти меня. Ты пришел тогда, чтобы убить меня, верно? — Я качаю головой. Но она не видит этого или просто игнорирует меня. — Они всегда хотели избавиться от меня.

— Кто? — Я делаю два шага, разделяющих нас, и беру в руки ее лицо. — Кто, Сидни? — В конце концов, у нее есть ответы. Возможно, она сдаст их, не проходя через весь этот дурацкий план.

— Те люди.

Моя надежда немного умирает.

— Какие люди?

— Те люди, которые обеспечивают отцу его PR. Они узнали обо мне за два года до тех событий. Я жила с матерью в маленьком городке, на юге от Шайенна. И они узнали обо мне.

— О, — говорю я, так как не знаю, что еще на это сказать. *Те* люди. Я позаботился о них несколько лет назад. Плюс, она даже не знает их имен. Лично я называл их не PR — специалистами. Но если ты ребенок, то вероятно, предположишь, что твой отец честный человек, а не злобный убийца детей. Так что я не виню ее за это. — Нет, Сид. Он и правда нанял меня спасти тебя. Он не лгал на счет этого.

Ее лицо немного кривится, словно я только что принес ей плохие новости.

— Ладно.

Что-то здесь не так, но не уверен, что понимаю, что именно. Однако я чертовски уверен, что нужно двигаться дальше. На секунду у меня появилась надежда на то, что она расскажет все сама. Признается во лжи и скажет, где я могу найти Гаррета. Создается, что виделась с ним все эти годы. Что действовала согласно плану.

Но думаю, она говорит правду. И это еще хуже для нее, чем если бы Синди лгала. Потому что, думаю, ее больше нет. Думаю, она так сломлена, что никто не сможет ей помочь. В армии мы называли таких — НПВ (не подлежит восстановлению). Сидни Ченнинг удивляет меня с самого начала и до конца. Но даже через миллион лет я бы не смог предвидеть ее финал.

— Сид, — говорю я, собираясь объяснить, что произойдет дальше.

— Почему ты зовешь меня так? — перебивает она. — Никто меня так не называет. Я ненавижу это.

Я вспоминаю. Это правда? Разве Гаррет не звал ее так? Не важно. Я машу рукой перед собой, пытаюсь очистить мысли.

Снова прикладываю ладонь к ее щеке. Глажу по волосам. Они начинают высыхать, но когда мы закончим, ее волосы будут такими же не подлежащими восстановлению, как и сама она.

Не теряй хватку, Мэрок. С этой сукой будет покончено, как только ты заставишь ее

говорить.

Верно.

Я опускаю руку к ее горлу и прижимаю ладонь к пульсирующей артерии. Она не связана — ни по рукам, ни по ногам — так что я ожидаю небольшого сопротивления. Но она неподвижна, что еще раз доказывает мне непредсказуемость ее дальнейшей реакции. Я сжимаю сильнее, просто чтобы проверить теорию. Опять же, никакой реакции, пока через несколько секунд она не начинает задыхаться.

Я убираю руку и прижимаюсь к ее телу своим. Моя грудь обнажена, так что мы оказываемся кожа к коже. Она теплая, как и я. Вместе мы нагреваемся еще больше. Я наклоняюсь к ее уху и целую. Она дрожит, но держит руки на цепи, как я ей велел.

— Он говорил тебе, что ты красивая? — Не знаю, зачем это спрашиваю, но хочу узнать ответ.

— Нет, — произносит она. — Он говорил мне, что я разменная монета.

— Ченнинг это сказал? — Если честно, я просто не могу понять этого. То есть, да, девушка была незаконнорожденной, а это важно в его мире. Но... разменная монета? Он нанял меня спасти ее зад. Так что, возможно, он подставил всех нас? Я не знаю. Я никогда не воспринимал его, как врага Сидни. Конечно, она причиняла ему неудобство, но зачем тогда вытягивать ее на свет божий в 16 лет, а затем...

— Гаррет, — разъясняет она.

— О. — *Иисус ебанный Христос, Мэрок. Вернись к главному!*

Я скольжу пальцами по бокам ее тела, ощущая ребра. Они выпирают, когда она так держит руки над головой. И, быть может, ей щекотно, потому что девушка вздрагивает. Я немного отстраняюсь и сжимаю рукой ее грудь. От этого я почему-то чувствую себя грязным. Все это заставляет меня почувствовать себя грязным. Я устал играть с ней в игры. Но мне нужно знать.

Она выпускает тихий стон и это все, что мне нужно, чтобы продолжить.

— Ты знаешь, каково это жестко трахаться, Сид?

— Я девственница.

Я смеюсь. Буквально хохочу. Это пугает ее, и она опускает руки, прикрывая себя. Меня это тоже пугает, поэтому что вместо того, чтобы поправить ее, я делаю шаг назад.

— Пожалуйста, я девственница.

— Ты не говоришь это серьезно. — Мой тон изменился. Сейчас он резок. Слыша его, она вытягивается и снова хватается за цепь, пытаясь тем самым меня успокоить. — Почему ты лжешь? Я уже трахнул тебя в задницу. Я видел, как *он* трахает тебя дюжину раз.

Она не возражает. Ни на что из этого. Ни на тот факт, что я ее трахнул, ни на то, что я наблюдал, как ее трахает Гаррет.

— Эта чушь могла бы сработать на Бретте... — я смолкаю и смотрю на нее. — Поэтому ты никогда не позволяла Бретту себя трахнуть?

Она поднимает голову и смотрит на меня, но только на мгновение. Чтобы кивнуть.

Она говорит правду. Ну, нет, она может обмануть разве что свой зад. Но я верю, что она *считает* это правдой.

Я снова делаю шаг вперед и касаюсь рукой ее киски. Когда щелкаю по клитору кончиком большого пальца, она стонет. Я погружаю в нее один палец, и она толкается бедрами мне навстречу.

— Позволь задать тебе этот вопрос снова, Сидни. — Я хватаю ее волосы второй рукой и

дергаю голову назад, чтобы она была вынуждена смотреть на меня. — Ты знаешь, каково это быть жестко оттраханной?

— Нет, — говорит она без единой эмоции.

Я наклоняюсь к ее уху и шепчу:

— Тогда ты скоро узнаешь это. — Сидни просто смотрит прямо перед собой. — Ты понимаешь меня?

— Да, — отвечает она, все еще безэмоционально.

— Это "да" является разрешением.

Я жду, что она начнет спорить, и по правде, часть меня хочет этого. Я хочу, чтобы она врезала мне коленом по яйцам. Выцарапала глаза. Плюнула в лицо. Я хочу, чтобы она боролась.

Потому что, если бы она сделала все это, я смог бы остановиться. Этого было бы достаточно, чтобы остановить меня.

Но опять же, она покорна тогда, когда мне хочется от нее сопротивления.

И затем Сидни выводит все на новую ступень. Она сокращает дистанцию между нами и целует меня.

Моя рука покидает ее волосы и снова смыкается на горле. Потому что мы возбуждены.

— Позволь объяснить, что такое жесткий трах, Сидни. Хорошо? — рычу я напротив ее рта, так как она все еще целует меня. — Это значит, что я толкну тебя за черту, нарушу все твои границы. Я заставлю тебя лить слезы одновременно от боли и удовольствия. Я буду так жестко трахать тебя, что ты зарыдаешь. Но все равно будешь умолять меня не останавливаться. Это вызовет болезненность во всем твоем теле, твои мышцы будут дрожать, а разум будет истощен. Вот так я возьму тебя, Сидни Ченнинг. Я трахну тебя, и когда закончу, то никогда больше не повторю этого.

— Возьми меня, — шепчет она в ответ. Ее теплое дыхание смешивается с моим, подчеркивая интимность момента.

Но лишь на миг.

Потому что я толкаю ее на колени, сжимаю волосы в кулак и притягиваю ее лицо к своему члену.

CHAPTER SEVENTEEN

HERE

"Они пересекли грань между ангелом и демоном и тоже используют это против меня".

— Кейс

Она смотрит на меня снизу вверх, её тёплое дыхание согревает ткань моих джинс. Её глаза влажные, словно девушка вот-вот заплачет.

Я хочу, чтобы она заплакала. Хочу, чтобы всхлипывала. Хочу засунуть член ей в горло и наблюдать, как слезы катятся по её лицу.

Я толкаю Сидни коленом, нарушая её равновесие и вынуждая немного отклониться назад. Инстинктивно она хватается за мои джинсы, чтобы не упасть. Я ловлю её лицо двумя руками и уверенно сжимаю.

— Что-то с тобой не так.

— Ты в этом виноват.

— Что? — Я заглядываю в её глаза по очереди, пытаюсь понять, что прямо передо мной, но не могу. — Как это прикажешь понимать?

— Ты бросил меня там. Мой отец нанял тебя, чтобы...

Я сильно толкаю её, и она падает назад на пол. Сидни ворчит и переворачивается на бок, подтягивая колени к груди.

— Просто сделай уже то, что ты там собираешься сделать. Мне уже без разницы.

— Ты хоть представляешь, что именно я собираюсь сделать? — Я пересекаю комнату, а затем возвращаюсь на место, останавливаясь так, что носки моих ботинок оказываются в миллиметре от её губ. — Хоть понимаешь, кто ты такая? Где ты?

Она молчит. Её глаза открыты, но разум отключён.

— Что происходит, когда он произносит это слово...

— Просто трахни меня.

— Ты же девственница, — насмехаюсь я. — Помнишь?

Она приподнимается на одной руке, вытягивает шею и смотрит мне в глаза.

— Так и есть. Но ты не заслуживаешь знать всей истории, Кейс. Ты не заслуживаешь знать предназначение этого слова. Ты ничего не заслуживаешь знать. Но если хочешь первым трахнуть мою киску, тогда вперёд. Делай все, что хочешь.

Мой разум вертится вокруг одной важной детали во всей её речи.

— Ты правда ожидаешь, будто я поверю в то, что он трахал тебя только в задницу?

— Ты сказал, что наблюдал за мной. Тебе виднее. — Резко она поднимается на ноги, и в мою сторону летит её кулак. Он соприкасается с моей щекой. Как ни странно, с не дюжей силой.

Но для меня это не достаточно мощный удар. Так что я перехватываю её руку и тащу девушку обратно к стене. На этот раз я не прошу её поднять руки и схватиться за цепь. Я привязываю сучку. Защелкиваю наручники на её запястьях и поднимаю цепь до тех пор, пока её руки не оказываются вытянутыми над головой. Она все ещё пинается ногами и называет меня всеми известными матерными словами. Мне перепадает несколько ударов и пинков коленями в грудь, пока хватаю её за лодыжку и фиксирую на ней кандалы. Одна её нога все ещё остаётся свободной, когда Сидни прекращает бороться.

Она смотрит на меня с ненавистью и злостью. Её дыхание прерывисто. А закрывающие лицо локоны немного колышутся от каждого выдоха.

— Сделай это, — рычит она. — Возьми, что ты там хочешь, тупой ты трус. Мой отец

нанял тебя, чтобы спасти меня! А ты оставил меня там!

— А я-то думал, это было лучшим событием твоей жизни? — Я защелкиваю второй фиксатор на её лодыжке и поднимаю взгляд. Попалась. — Я думал, он был мужчиной твоей мечты. Считал... — Сидни плюёт мне в лицо. Слюна попадает мне на лоб.

— Ты пожалеешь об этом.

— Я так не думаю, — отвечает она, её голос тихий и хриплый, словно девушка устала. — Я не стану сожалеть, Кейс. Я не собираюсь больше делать ничего из этого. Что я сделаю, так это разозлю тебя так сильно, что у тебя не останется выбора, только как убить меня.

— Я могу тебя пытать, тупая ты сука.

И тут она начинает смеяться.

— Нет, не можешь. — Она снова смеётся, на этот раз громче. Более дико. Словно потеряла связь с реальностью. — Ты не можешь мучить меня, Кейс. Я справлюсь со всем, что ты только можешь выдумать, и даже больше. — Она мне ухмыляется. — У меня есть секрет. Вообще-то даже много секретов. Но этот лишает тебя всей власти.

Я знаю, что она собирается сказать ещё до того, как Сидни это произносит, так что быстро встаю, пытаюсь закрыть ей рот рукой. Но не успеваю.

— Хащц, — говорит она. — Все, что мне нужно сделать, это сказать себе хащц, и никто не сможет ранить меня. — Она поднимает голову и смотрит на меня сквозь пелену все ещё влажных после ванной волос. Её локоны, вероятно, пропитались выступающим на лбу потом, даже несмотря на прохладный воздух в комнате.

— Ты — больная сучка.

— Сказал один псих второму.

Я хватаю её за горло.

— Давай вернёмся к тому, на чем закончили и проверим, можем ли мы склонить чашу весов в мою пользу.

— Это твоя вечеринка, Кейс. Я же просто гость на ней. — Ее глаза горят ожиданием. — Трахни меня. Посмотри, как далеко это тебя заведёт. Ты сказал жесткий трах? Этому ты меня собирался научить? Думаешь, жесткий трах мне в новинку? Ха! — она снова смеётся. Сумасшедшим, диким смехом. Смехом, который будто кричит вам “мы здесь закончили”. Я делаю шаг назад. Ступни моих босых ног мерзнут от холода цементного пола. Когда подхожу к камину, поворачиваюсь к нему спиной, позволяя пламени немного согреть меня.

— Думаю, ты не понимаешь до конца, что такое жесткий трах.

— Я заставлю тебя плакать, Сидни, — имитирует она мой голос. — Я так жестко трахну тебя, что ты будешь реветь. Ну, не понимаю, в чем тут новость, учитывая, что ты типа наблюдал за мной, но если ты вдруг не в курсе, мудака, то знай, я всегда ревела. — Она снова плюёт в моем направлении, но на сей раз я нахожусь слишком далеко. — Твоя игра стара как мир. Твои методы утомительны. Твои познания скудные. — Она, словно прикованный к стене демон. Вот как Сидни выглядит прямо сейчас.

— Хочешь, чтобы я поведала тебе, что мне известно? — Она выдерживает паузу, но я молчу. Все идёт сейчас не по плану. — Я знаю, что ты ищешь. Знаю, где Гаррет. Но эта тайна похоронена вместе со всеми моими секретами. В темном месте. Отведи меня туда, Мэрк. Повстречай меня во тьме, и я расскажу тебе все, что тебе нужно знать.

Сидни использует моё рабочее прозвище, тем самым оживляя во мне старые инстинкты. Она — маленькая девушка, прикованная цепями к стене. И я — почти двухметровый

наемный убийца. Один из лучших. Она гордится тем, что может выдержать столько мучений. Я горжусь тем, как доставляю эти самые муки. Но то, что она говорит, больше похоже на бредни сумасшедшего. Так что сомневаюсь, что если вытяну из неё хоть какую-то информацию, смогу доверять этим сведениям.

— Как?

— Наркотики, — говорит она, внезапно её голос становится мягче и тише.

Я подхожу вплотную к её голому телу.

— Это мы уже проходили, ковгерл. Попробуем на сей раз нечто новенькое. — Я наклоняюсь и целую её. Обеими руками удерживаю её лицо в неподвижном состоянии, вынуждая её нос соприкоснуться с моим. — Я встречу с тобой во тьме. Но мы сделаем это на моих условиях.

— А разве мы делали хоть что-то не на твоих условиях? — спрашивает она в ответ все ещё мягким голосом. — Что мы делали хоть раз на моих условиях? — На этом она поворачивает голову так, что может засмеяться. — Уверена, именно ты всем здесь управляешь, Мэрк. Так же как и уверена, что не я втыкала в себя шприцы с наркотиками последние несколько дней.

— Недель, — поправляю я. И это срабатывает. Данное откровение поражает её.

— Ты лжёшь. Прошло всего несколько дней.

— Бензодиазепины, сладенькая. — Я наклоняюсь и снова её целую. На это раз Сидни даже не шевелится. — Это все наркотики. Бензодиазепины лишили тебя ощущения времени. Ты здесь со мной уже две недели. Твой парень, Бретт, даже не стал тебя разыскивать. Никого не волнует то, куда ты подевалась, Сидни. Так что будь хорошей девочкой и расскажи мне все, что знаешь. А затем я накачаю тебя снова и вывезу отсюда. Мы никогда больше не встретимся. И когда ты очнёшься, то найдёшь все, что тебе может понадобиться, чтобы начать с чистого листа. Как тебе такое предложение?

— Ты лжёшь.

— Или сперва мы можем жестко трахнуть, — я улыбаюсь. А затем толкаю бедро между её ног, прижимая его к её входу. Она уже немного влажная. — Хочешь, я заберу у тебя это обременительную Д-карточку? Я конечно очень сомневаюсь, что Гаррет не трахал твою киску. Хотя сам лично и правда видел лишь ваш трах в зад. Но тем не менее, он не кажется одним из тех, кто оставляет подобное на потом.

— Вот только он оставил, — острит она в ответ. — У него было терпение, а для тебя это невдомек.

— Снова его защищаешь? — Я улыбаюсь. Потому что её рычаги воздействия на меня теперь иссякли. — Хммм? Он все ещё твой парень? Мужчина твоей мечты? Берет тебя с собой на рыбалку? Использует спусковое слово, чтоб промыть тебе мозги? Спорю, он трахал тебя сотни раз, пока ты была под наркотой. Верно?

Она смотрит на меня искоса.

— Убей меня. Просто сделай это. Убей и позволь уйти.

Я толкаю ногу вперёд, пока моё бедро не оказывается напротив её киски, в это же время прижимаюсь грудью к её груди.

— Я планирую это сделать, Сид. Просто не так, как ты хочешь. Потому что жесткий трах, дикая кошечка, жестким называется не от того, что я выбиваю дерьмо из женщин или душу их до потери сознания. Может быть, в исполнении кого-то другого так и есть. Но в моей трактовке жесткий трах, это когда ты умоляешь меня о нем.

Она снова плюётся, попадая на мои губы.

Я целую ее, возвращая её плевком. На этот раз она ловит мою губу зубами, сильно прикусывая, до крови. Но я лишь отталкиваю её и улыбаюсь.

— Мне нравится вкус крови, Сид, ты разве ещё не поняла этого? Как можно называть себя киллером и не любить вкус крови? Это возбуждает меня, сучка. А сейчас начинай умолять.

— Иди ты на хуй.

— О, я определенно собираюсь кое-кого насадить на свой хуй. Но сперва ты будешь умолять об этом. И расскажешь мне все, что я хочу знать. Потому что я перепрограммирую тебя, Сидни. Я перепрограммирую твой сломленный разум. — Я постукиваю пальцем по её голове, иллюстрируя свою мысль. — Я перенастрою тебя. Отведу в то темное местечко, которое ты так сильно любишь, и включу чертов свет.

CHAPTER EIGHTEEN

SYNOPSIS

"Иногда именно то, от чего вы бежите, в силах помочь больше всего".

— Сидни

Я закрываю глаза, чтобы он не мог меня видеть, но его губы снова накрывают мои, а язык ищет то, что я прячу. Он знает, где скрыты мои тайны. Я это понимаю. Но среди всех моих секретов, этот единственный я *обязана* сохранить. Мне нужно сделать что угодно, лишь бы уберечь его.

— Я могу найти Гаррета, — говорю я. — Я могу его найти. Просто скажи мне хашш. Произнеси это слово и начинай задавать вопросы.

— Нет, — говорит Кейс строго, но тихо. — Это ложь, Сидни. Он накачал тебя безумным количеством дезинформации, так что ты не можешь понять, что реально, а что нет. Но у каждого спускового механизма есть механизм сброса. И это первое, что мне нужно от тебя. Когда я пойму твой механизм сброса, мы попытаемся попробовать это снова. Ты знаешь, в чем состоит этот сброс, Сидни. Ты слышала это слово множество раз. Все, что мне от тебя нужно, так это то, чтобы ты вспомнила. И если ты назовешь мне это слово, я отступлю. Я позволю тебе скрыться в своем темном мире. Ты сможешь отправиться туда на сколько захочешь. Черт, хочешь, вообще не возвращайся. Как тебе такое предложение?

Мой разум мечется. Кажется, я даже падаю в обморок, потому что следующее, что осознаю, так это то, что я в объятиях Кейса. Он крепко держит меня в кольце своих рук. Его пальцы между моих ног, нежно поглаживают вверх и вниз. Они проникают в меня, а затем выскальзывают обратно. Он целует меня. Так нежно. Его губы накрывают мои, а затем отступают, и снова по кругу. Мой язык встречается с его. На несколько мгновений наши тела сплетаются воедино, пока он не отстраняется, сжимая ладонями мое лицо. Я втягиваю воздух в легкие, пытаюсь разобраться в происходящем.

— Что это за слово, Сидни? Какое слово Гаррет использовал, чтобы забрать тебя оттуда?

Открывая глаза, я гляжу на лицо Кейса. Его пальцы возвращаются к моей киске, толкаясь в нее, пока большой палец играет с моим клитором, словно тот струна на гитаре. Это так офигенно приятно. Его вторая рука тянется к ремню. Через несколько секунд я кончаю, его брюки расстегнуты, и моя ладонь на его твердом члене.

Я сжимаю его...

Я в своей спальне, сижу на краю кровати. Гаррет смотрит на моих плюшевых зверушек.

— Ты слишком молода, Сид, как для кошатницы.

Я выпускаю смешок и вытягиваю ноги.

— У тебя, должно быть, этих штук как минимум две дюжины.

— Ну, я люблю котиков, — шучу я в ответ. — Подай на меня в суд.

Он стоит передо мной, сжимая мое лицо ладонями. Я поднимаю на него взгляд полный доверия.

— Мне нравятся собаки. — Я просто моргаю. — Они верные. Послушные. И не судят меня.

— Я тоже не сужу тебя, Гаррет.

— Я знаю, Сид. Ты и есть моя собачка, детка. Если у меня когда-то и был пес, то это ты. — Он гладит меня по волосам. — Ты добрая, верная и нежная.

Мои колени ударяются о твердый бетонный пол, руки оказываются на бедрах Кейса. Кончик его члена проскальзывает между моих губ, и я сглатываю.

Он стонет, сжимая мои волосы в кулак.

Мой язык и ладони начинают творить волшебство, пока я сосу, скользя губами по его толстому стояку.

— Здесь слишком много кошек, — говорит Гаррет, указывая на мою футболку.

— Это просто футболка, — объясняю я, ожидая его прикосновения и пытаюсь обратить его внимание на себя. Но он все смотрит на карикатуру дикой кошки на моей футболке.

— Дикая кошечка? — произносит он в форме вопроса.

Кейс вынимает свой член и несколько раз быстро и жестко скользит по нему рукой. Я открываю рот и высовываю язык, неотрывно глядя на него. Его сперма брызгает мне в лицо, попадая в глаз и ослепляя. Она теплая и ощущается даже немного приятно, стекая по моей щеке.

— Нет, — говорю я Гаррету. — Не кошечка. Попытайся снова.

Он улыбается мне и снова сжимает мое лицо между своими ладонями.

— Ну и что же это, Сид?

Я улыбаюсь в ответ, тепло распространяется по моему телу. И затем отвечаю.

— Красная рысь? — спрашивает Кейс, все еще тяжело дыша после полученного оргазма. Я смотрю на пол. Кейс застегивает штаны. — Это оно? Красная рысь?

Я опускаю голову и ощущаю, как слезы покидают мои глаза. Мне стыдно за то, что я сделала. И стыдно за то, что делаю сейчас. Мне стыдно за каждую клеточку своего тела.

Кейс выходит из комнаты, оставляя меня на полу. Я поднимаю взгляд на стол, где по его словам, он убил моего отца, и затем смотрю на огонь. Я так замерзла. Поэтому ползу к камину и ложусь на каменном островке перед ним.

Я наблюдаю за языками пламени, напоминающими мне о моей жизни. Подъемах, падениях, искорках то тут, то там. Тепло.

Однако не этой жизни. А той. Той, где девушка по имени Сид обитала в своей симпатичной подростковой комнате. И где все кошки теперь стали псами.

Не знаю, сколько так лежу, пребывая наполовину в мечтах, наполовину в кошмарах. Но дверь все это время остается открытой. Кейс так и не потрудился закрыть ее за собой. На другой стороне очага горит свет. Он частично освещает и мою камеру.

Но я не двигаюсь. Даже чуть-чуть. Возможно, он вообще уже не здесь. Он мог бы уехать. Узнать то, что там ему было нужно и уехать.

Я проваливаюсь в сон, который в данный момент кажется более реальным, чем явь. Сон, который дарит мне больше надежды на счастливое будущее. Который служит мне побегом.

— Сидни?

Он называет меня Сидни. Так я и понимаю, что это кошмар, а не мечта.

— Сидни? Ты голодна?

Никогда не чувствовала себя настолько голодной, как в данный момент. Я вытягиваюсь, чтобы почесать лицо, и понимаю, что на нем засохла его сперма.

Снова закрываю глаза. Мне больше по душе мечты о Гаррете, чем реальность с Кейсом.

Немного позже он возвращается. И снова зовет меня. Только на этот раз, когда я не отвечаю, он поднимает меня на руки и несет в ванную, усаживая на столешницу.

Я не сплю. Сомневаюсь, что хоть что-то из последних событий было во сне. Так что я просто наблюдаю за Кейсом, пока он мочит полотенце и вытирает им мое лицо. Я ничего не говорю, но он что-то рассказывает, пока умывает меня.

— Это хорошее начало, — говорит он между прочим. А затем: — Нам больше не понадобятся наркотики. Так что вскоре ты почувствуешь себя лучше.

На чем он меня держал? Думаю, помню что-то о бензодиазепамин. Но меня накачивали наркотиками всю жизнь. Так что, что бы это ни было, оно искажает мой мир. Бензодиазепамины не действуют так.

— Мне бы хотелось и дальше продолжать принимать наркотики, если ты не против.

Думаю, мой голос его пугает. Он перестает умывать меня, но при этом не отвечает.

Неважно. Ответ явно нет. Чего бы я не хотела, мне всегда дают противоположное.

Сидни хочет иметь мать? Они дают ей отца. Сидни хочет иметь парня? Они посылают ей монстра. Сидни хочет пойти в колледж? Они дают ей бар.

К слову, бар был единственной хорошей вещью, которую они мне дали. И даже несмотря на то, что тогда я его не хотела, он оказался удачным призом.

Мне нравилось много работать. Я ненавидела приходить домой. И когда пропал Гаррет, меня постоянно преследовал страх, что однажды ночью я вернусь домой, и он объявится.

А затем появился Бретт. И мы так подходили друг другу, словно были созданы друг для друга. Как два кусочка головоломки. Его свет и моя тьма. Его легкая улыбка и мой сердитый взор. Его мускулистый торс и моя мягкая грудь. Он был совершенен.

Почему я оставила его той ночью? Сейчас я могла бы быть уже замужем. Могла бы жить в его доме в Шайенне. Больше не нужно было бы спать в кабинете в баре, поддавшись страху возвращаться домой. Я могла бы спать с ним прямо сейчас.

Мне хочется плакать.

Так сильно.

— Вместо этого мы можем попробовать докопаться до истины.

Не знаю, как Кейсу удастся вот так читать мои мысли.

— После его исчезновения, сколько раз Гаррет встречался с тобой в квартире, которую вы до этого делили?

— Он никогда не возвращался.

— Возвращался, Сидни. Он возвращался. Ты исчезала несколько раз. И это происходило тогда, когда я наблюдал за тобой. Кто знает, сколько раз он приходил и забирал тебя, когда я не следил.

Я представляю свою жизнь после исчезновения Гаррета. Мне правда хотелось, чтобы он был мертв. Но часть меня всегда знала, что это не так.

— Иногда я оставалась в баре несколько ночей к ряду и возвращалась домой, только чтобы выспаться.

— Ты страдала бессонницей?

Сейчас я на диване, но не помню, как здесь оказалась. Кейс сидит на одной стороне, я лежу, занимая почти все свободное пространство. Мои ноги на его коленях, и он выводит линии на моих лодыжках.

— Всегда.

А еще на мне есть одежда. Мужская футболка. Черная. И пара спортивных брюк. Серых. Мои ноги замерзли, так как я без носков.

- Так когда ты засыпала, ты просто отключалась? А посетители бара не искали тебя?

— Я брала выходные.

После этого он смолкает.

Я убираю ноги с его коленей и подтягиваю их к груди. Не хочу, чтобы ко мне прикасались. Пламя танцует в камине. Я вижу за ним другую комнату. Представляю, как мое тело лежит по ту сторону. А он смотрит на меня отсюда. Сейчас и я вроде как смотрю на себя с этой точки зрения.

Закрываю глаза. Потому что я такая уродина.

В следующий раз, когда открываю их, я снова в своей камере. На мягком коврике — не том, на который меня вырвало в последний раз — так что считаю это усовершенствованием.

Звуки гитары проникают из-за пламени и успокаивают меня. Его пальцы создают тихий

скрип, перебирая струны. Он наигрывает мелодию, и я слышу слова к ней в своей голове. Это песня ни о чем. О том, каково быть никем. О том, каково ничего не хотеть. Ничего не иметь.

Это очень хорошая песня.

— Ты по-прежнему не голодна? — его пальцы продолжают играть, не сбиваясь.

Я снова закрываю глаза. Мне нравится думать о себе, как о буддисте, который ничего не хочет. Но это не так. Я хочу еще.

— Чего еще? — спрашивает Кейс.

— Наркотиков.

— Я не даю тебе наркотиков уже два дня, Сидни.

Я осознаю, что мои волосы влажные, и гадаю, насколько провалилась в небытие в этот раз.

— Нам нужно продолжать. У меня есть еще много вопросов.

— А у меня нет больше ответов.

— У тебя есть все ответы, Сид.

Я улыбаюсь ему. Стоя на берегу с багором в руке.

— Я думала, ты меня покинул. — Всклип срывается с моих уст вместе с последним словом. — Я так устала быть одна.

CHAPTER NINETEEN

HERE

"Слова могут стать стихотворением, песней или даром. Они также могут быть угрозами, ложью и нарушенными обещаниями. Ты просто должен научиться видеть разницу".

— Кейс

— Куда бы я пошел? — спрашиваю я у Сидни. Она закрылась в себе, как обычно. Но девушка снова разговаривает вслух, а это уже хорошо.

— Да, это я всегда уйду.

Ее уже нет. Не уверен, что ей есть что еще мне рассказать, и даже если она расскажет, все ее слова могут быть выдумкой.

Я был в армии четыре года. Этого было достаточно, чтобы все во мне изменилось. Я покинул Южный Бостон странным ребенком, наделенным разумом, который бы хотели многие мужчины, и телом, созданным для формирования тренировками.

Я первый признал себя больным и извращенным. Меня вышвыривали из каждой местной школы. Я отсутствовал на занятиях неделями, а то и месяцами. Я — пятно на графике каждого социального работника, которому не посчастливилось со мной столкнуться. И вот я все еще здесь. Играю в игры.

Знали ли они, что так выйдет? Подозревали ли MIT, Гарвард и Кембридж, что из меня выйдет?

Конечно, да. И поэтому они хотели принять меня в свои ряды.

А если люди хотят вас, то лучшее, что вы можете сделать, это повернуть в другую сторону и выбрать иной путь.

Мои ноги привели меня в армию. Одна вербовка, тест на пригодность и одно ебаное задание — не в пустыне, нет. В Штатах. Там, где я проделал все свои полевые работы. Там, где нес свою настоящую службу.

Это все и сделало из меня того парня, что перед вами сегодня.

Они совершили так много ошибок со мной. Во-первых, приняли в армию. Им известен исход ситуации, когда кто-то похожий на меня появляется на войне и может владеть оружием, но при этом не имеет достаточно власти, чтобы эффективно ее использовать. Хорошего не ждите.

Они расклассифицировали меня шесть раз за первые месяцы после начала службы. И гадили в свои чертовы трусы, после каждого моего повышения. *Мэррик*, — говори они. *Мэррик Кейс — именно тот человек, что нам нужен.*

Гаррет МакГоверн тоже был именно тем. Мы похожи с ним во всем, что касается профессионального ведения войны. Но в одном важном аспекте мы разнимся.

Я работаю один. В некоторых миссиях в виде исключения могу попросить помощи у друзей. Но все же работаю в одиночку. Я не командный игрок.

Не думаю, что им вообще когда-то приходило в голову, что я уйду. Не после нашего совместного успеха. Не после того провала. Что вообще в их понимании провал? Просто временная неудача.

Думаю, так же был воспринят и мой уход. Просто временная неудача. Потому что, по сути, они же и принимали меня потом на новую работу, только в роли гражданского. Раз за разом, раз за разом.

Но в последний раз? Тот раз, когда меня отправили спасти Сидни, а я вместо этого спас Сашу? Это разрубило все связывающие нити.

Две девушки. Одна миссия. И худший из возможных результатов. По крайней мере для них.

Сидни здесь скорее сопутствующий ущерб. Она всего лишь пешка. Она слабая и жалкая во всех смыслах, в которых Саша сильная и смелая.

В тот день я сделал правильный выбор. Саша была моим правильным выбором. Сидни просто пережиток, который нужно выбросить под ковер.

Но эта работа так и осталась не законченной. Она не прекратилась в тот день, когда я оставил Сидни. И не закончилась, когда я помог Саше отомстить. И даже когда я украл

сотни миллионов долларов из их чертовых глубоких карманов, все не завершилось.

Однако, конец близок. Вот он. Мой финал. И финал Сидни.

Она шевелится на кровати, и я знаю, что девушка снова очнулась. Это ее дрейфование в темный мир говорит мне однозначно лишь о том, что они проделали с ней отличную работу. Она не выдала мне ни кусочка стоящей информации. Ее слово для запуска механизма сброса несущественно в долгосрочной перспективе. Оно годится лишь в роли первого шага. Но стоит ли Сидни всех шагов между первым и победой?

Я сомневаюсь.

Она переворачивается и кладет руку на свою ногу. Я сажусь на кровать, закуриваю сигарету и обдумываю все варианты еще раз. До того, как она сбежала, я видел столько возможных исходов всего этого. Но теперь осталось только два из них.

Либо я позволю ей жить. Либо позволю умереть.

Если я позволю ей жить и попробую вернуть ее в реальность, я получу не совсем достоверные данные. Совсем ненадежные, я бы сказал.

Если же позволю ей умереть, как только все будет кончено, я смогу взять все, что удалось вытянуть из нее, и позже обдумать всю эту информацию, отбросив ненужное.

Ее рука скользит по моей ноге и хватается за член.

Я реагирую. Мне нравится сексуальная Сидни даже больше, чем могу себе признать. Я хватаю ее руки и переворачиваю девушку на живот. Она хнычет, но не от боли или страха.

— А вот теперь я трахну тебя жестко, Сид.

CHAPTER TWENTY

SYDNEY

"Мне нравится жало реальности. Оно напоминает мне о том, что у меня нет ни над чем власти".

— Сидни

Сид.

— Не называй меня...

Его рука оборачивается вокруг основания моего горла, не лишая воздуха, но прекращая все протесты.

— Давай подведем итог, Сидни. Я расширю твои границы. И ты будешь умолять меня о большем. Это понятно?

— Это так ты убил других девушек, с которыми был близок, — я пишу из-за его захвата на шее. — Расширил их границы? Так ты убьешь и меня? Умолять тебя о большем?

— Ты можешь только надеяться. — Рука скользит между моими бедрами, и я автоматически приподнимаюсь, предоставляя ему лучший доступ. — Потому что, ну, раз твое время пришло, то лучше уж кричать от удовольствия, а не от боли.

— Ха. Я знаю, что ты не убивал тех девушек.

— Тогда зачем вообще начинать со мной бороться? — Он поглаживает мой клитор, пока говорит все это.

Я прикусываю губу, сдерживая стон.

— Потому что ты хочешь этого, верно? Борьбы? Это тебя заводит? Гаррету нравится подчинение. Но вы двое такие разные. Тебе по душе борьба.

Он дергает меня за волосы так сильно, что я вскрикиваю. Я пытаюсь опустить взгляд и увидеть его реакцию на мои слова, но он сильно держит мои волосы, не позволяя видеть свое лицо, пока сам наклоняется к моему плечу и шепчет на ухо:

— Не сравнивай меня с ним. Наши пути разошлись неспроста. Мы не одинаковые, дикая кошечка. Он убивает, потому что так сложились обстоятельства. Я убиваю намеренно.

Слова щекочут мое ухо, и я вздрагиваю. Но не от воздействия его пальцев, которые по-прежнему волнующе кружатся на моем сладостном местечке, а от того факта, что Кейс не отрицает то, что не убивал тех девушек. Я ощущаю маленький прилив силы.

— Так ты говоришь, что все же убил их?

— Что ты вообще знаешь о *них*?

— Я знаю, что они были твоими девушками. Знаю, что они пропали. И знаю, что ты их не убивал. Просто прогнал.

Он смеется. Этот звук такой нормальный, что кажется, будто я поведала ему реально забавную историю.

— Ты ничего не знаешь.

— Я знаю, что ты не убивал их потому что была там, когда это сделал Гаррет.

Кейс замирает.

— Он знал, что ты представишь все так, словно они пропали. Но он их нашел. Очень давно, Кейс. Он нашел их и отвез в горы, где мы разбили лагерь, а еще он заставил меня наблюдать.

— Ты лжешь.

— Он сделал мое фото с покрытым кровью ножом в горле одной из девушек.

— Лгунья.

— Сказал, что отправит ее тебе, если я не сделаю то, что он скажет. И затем ты придешь и позаботишься обо мне. Не странно ли? Теперь ты угрожаешь убить Бретта, если я не сделаю того, о чем ты просишь? Так что вы с Гарретом похожи друг на друга сильнее, чем тебе того хотелось бы, Кейс. Ты просто не можешь признаться себе в этом.

Секунду он молчит, а я уговариваю себя в том, что на самом деле не наговорила всего этого.

И затем кулак Кейса врывается в мою голову, убивая все бредовые надежды. Я вижу черноту еще до того, как он начинает сжимать мое горло. Я хватаюсь за его руку, горблю спину и пытаюсь оттолкнуть его, проклиная себя прежде всего за то, что нахожусь в таком покорном положении. Переворачивая меня, Кейс как ни странно не обрушивает еще больше ударов на мое тело, вместо этого он поднимается и раздвигает мои ноги, располагаясь между

ними.

Я задерживаю дыхание.

И в следующую секунду он облизывает мое тело. Он лижет и целует каждый из порезов, оставленных ножом на верхней части моих бедер.

— Больно? — спрашивает он.

— А ты как думаешь?

— Думаю, тебе это нравится. Думаю, ты хочешь большего. — Он усмехается между моими ногами. — Думаю, прямо сейчас ты хочешь получить гораздо больше.

И он делает это большее. Его рот поднимается выше, руки хватают мои ноги и крепко удерживают, пока его голова движется к моей киске.

Но я не шевелюсь.

Облизывая мои складочки, он разглядывает мое тело от коленей и до лица. Его губы приоткрываются, а затем он всасывает мой клитор в рот. Не жестко и требовательно, а именно с такой силой, что удовольствие накрывает меня волной, вынуждая стонать и выгибать спину. Никто раньше не ласкал меня так.

Сейчас он скользит в меня пальцем и дразнит сразу в двух местах. Это так приятно, что мне нужно закрыть глаза, чтобы не сдать ему окончательно.

— Все еще хочешь бороться, дикая кошечка? Все еще жаждешь продолжать этот разговор?

Нет. Я и так сказала уже слишком много. Так что прикусываю губы и откидываю голову назад, наслаждаясь происходящим.

— Ты поняла все неправильно, Сид. — Я ненавижу, когда он называет меня так. — Я уже говорил тебе. Жесткий трах называется жестким, потому что я расширю твои границы. А не потому, что грубо трахну.

— Так расширь их, — шепчу я. — Сбрось меня с края утеса, Кейс. И если захочешь в процессе убить, ну, я буду только рада, что мой финал был настолько ироничным.

Он не отвечает. Или отвечает, но не с помощью слов. Время разговоров закончилось.

Кейс поднимается и становится возле кровати. Я наблюдаю за тем, как движутся его мышцы, когда мужчина сбрасывает брюки и быстро отбрасывает их в сторону ног.

Я даже не пытаюсь избежать грядущего. Это не в моем характере. Я ждала этого момента. И теперь находясь в шаге от него, я поднимаю обе руки над головой и хватаюсь за ржавое изголовье кровати.

Кривая улыбка на его лице говорит, что он одобряет это.

Мы — игроки. И мы играем.

Я наблюдаю за ним, ощущая этот момент накала, в который он кажется таким опасным. Подойдя к изножью кровати и схватив меня за лодыжки, Кейс тянет так сильно, что мои плечи кричат от боли, а затем я все-таки отпускаю изголовье.

Он поворачивает мое тело по часовой стрелке, пока моя голова не оказывается свисающей с края матраса. Его член прямо перед моим лицом, а наши взгляды сцеплены друг с другом. Его янтарные глаза горят в свете затухающего огня, что проникает из соседней комнаты.

Я ожидаю, что начнутся вопросы. У него, должно быть, еще много вопросов.

Но Кейс молчит, проскальзывая членом мне в рот. Он толкается, достигая кончиком моего горла, и мои руки инстинктивно поднимаются, пытаюсь остановить его.

— Шшш, — успокаивает он, напоминая, что у меня нет слова в данном вопросе. Кейс

берет мои руки в свои и переплетает наши пальцы, одобрительно сжимая их и расширяя мои границы.

Я давлюсь, но пытаюсь дышать через нос, как тому учил меня Гаррет. И это мой способ сказать "да".

Он трахает мой рот, пока я задыхаюсь от собственной слюны. Но вместо того чтобы отодвинуться, когда ощущаю, как утопаю в своей слюне, я позволяю ему просто повернуть мою голову в сторону и вытянуть свой член у меня изо рта.

Его руки по-прежнему держат мои. И я не пытаюсь остановить Кейса, когда он снова начинает скользить между моих губ, раскачивая мою голову взад-вперед напротив матраса, отчего я ощущаю, как она начинает кружиться. А затем он кончает мне в горло, удерживая голову неподвижно моими же руками, пока я не сглатываю.

И только тогда он отпускает меня и отстраняется, так и не нарушая наш зрительный контакт.

Я тоже не отвожу взгляд, ожидая Сигнала, который привыкла получать от Гаррета.

— Я жду, красная рысь, — произносит он.

И я съеживаюсь от этого имени. Оно такое унижительное. Но теперь я буду следовать инструкциям. Грядет обучение, и я не в силах остановить это, даже если бы хотела. Но я не хочу. Так что:

— Пожалуйста, еще, — таков мой ответ.

— Еще?

— Возьми все, Кейс. Ты сказал мне восемь лет назад, что обладаешь мной. Так возьми все. Возьми меня. Возьми меня так, как обещал, оставляя умирать.

Его рука проскальзывает под мои плечи, предлагая помочь сесть. Я подчиняюсь. Потому что сегодня в этом состоит моя работа. И потом он хватает меня за волосы и поворачивает так, что моя голова снова оказывается у изголовья кровати, лицом вниз. Я сжимаю ржавые поручни и раздвигаю ноги, приглашая его.

Кейс шлепает рукой по моей груди, затем по лицу и крепко стискивает его. Так крепко, что я прикусываю язык до крови.

— Шлюха, — шепчет он.

— Твоя шлюха, — шепчу в ответ.

— На хрен не забывай об этом.

— В этом состоит моя жизненная цель, Кейс.

Он снова дает мне пощечину, но мне нравится жалящее чувство. Мне нравится это и образ того, как его член трется о мой клитор прямо сейчас, пока Кейс лежит на мне верхом.

Кончик его стояка толкается в мою киску, и хотя мой разум напуган, тело молит об этом. Он толкается глубже, и я сильнее сжимаю поручни изголовья. Я закрываю глаза, но еще одна пощечина возвращает меня в реальность. Он раскачивается напротив меня, его огромный член растягивает мою киску так широко, что слезы катятся по моему лицу.

Но затем Кейс замирает, ложится рядом со мной, поворачивая и меня на бок. Его рука опускается к моему клитору и начинает поглаживать его, пока мужчина трахает мою киску. Он играет на мне, как на гитаре. И я играю для него в ответ.

Чувства переполняют меня. Я никогда не ощущала таких эмоций. Ненависть и любовь. Боль и удовольствие.

Меня накрывает оргазм. Разрывает конфликт эмоций. Парадокс. Одновременная полнота и опустошенность.

Кейс достает свой член и кончает вместе со мной, разбрызгивая свое семя по моей спине.

Он перекачивается, дыша так же тяжело, как и я. И я поворачиваюсь посмотреть на его реакцию. Его открытие, если можно так сказать. И я вижу то, чего никогда бы не ожидала. Улыбку.

— Это не жесткий трах, Сид, если все проходит так просто.

— Я просто хорошая актриса, Кейс. Это самая сложная вещь, что я когда-либо делала. — Мой взгляд мечется к его члену, все еще твердому, даже после двух оргазмов в течение последних двадцати минут.

Поднимая взгляд, понимаю, что он смотрит туда же, куда и я. На его лице отражается смущение, когда Кейс видит доказательство моих слов.

— Что за херня? — Он глядит на покрытый кровью член, а затем снова на меня. — Что за херня?

— Я же говорила тебе, — отвечаю я спокойно. Голосом, пропитанным обманом и ложью. Голосом, полным унижения и боли. Голосом родом из *хашиш*. — Гаррет сохранил меня для тебя, Кейс. Он сказал передать тебе, что ты можешь считать меня подарком, который заставит тебя убить ту девушку. — Я не хочу добавлять все остальное. Но не могу сдержаться. Я практиковалась в этой речи столько раз, что слова слетают с языка, как вода. — Который заставит тебя убить ее до того, как у тебя появится шанс лишить ее девственности.

Его ответ следует незамедлительно, и я не сопротивляюсь ему. Потому что Кейс достает шприц из прикроватной тумбочки быстрее, чем я могу увернуться. Он втыкает его мне в руку, пока я неотрывно смотрю в его глаза.

— Не вини себя, — говорю я, пока наркотики распространяют жжение по моей руке. — Это всегда был ты, Кейс.

— О чем ты на фиг говоришь?

— Мужчина моей мечты. Тот, кто научил меня, как спастись. Тот, кто вернулся за мной, после того, как ты оставил меня там умирать. Он всегда был тобой.

CHAPTER TWENTY-ONE

STORY

"Легко скрываться во тьме. Но в итоге все всегда выходит на свет."

Здесь темно. И холодно. Я одна. Не в смысле одна в этой комнате, пока он находится в соседней. А именно одна одинешенька. Словно он ушел.

Могу ли я винить его?

Мой желудок так сильно болит, когда вынуждаю себя сесть и опустить ноги с края кровати. Мне нужно добраться до ванной. Но как только я встаю и делаю шаг, чернота наступает.

К черту. Я отказываюсь обгадить себя еще раз. Меня так долго накачивали наркотиками, что даже не представляю, сколько отвратительных вещей совершило мое тело в ходе этих испытаний. Но теперь этому пришел конец. Так что я вынуждаю себя доковылять до открытой двери ванной. Я не тружусь включать свет, а просто сажусь на унитаз и делаю то, зачем пришла.

Когда заканчиваю, в темноте включаю воду в ванной, а затем иду разводить огонь в камине. На диване лежит какая-то упаковка. Я разрываю коричневую бумагу и достаю пару белоснежный брюк и белую лыжную куртку. Белые перчатки, шапку, шарф и ботинки. Еще есть пара джинс, достаточно близких мне по размеру, рубашка с длинным рукавом и комплект ключей.

Под всем этим лежит пачка денег и сотовый телефон.

Все это без письма или записки.

— При самом лучшем варианте развития событий, — говорит Гаррет, — мы так сильно запутаем его, что он оставит тебя там.

Предполагаю, это и есть лучший вариант развития событий. И раз этот вариант лучший, значит все могло бы выйти гораздо хуже.

Я возвращаюсь в ванную, включаю свет и опускаюсь в воду. На внутренней стороне моих бедер есть следы крови. Напоминание о том, что я сделала. Я несколько раз тру их рукой, и пятна исчезают. Смываясь дочиста.

Все ванные принадлежности так и стоят на полках. Шампунь, кондиционер — который он использовал в прошлый раз — даже бритва. Так что я не тороплюсь, вытираюсь, и голой выхожу в гостиную за одеждой.

Когда я готова, то гашу огонь, выключаю свет и закрываю дверь хижины, а затем выхожу в метель.

Передо мной стоит ратрак (на английском звучит как "снежный кот"). Это крайне уместно. Кажись, теперь моим спусковым словом станет слово "кот".

Перед машиной виднеется проезженная тропа.

Я забираюсь в ратрак и завожу его, нажимая одной рукой на педаль газа, а второй управляя двумя рычагами, двигаясь вперед во тьму. Луна освещает небо, и в сочетании со свежим снегом делает тьму не такой густой, как могло бы быть в облачную ночь. Мне довольно несложно следовать проезженной тропе.

Все время я думаю о Кейсе.

Понимает ли он, что случилось? Чувствует ли себя дураком? Или думает, что победил? Кажется ли ему, что он взыскал наказание? Покрыла ли моя Д-карточка все то, что он не получил годы назад, начиная с тех пор, как они с Гарретом служили вместе в армии?

Сожалеет ли он?

Эта мысль вызвала у меня смех. Смех перерастает в улыбку, сопровождавшую меня почти всю дорогу. Думаю, что для меня выбраться живой из всей этой ситуации — почти на грани фантастики, потому когда проезженная ратраком тропа сворачивает на перекресте направо, а следы снегохода налево, я испытываю некое облегчение, понимая, что он еще не закончил со мной.

Зачем давать мне выбор, если он не хочет иметь со мной больше дела?

Я не хочу уезжать. Фактически, если бы не это разветвление путей, я была бы крайне разочарована.

Все в руках дьявола, знаете ли. А демоны Гаррета непостижимы. Но Кейс — загадка, которая требует решения.

Я поворачиваю влево, и где-то через полумили натыкаюсь на снегоход, у которого закончился газ.

Я останавливаю ратрак и вглядываюсь между деревьев, пытаюсь понять, что же видела в тот первый раз.

Дом. Он правда здесь. И окно третьего этажа дома — архитектурный элемент в виде вороньего гнезда, немного выступающего из-под крыши — светится подобно маяку в ночи.

Я глубоко вдыхаю и толкаю рычаги, медленно продвигаясь к своей конечной миссии.

Когда подъезжаю к дому, то выключаю двигатель и выбираюсь из кабины, направляясь к двери.

Отступи, Сид. Убирайся туда, откуда приехала. Бар все еще там. Бретт закрыл его после того, как я забрал тебя, но он все еще там, как и сам Бретт. Он ждет, пока ты вернешься к прежней жизни. Я же могу управлять всем отсюда.

Какой странный парень. Я даже смеюсь, глядя на свет в окне третьего этажа.

— Мэррик Кейс, ты даже не представляешь, что грядет.

Я открываю двери и вхожу в дом, закрывая их за собой.

Внутри тепло. И во всей этой зимней экипировке мне даже немного некомфортно. Когда дверь захлопывается, я внимательно прислушиваюсь к звукам. Ничего. Даже шума холодильника. С фойе мне не видна кухня, и само фойе тянется как минимум метров на шесть вверх. Внутри хижина выглядит приблизительно так же как и снаружи. Ладно, внутри все сделано в стиле для богатых и знаменитых. Этот дом в пять или шесть раз больше, чем хижина, в которой я провела последние несколько недель. Однако из фойе открывается отличный вид. Окна от потолка до пола открывают передо мной картину на высокие тени от хвойного леса, за которым скрывается долина и очертания покрытых снегом гор.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь отыскать выключатель, какой-то признак цивилизации, но единственный свет исходит от луны и мерцающего снега.

К тому времени, как я понимаю, что, черт побери, никто никогда не сможет отыскать меня здесь и тем более спасти, если дела мои станут плохи, мое тело покрывается потом. Слишком много наркотиков. Слишком много ледяного воздуха на улице. И слишком много неестественного тепла здесь.

Я разворачиваю шарф и снимаю его. Но этого недостаточно. Так что я снимаю перчатки, засовывая их в карманы куртки.

Неожиданный звук гитары вынуждает меня резко повернуться, высматривая источник

шума. Но звук доносится издалека.

Я поднимаю голову и вижу расположенный на третьем этаже чердак. Но он соединен с лестницей, так что Кейс точно не может быть там. Должно быть, наверху есть и другие комнаты. Я направляюсь к лестнице, стараясь смотреть вверх и одновременно с тем сориентироваться в незнакомом доме. В дом проникает лунный свет, но его недостаточно, чтобы высветить усеянное тенями пространство в глухую зимнюю ночь.

Звук гитары стихает, как только мои ботинки касаются первой ступени. Я замираю. Прислушиваюсь. Ничего.

Через мгновение снова слышится мелодия. Та самая. Та, что я слушала все это время. Поэтому ли он ее играет?

А почему он вообще все это делает, Сид?

Ради мести, — думаю я. То есть, это единственное логичное объяснение, которое я могу предположить. Зачем похищать меня? А зачем оставлять одну, если уж на то пошло? Зачем говорить мне, что вернешься восемь лет назад? Я не понимаю всего этого. Не той хрени, что случилась в прошлом, не той, что происходит сегодня.

Вот, например — зачем я здесь? Нет, конечно, я не заеду далеко на ратраке, если рядом не окажется города или селения. Но ведь не потому я приехала сюда. Я разбивала лагерь и в более худших условиях, чем эти. Имея хорошее снаряжение и одежду, что мне оставил Кейс, все не так уж и плохо. Плюс, в ратраке я нахожусь в безопасности от горных львов и волков. Медведи сейчас спят. Так что по сути мне не нужно ружье, которого у меня и нет. Конечно, в конце той проезженной тропинки меня что-то ждало. Возможно, грузовик?

Но лишь возможно. Здесь же я не видела ни одной машины. Быть может, в доме есть гараж. Он же должен был как-то сюда добраться. Уверена, это не место для зимовки. В Монтате дороги закрыты на зиму.

Эта хижина расположена посреди участка, который тоже закрыт на зиму. И вероятно, он принадлежит не Кейсу.

Я поднимаюсь на следующую ступень, и дерево немного скрипит под ногами. Но мелодия с верхнего этажа не затихает.

Должно быть, он в курсе, что я здесь. Он наверняка видел свет фар снегохода, когда я подъезжала к дому. Я ощутила, как был накален воздух, когда открывала и закрывала за собой входную дверь. Даже не будучи хорошо обученной, я бы заметила подобные вещи. А навыки Мэррика Кейса явно намного выше моих. Я слышала о нем жуткие истории.

Следующие двадцать ступеней я преодолеваю без остановок, оказываясь в конце концов на чердаке. Но не воспринимайте слово чердак в обычном его значении, потому что здесь буквально расположен еще один дом. Даже есть еще одна отдельная лестница.

Огромное открытое пространство с несколькими комнатами по сторонам. Думаю, это спальни. И ванны. Я прохожу мимо нескольких дверей ко второй лестнице. Здесь музыка слышится отчетливее, так что предполагаю, он близко. Наверху. В комнате с окном в виде вороньего гнезда, что я видела с улицы.

Я поднимаюсь на две ступени и останавливаюсь, прислушиваясь, а затем преодолеваю оставшиеся пролеты, пока не добираюсь доверху.

Комната вокруг меня правильной круглой формы, со всех сторон окруженная стеклом. Потолок выше, чем казался снаружи. В свете луны Мэррик Кейс растянулся на кровати, покрытой пушистыми белыми одеялами и подушками вдоль линии окон. Его ноги босые, а грудь обнажена, джинсы порваны и потерты. Но его пальцы не прекращая бренчат по

струнам, и глаза не поднимаются на меня, когда вхожу в комнату.

В этом пальто мне нестерпимо жарко.

Я останавливаюсь и жду, что он что-то скажет, но мужчина молчит. Просто продолжает играть песню.

Я смотрю под ноги, смущаясь или просто притворяясь, что смущаюсь, и вижу снег на своих ботинках. Он тает, превращаясь в лужицу под моими ногами. Когда я снова поднимаю взгляд, оказывается, он тоже смотрит на мои ботинки, хмурясь.

Нелепо думать, что его волнует вода, наносящая вред деревянному полу, но сейчас создается именно такое впечатление.

— Мне стоит их снять?

Он поднимает взгляд к моему лицу и прекращает играть.

— Зачем ты здесь?

Мне нечего на это сказать. Так что я просто гляжу на него.

— Ты, по крайней мере, насладились этим?

— Чем?

Он продолжает играть и опускает взгляд на пальцы правой руки, следя за тем, как они перебирают струны. Новая мелодия. Что-то простое. Просто мелодия.

— Сексом, — отвечает он, все еще пристально глядя на инструмент.

— О.

— Вы планировали это, а?

Его глаза прожигают меня, пока Кейс ждет ответа. Я взволнована музыкой и воспоминаниями о своем первом разе. Шумно вздыхая, я отворачиваюсь, сбрасываю ботинки и вступаю в лужу. Мои носки моментально намокают. Так что я снимаю и их, расстегиваю куртку и сбрасываю ее.

Все это время он смотрит на меня.

Я бросаю одежду на пол рядом с ботинками, а затем пытаюсь снять теплые штаны. На это уходит несколько минут, и мне приходится сесть на кровать, чтобы стянуть их с ног. Затем я бросаю и эту часть экипировки рядом с курткой. В результате я оказываюсь в джинсах и футболке с длинным рукавом.

— Собиралась ли я отдавать тебе свою девственность? — Я смеюсь и ерзаю на месте. — Нет, Кейс. Я ничего не планировала. Я просто выполняю приказы.

— Так Гаррет приказал тебе переспать со мной?

— Это было посланием.

— Да? — спрашивает Кейс, опуская гитару на кровать рядом с собой. Он наклоняется вперед так, что его ноги больше не находятся в вытянутом положении, но все еще опираются об пол. — Я не уверен, что понял смысл этого послания, так что просвети меня. — Я понимаю, что он раздражен. Потому что его обманом втянули в это. Мне тоже все это не по душе. И я ему сочувствую. — Объясни мне все, Сид. Просто расскажи все на чистоту так, чтобы я мог решить, что делать с тобой.

— Это типа должно меня испугать? Потому что я не напугана.

Он улыбается, но не в хорошем смысле.

— Уверен, что так. — Вставая, Кейс подходит ко мне. Он наклоняется, пока не оказывается близко, а затем стискивает ладонями мое лицо и вынуждает встретиться с ним взглядами. — Что. За. Послание. Сид?

— Теперь вы квиты, — говорю я безэмоционально. — Таким было послание.

— Как он себе это представляет?

Я пожимаю плечами. От этого движения руки Кейса опадают по швам. Я глубоко вздыхаю.

— Я не знаю, что за история между вами двумя. Ничего об этом не знаю. Так что у меня нет ответа.

— Ты лжешь. — Он смотрит на меня, вынуждая тем самым заерзать на месте. — Значит, твоя работа закончена? Зачем ты была здесь? Чтобы уговорить меня забрать твою девственность и тем самым сравнять счета, которые никогда не будут равны в той игре, в которую я играл? — Он смеется. — О, прошу.

Я даже не знаю, что это значит.

— Я твоя в любом случае. Так что же тебя заботит?

— Значит ты — подарок?

Я снова пожимаю плечами.

— А Бретт? Какова его роль во всем этом?

— Он ни при чем.

— Я тебе не верю.

— А меня это не волнует.

— Убирайся.

— Нет. — Я встаю и указываю пальцем на стены из стекла. — Там нет ничего. Мне некуда идти.

- Возвращайся в ратрак. Езжай туда, откуда приехала. И следуй тропе, что я для тебя расчистил. Я заключил соглашение.

— Нет, — повторяю я. — Я не уеду отсюда. У меня есть вопросы. Вернее, куча чертовых вопросов. — Мой голос становится громче. Не сильно. Я не ору. Пока что я не потеряла контроль. — И я хочу получить ответы. Хочу знать, почему люди портят мне жизнь с самого детства. Почему, Кейс? Что, на хрен, я сделала тебе лично? Зачем ты забрал меня? Зачем делать все это, а потом посылать меня к черту?

— Хочешь ответов? — Он наклоняется, упирая руки о колени так, что наши глаза оказываются на одном уровне. — Уверена в этом, Сидни?

Я сглатываю, пряча нарастающий в груди страх.

— Да.

— Зачем мне давать тебе ответы? — Он снова выпрямляется, подчеркивая нашу разницу в росте. Словно нуждается в преимуществе.

На все это не существует приятного ответа. Вообще. Зачем ему отвечать мне?

Он смеется.

— Ты хоть представляешь, что здесь происходит, а, Сид? Ты охуенно потерянная личность.

— Так помоги мне найти себя.

Он поворачивается, направляясь к лестнице. Покидая меня.

— Я не могу. — Кейс оглядывается на меня через плечо. Вспышки света отражаются в его янтарных глазах и посылают дрожь по моему телу. — Для тебя уже слишком поздно. Слишком поздно для всего этого. Всего... — Он смолкает, глубоко вдыхая. — Всего, чего я так боялся, но тем не менее, оно происходит. Нет, уже произошло. И теперь я должен позаботиться о себе самом, Сидни Ченнинг. И о людях, которые для меня по-настоящему важны, несколько достойных людей, которых я люблю на этой чертовой планете, лишь они

теперь имеют значение. Потому что если Гаррет думает, что это дерьмо закончилось после того, как он подарил мне девственный приз, то он ошибается. К черту тебя и твоего парня. К черту тебя и твой дар. К черту тебя и твои проблемы, Сидни. Просто иди на хуй. Это и так затянулось. Единственная девушка, которая меня сейчас интересует, — это Саша.

И на этой ноте, он уходит.

Снова.

CHAPTER TWENTY-TWO

HERE

"Когда все вокруг против вас и нет других вариантов... лгите".

— Сидни

Я успеваю сделать лишь два шага к лестнице, когда она набрасывается на мою спину. Пошатываясь, я хватаюсь за перила и еле удерживаюсь, чтобы не свалиться кубарем вниз, сломав при этом себе шею. Рукой я тянусь за спину, хватаю ее за плечо и перебрасываю через себя. Она ударяется о твердый пол, в процессе задевая головой перила, и рычит что-то несвязное.

— Какого хрена ты делаешь?

В секунду Сидни схватывается на ноги, так что лишь успеваю сказать эти слова, как она снова набрасывается. На сей раз, девушка врзается в меня, словно бык. Я снова пошатываюсь, на сейчас реально оступаясь на лестнице, и мы оба летим в сторону. Она валится сверху меня, и резкая боль распространяется по руке. Но у меня даже нет времени об этом подумать, так как Сидни тут же садится на меня верхом и начинает дико колотить кулаками по моему лицу. Один раз она все-таки попадает, но затем я перехватываю ее руки.

Девушка она или нет, я положу всему конец прямо сейчас.

Я сажусь, не отпуская ее рук, и сильно ударяю ее голову ногой. Думаю, этот удар послал бы многих в нокаут. Так что не удивительно, что она ошеломленно клонится назад. Кровь течет по ее лицу, а на лбу образовался порез от моего ботинка. Я машу ногами, пытаюсь сбросить ее. Сидни переползает вперед над моей головой и валится на лестничную площадку на несколько ступеней выше.

Я перевожу дыхание, садясь на лестницу и оглядываясь, не поднимается ли она снова. Затем встаю, преодолеваю разделяющие нас ступени и становлюсь над ее обмякшим телом.

Однако веки девушки открыты. И она не мертва.

Я был солдатом, наемником, и дрался почти во всех барах, в которых бывал и счет которым уже потерял.

Ее взгляд говорит "*достаточно*".

— Закончила? — спрашиваю я. Моя грудь вздымается и опадает, выдавая то, насколько вся эта заварушка выбила меня из колеи. — Может хватит? Потому что я могу продолжать хоть всю ночь, сучка.

И я правда могу. Просто не хочу. Меня пиздец как тошнит от этой девушки.

Она приподнимается, садясь. Ее спина прислоняется к стене из бревен. Сидни тоже тяжело дышит и выглядит настолько же раздраженной, насколько я себя чувствую. Но чем дольше она молчит, тем очевиднее все становится.

Она сумасшедшая, ага. Но все же есть в ней нечто большее. Слезы выступают на ее глазах, а губы сжимаются в линию, словно она старается сдержать слова.

— Говори, — ору я. Достаточно громко, чтобы она подпрыгнула от неожиданности, и достаточно злобно, чтобы начала бояться. — Потому что тебе удалось, Сид. Ты этого хотела? Вот моя граница, и ты только что ее пересекла.

Струйка крови сочится из уголка ее рта, и на секунду я задумываюсь, прикусила ли она свой язык или это признак чего-то более серьезного. Но она стирает кровь тыльной стороной ладони и затем сплевывает на мой гребанный пол.

Я глубоко вдыхаю, собирая все свое терпение. И затем разворачиваюсь и поднимаюсь по ступеням. Я хватаю ее куртку, теплые штаны и бросаю в девушку. Молния на куртке задевает ее губу, и она вскрикивает.

— Возьми то дерьмо, что я тебе дал. И убирайся из моего дома. Засунь свой зад обратно в ратрак. И езжай по тропе, которую я расчищал для тебя целый чертов день. В конце пути есть два грузовика. Один из них твой. Второй мой. Возьми свой. Оставь мой. И никогда сюда не возвращайся. Ты меня понимаешь? — И на этом я бросаю ей ботинки, и они ударяются о стену по обе стороны от ее головы. Это не случайность.

Но Сид по-прежнему не шелохнется.

— Сейчас же!

Слезы катятся по ее щекам еще до того, как она успевает наклонить голову и скрыть их за своими волосами.

— Просто скажи мне почему, — шепчет она. — Это все, чего я хочу. Один вопрос. Почему?

Я поднимаю руки вверх, борясь с огромным желанием придушить ее.

— Почему, что?

— Та ночь. В хижине. Ночь, когда ты пришел меня спасти...

— Я не приходил тебя спасать, Сидни. Давай проясним это прямо сейчас. Я пришел за тобой, да. Потому что накануне получил кое-какую информацию о тебе, Гаррете и твоём отце. Но ничего хорошего, Сид. Фактически, я никогда не слышал ничего более отвратительного за всю свою жизнь. Я думал... — Я смолкаю, проводя пальцами по волосам. — Я думал, что ты была жертвой. Что тебе нужна помощь. Что Гаррет контролировал тебя. Но ты доказала мне сегодня вечером, что это не так. Тебе не нужна помощь. По крайней мере не такая, как я думал. И он не контролирует тебя, Сидни. Ты выполняешь его приказы, потому что хочешь этого. Ты часть его плана, потому что тебе так нравится. И позволь мне поведать кое-что тебе прямо сейчас. Я увидел тебя насквозь, Сидни.

Я разгадал тебя. Наблюдал за тобой и Гарретом после всего этого дерьма. Тебя было несложно найти. Те два года, что ты провела с ним до того, как он "исчез", должно быть и сделали тебя такой же больной, как это делает меня. И тот факт, что он удерживал тебя рядом, словно покорную собачку, лишь все упростило. Я *увидел* тебя насквозь.

Она встает, хватая свою куртку и теплые штаны, прижимает их к груди и смотрит мне в глаза.

— Это была не я.

— Верно. — Я смеюсь. — Дай угадаю. У тебя есть близнец? — Я снова смеюсь, но резко останавливаюсь. Потому что у них всех есть близнецы, не так ли? У Харпера есть. И у Джеймса. Почему бы у Сидни не было сестры-близнеца? Черт, возможно и у Саши даже есть? Я поворачиваюсь и провожу рукой по лицу, обдумывая эту возможность.

— Нет, — рычит она. — Я не это имела в виду.

Я поворачиваюсь обратно, ощущая облегчение.

— Тогда о чем ты нахрен толкуешь?

Она хватая ботинки и пересекает лестничную площадку, а затем сбегает вниз, перепрыгивая через ступеньки.

Я просто наблюдаю за тем, как она уходит.

Отпусти ее, — говорит мне последняя капля здравого смысла в моей голове. *Просто позволь ей уйти.*

И я позволяю. Я сажусь на лестницу и считаю ступени, о которые стучат ее ноги, пока девушка не оказывается внизу. Я все еще сижу там, когда она останавливается, а затем прислушиваюсь, пока Сидни натягивает зимнюю одежду. Через две минуты порыв холодного воздуха врывается в дом, и затем дверь захлопывается, сообщая, что девушка последовала моему совету.

Но сейчас мое любопытство нарастает. Я знаю, что она не та, кем кажется. Знаю, что Сидни прожила много мучительных лет. До того, как я появился в ее жизни, и после этого. И я знаю, что она самая настоящая дикая кошечка. Она олицетворяет все, что могло пойти не так в моей последней миссии. Но я не могу остановиться.

Я следую за ней. Спрыгиваю на следующую лестничную площадку и затем спускаюсь по ступеням на первый этаж, надеясь, что она еще не уехала, когда достигаю фойе.

Я дергаю дверь и... она там. Благодаря тому, как она припарковалась, сейчас мне видно ее лицо в профиль. Ее щеки красные в свете включенных огней ратрака, и она ругается себе под нос, когда нажимает на кнопку зажигания двигателя.

Ее голова дергается в мою сторону, а затем Сидни возвращает внимание к приборной панели ратрака.

Я хватаю пальто и перчатки с тамбура справа от фойе и сую ноги в пару ботинок, а потом выхожу на улицу и закрываю дверь за собой.

— Давай я это сделаю. — Она захлопывает дверь ратрака до того, как могу добежать до машины, и закрывает покрытое льдом окно. Я снова открываю его. — Блокировка сломана, гений.

— Ты хотел, чтобы я уехала? — рычит она. — Так что отвали и позволь мне уехать. Я закончила с тобой. Закончила со всем этим.

Я вытягиваю ее из кабины и бросаю в снег, так что теперь могу занять ее место. Проверяю воздушную заслонку и нажимаю зажигание.

Двигатель фыркает.

Я оглядываюсь на девушку, но она все еще лежит в снегу, широко раскинув руки и ноги, словно ребенок, делающий снежного ангела.

— Что ты с ним сделала?

— Просто возвращайся в дом, Кейс. Я позабочусь о себе сама. Ты хотел, чтобы я уехала, я уеду.

Я снова предпринимаю попытку завести ратрак. Тоже самое дерьмо. Так что я выбираюсь из машины и захлопываю дверцу.

— Послушай, я не знаю, что по-твоему тут происходит, но ты сумасшедшая. Почему ты не уехала? А? Почему просто не последовала по чертовой расчищенной тропе?

— Потому что мне нужны ответы. — Она говорит это так тихо, что я едва разбираю слова.

— У меня нет никаких ответов, Сидни. — Я сокращаю расстояние между нами. — Ты единственная, у кого есть ответы. Ты из людей...

— Я не одна из них.

— Ну конечно же! Вы все одинаковые. И я расскажу тебе кое-что прямо сейчас: я не попадусь на твою уловку. Я не попадусь на эту чушь о несчастной девочке, которую ты пытаешь навешать мне на уши. Я говорил тебе. Я тебя *знаю*. Я наблюдал за тобой несколько лет. Видел, сколько гадких вещей ты делала. Я видел тебя с худшей стороны.

— Ну, тогда думаю, для тебя все ясно-понятно, правда же? — Она приподымается на локти, чтобы лучше видеть меня. — Ты ничего не понимаешь, Кейс...

— Прекрати нахуй звать меня Кейсом. — Я не могу терпеть это имя. — Никто не зовет меня Кейсом.

Она думает об этом мгновение, позволяя мне продолжать злиться.

— Ну, именно поэтому я так тебя и зову. Потому что для всех остальных ты — Мэрк, киллер. Но с того дня, как мой отец сказал, что ты придешь за мной, я сделала из тебя Кейс-спасителя.

— Ты больная.

— Ага, — говорит она, неуклюже поднимаясь на ноги в этой всей объемной одежде. — Вне сомнений. — И затем Сидни разворачивается и идет в сторону леса.

Я жду, пока она остановится. Ожидаю, что девушка развернется и прекратит весь этот блеф. Но она не поворачивается. Просто продолжает идти. Прямо во тьму.

И что теперь? Позволю ли я девушке уйти ночью в лес? А что на счет именно этой девушки? Собираюсь ли я позволить волкам ощутить аромат крови, струящейся по ее лицу? Позволю ли ей свалиться в снег и сломать лодыжку?

Лодыжку, Мэрк?

Я выпускаю смешок. Я сумасшедший. Я всегда был немного не от мира сего, и это не тайна. Вся эта злость, насилие и месть. Все это планирование, выжидание, наблюдение. Все это за гранью безумия.

Но Сидни обогнала меня на мили в забеге сумасшествия. Она ушла, мужик. Ее нет.

И тем не менее, я иду к гаражу, где стоит мой снегоход. Я собираюсь отправиться по ее заднице. Собираюсь сделать еще один выстрел перед тем, как сдать. Я собираюсь засунуть в зад свою гордость и забрать ее из леса.

Потому что так надо. Восемь лет прошло с тех пор, как мы разгромили Компанию. Восемь лет с тех пор, как Харпер был освобожден, Ник вернулся в джунгли и никогда не возвращался, а Джеймс перестал быть охотником.

Я так завидую этому парню. Как ему удалось уйти от дел? Как он спит теперь по ночам, зная, что мы никогда не разгадаем последнюю головоломку? Как мне жить с самим собой, если не закончу эту работу?

Я не смогу.

Я не смогу жить с самим собой. Потому что знаю, все не закончено. Осталась последняя мишень.

Дело не во мне. Черт, если бы все сводилось ко мне. Как у Джеймса.

Но все сводится к Саше. И они все еще следят за ней, я знаю. Она владеет очень ценной информацией. Она видела слишком многое. И даже хотя ее отец сделал все возможное, а мать отдала свою жизнь ради ее защиты от всего этого дерьма — Саша все равно не избежала своей судьбы.

Она просто отсрочила неизбежное.

CHAPTER TWENTY-THREE

HERE

"Той ночью она оставила свой здравый разум во тьме. Но сохранила семя надежды так, словно оно сделано из золота".

— Кейс

Даже несмотря на то, что прошло менее пятнадцати минут с тех пор, как Сидни утопала в лес, ее следов почти что не видно. Снег практически не идет, но сильный ветер метет со всех сил, заметая в том числе и ее след.

Благо снегоход оснащен фарами. Так что она не сможет избежать нашей встречи.

По крайней мере, я себе так говорю. Потому что пока что у меня есть лишь подозрения об истинных талантах Сидни Ченнинг, я и правда никогда не видел их в действии. Сегодняшняя ночь тому пример. Гаррет заставил ее проделывать его грязную работенку. Я наблюдал за тем, как она обрабатывала людей. Женщин. Нет, смеюсь. Не женщин. Женщины слишком умны. *Девушек*. Ему нужны были слабые и тупые. Нужны были беспомощные и напуганные, которых можно принудить участвовать в его больных сексуальных фантазиях. Сидни была частью его ловушки. Она выглядит невинной и милой. Такой уязвимой и честной.

Но Сидни не такая.

И она прекрасно знает, что именно делает здесь сейчас. Она провела в лесах довольно много времени. Но секрет успеха борьбы со снегом — лопата. Лопата может спасти тебе жизнь в данных погодных условиях. Прodelай дыру в снегу и создай себе укрытие от хищников, в котором оказывается гораздо теплее, чем вы могли бы себе предположить. Но у нее-то нет лопаты.

Я еду медленно, углубляясь в лес и сосредотачиваясь на том, что осталось от ее следов. Я следую им почти сто ярдов, и вот тогда ко мне начинают подкрадываться сомнения. Ни за что она бы не смогла уйти так далеко пешком.

Тропа высвечена лучами звезд и луны. Белый снег идеально отражает свет, делая его почти что ярким. Но по обе стороны от тропинки тянется лес. И вот он очень темный.

Я поворачиваю машину и возвращаюсь. Следы снегохода окончательно скрыли ее следы, и это плохо. Я глушу двигатель и вдыхаю ночной воздух. Ледяной ветер продувает насквозь, но моя одежда соответствует погоде. Я просто хочу пойти домой и забыть об этой глупой девице. Об этой глупой жизни. Всей этой глупой херне с чертовыми тупыми людьми.

Боже, как же ужасно расти вместе с этими людьми.

Компания — это далеко не корпорация. Не бизнес. Это тайное правительство мира теней с тысячью людей на высших постах. Подумайте о мировых лидерах, миллионерах, мегаорганизациях, религиозных лидерах, владельцах предприятий, организациях здравоохранения, областях водообеспечения — черт, исследованиях космоса. Все эти люди работают на Компанию. Это вроде банды, только в разы больше.

Ну или так было.

Джеймс — бывший убийца Компании, который влюбился в принцессу Компании, Харпер. Саша была ошибкой Компании. Выращенная отцом, бывшим тренером наемных киллеров организации, чтобы метко стрелять, четко мыслить и внимательно слушать, она — единственный выживший член Компании, которому известны определенные секреты.

Проблема в том, что Саша не знает, что ей известны все эти вещи, так как они закопаны глубоко в ее памяти и всплывают лишь в особые моменты. Например, когда мы ехали в Махав и остановились в убогом ресторане у отеля. Саша невзначай бросила комментарий: "Ага, парень, живущий здесь в комнате 17, актив Компании. Мы с отцом обычно приезжали сюда, чтобы..." Да, что угодно. Не важно, кем был этот парень, важно то, что она провела свое детство, разъезжая в фургоне с отцом, пока он решал вопросы Компании, тем самым втягивая ее в дела, которые можно отнести к категории "то, что нужно ликвидировать".

Или — и данная часть меня ужасает — к категории "то, что нужно активизировать". Потому что это именно то, что эти люди делают с девушками. Они промывают им мозги. Используют их. Как Гаррет использовал Сидни.

Я опускаю руки на переднюю часть снегохода и роняю голову поверх ладоней. Я так устал думать о всем этом дерьме. Зачем? Зачем я провожу свою жизнь, гоняясь за этими ублюдками? Зачем волнуюсь обо всем этом? Джеймс и Харпер, кажись, не заботятся об этом. Саша больше тоже не волнуется. Она старается жить новой жизнью, после того как мы убили всех этих людей Компании. И с тех пор, как я убедил ее несколько лет назад, что все в порядке, она не вспоминает о прошлом вслух. Никогда.

Но я? Нет, это все, о чем я думаю с тех пор, как познакомился с ней восемь лет назад. Я больше не могу этого вынести. Зачем? Зачем мне быть парнем, которого волнует все это?

Потому что, мудака. Она младшая сестра, которой у тебя никогда не было. Она единственная семья, что у тебя когда-либо была, мужик. Она единственная, на кого ты

можешь рассчитывать.

Я поднимаю голову и снова вздыхаю.

— Сидни! — ору я. — Где тебя черти носят?

Она мне нужна. И я так сильно ненавижу данный факт. Но все равно должен его признать. Она мне нужна.

Я выбираюсь из снегохода и иду пешком, еще раз пытаюсь разобрать ее следы, вглядываясь в тени от деревьев с разных сторон. У меня нет оружия, так что если волки решат напасть, мне пиздец. Как и Сидни.

Итак, я разворачиваюсь и возвращаюсь туда, где ранее оставил снегоход. Она должна быть где-то здесь. Сидни не могла уйти далеко за эти пятнадцать минут. Она должна быть здесь.

Я замечаю заметенные следы, ведущие в лес справа от тропы и, следуя за ними, нахожу еще больше отпечатков ее ботинок. Чем дальше иду, тем отчетливее они становятся. Здесь не так ветрено.

— Сидни! — зову я снова. Я иду точно за ее следами и собираюсь еще раз закричать, когда наконец-то замечаю ее. Она сидит на земле, белая куртка и штаны контрастируют на фоне темной коры огромной сосны, к которой девушка прислоняется. — Какого хрена ты делаешь? Пойдем. Ты не останешься здесь. Если хочешь доехать до своего грузовика, я отвезу тебя утром.

Она неподвижно сидит, глядя на свои руки. Я тоже опускаю на них взгляд, пытаюсь разглядеть, что она там увидела. И меня на секунду одолевает паника, что у нее есть оружие или какое-то другое дерьмо Компании.

Но нет. Это всего лишь желудь. Я засунул его в карман ее куртки, перед тем как покинул маленькую хижину, просто пытаюсь избавиться от нее и всех ее игр. Она вертит его в руке, глядя на вещицу так, словно это важная деталь.

— Знаешь, почему я берегу этот желудь, Кейс?

Я сокращаю расстояние между нами и хватаю ее за руку, поднимая на ноги.

— На удачу? — осмеливаюсь я предположить, пока несильно тяну ее вперед. Она сдается и идет, так что я отпускаю ее руку.

— Нет, — отвечает Сид. — Не поэтому. — И затем девушка начинает смеяться. Но, по крайней мере, все еще идет. На мгновение я останавливаюсь и пропускаю ее вперед, так что могу следить за ней. Она реально меня нервирует. У нее совсем не осталось здравого смысла. К тому же эта девушка опасна, и я пока что не до конца понимаю, с какой стороны от нее ждать подвоха.

— Тогда почему? — спрашиваю, по большей части для того, чтобы отключить свой разум и позволить этой девушке выдать мне всю необходимую информацию самостоятельно.

Она не отвечает, просто идет.

Мы добираемся обратно к снегоходу, и она останавливается, ожидая, пока я сяду на машину. Я перебрасываю ногу через сидение и киваю головой, предлагая ей сесть передо мной. Она крошечная, я же огромен. Я могу дотянуться до руля и без проблем вести снегоход. К тому же я не доверяю ей, чтобы усадить у себя за спиной.

Однако она не забирается. Просто стоит и смотрит на меня.

— Что? — спрашиваю я.

— Это семя. — Она поднимает желудь. — Эта маленькая вещица превратиться в огромное дерево, если все пойдет хорошо. Если будет достаточно воды и солнечного света. И

плодородная почва.

— Залезай на снегоход. — У меня нет прямо сейчас времени на экзистенциальные пустые разговоры.

— Но у меня этот желудь уже... — она смолкает, поднимает взгляд к небу, словно размышляя о чем-то. — Десять лет? — И затем она улыбается. Это застаёт меня врасплох. Я наблюдал за этой девушкой восемь лет из этих десяти и никогда не думал, что увижу ее улыбку.

И сейчас я улыбаюсь вместе с ней.

— Я подобрала его в тот день, когда Гаррет вошел в мою жизнь. — Ее улыбка угасает, как и моя. — Семя. — Она смотрит на желудь. И вот тогда я замечаю, что на ней нет одной перчатки. Ее рука слишком бледная.

— Иисусе, Сидни. Твоя рука. — Из ее кармана торчит перчатка, так что я хватаю ее и держу открытой так, чтобы она могла засунуть в нее руку. Но девушка сжимает желудь в кулак, не растопыривая пальцев, так что я соглашаюсь и на это. Ее рука несомненно на грани обморожения и ее нужно немедленно согреть. — Я дал тебе перчатки не просто так. Ты же не дура, чтобы снимать их в такую погоду.

Она смотрит на свою руку в перчатке и затем бросает взгляд на меня. Но кажется, будто Сидни не услышали ни одного моего слова. Выражение замешательства на ее лице сменяется на нормальное, и затем она отводит взгляд.

— Мне нужно было почувствовать этот желудь.

Это и есть ее объяснение риска ампутации руки?

— У него есть столько потенциала. У *меня* было столько потенциала. Как говорил Гаррет. И если бы я только... — Она снова улыбается. Но на этот раз в ее глазах стоят слезы. Одна скатывается вниз по ее лицу, замерзая на холодном ветру еще до того, как заканчивает свое путешествие. — Просто доверилась ему? Если бы я только дала ему то, о чем он просил, то стала бы дубом. Он бы сделал меня дубом, Кейс. Но это? — Она тыкает себя в грудь. — Я просто сухостой, вот кто я. Сухостой.

Я не могу пошевелиться. Все мое внимание сконцентрировано на ней. Ее печаль так глубока. Ее признание скорее больше похоже на капитуляцию, чем на признание.

— Ты знаешь, что он делал со мной? — спрашивает она, вынимая руку из перчатки и позволяя той упасть на землю так, чтобы снова был виден желудь.

Я поднимаю перчатку и натягиваю ее обратно на побелевшую руку.

— Я знаю.

— Все?

— Большую часть. Очевидно, что я не наблюдал за вами все десять лет. Так что желудевое дерьмо явно упустил. Но я знаю практически все, что случилось после событий в хижине. Особенно в течение тех двух лет. Я наблюдал за вами время от времени, — добавляю я быстро. — Я не был там все время. Но между заданиями, да.

Она кивает и делает шаг вперед, поднимая ногу, перебрасывает ее через снегоход и занимает место передо мной.

— Это всегда был ты, Кейс.

Я готов завести машину, но останавливаюсь.

— Что это?

— Человек в моей голове, который говорил продолжать держаться.

На это мне нечего ответить. Я разговаривал с этой девушкой лишь раз до того, как

забрал ее накануне свадьбы. В той хижине восемь лет назад в сочельник. Я ударил ее кулаком и пригрозил убить. Ей было шестнадцать. Я сказал ей, что обладаю ею и вернусь, чтобы закончить работу. Я не горжусь всем этим. Я не привык ранить женщин. Но это была ебаная работа. Вся моя жизнь изменилась той ночью. Вся жизнь Саше изменилась той ночью. Черт, я мог бы, вероятно, насчитать две или три дюжины людей, чьи жизни изменились той ночью из-за Сидни и ее ебаного парня. И если она думает, что это я ее обнадеживал и был к ней нежен, то она еще более безумна, чем я считал.

— Я знаю, что они сделали с Сашей.

Я замираю, слыша эти слова.

— Знаю, что они сделали. Потому что со мной они тоже это сделали. — И затем она поворачивается всем телом и смотрит на меня через плечо. Ее слезы почти что разрушают меня. Они замерзают на ее ресницах и щеках. В течение последних нескольких минут снова начался снег, вот только я замечаю это лишь теперь, потому что ее темные волосы усеяны белыми хлопьями в свете луны. Она кажется такой грустной. Словно печальная зимняя принцесса. — Все еще не закончено, Кейс. И если ты поможешь мне, я помогу тебе.

CHAPTER TWENTY-FOUR

HERE

"Доброта — это слабость — используй ее, словно нож, или пистолет, или ложь."

— Кейс

Я думаю об этом предложении всю дорогу до дома. Я знаю, что они сделали, потому что со мной они сделали то же самое.

Так ли это? Правда ли это? Я не знаю. Я встречался с Сашей всего пару раз до той ночи, когда Гаррет и его команда убили ее отца. Но ее отец был хорошим человеком. Она его любила. И он любил ее. Действительно ли они заставили его промыть мозги своей единственной дочери?

И опять же не стоит отбрасывать факт смерти ее матери. Я не слышал, чтобы матери имели слово на счет будущего девочек рожденных в Компании. Мать Саше была мертва, а это значит, что она отказалась от сделки, которую Компания предлагает каждой матери, когда та рождает девочку. Продать ее им — позволить Компании использовать ребенка так, как они пожелают. Или же отдать свою собственную жизнь в обмен. В обмен на то, что за

девочкой присмотрят и выдадут замуж за подходящего партнера, когда она подрастет.

Мать Саши отдала свою жизнь. А ее отец обучал дочь так же, как был обучен Джеймс. Он воспитал ее такой же безжалостной и хитрой, как остальные убийцы Компании. Может ей и было всего тринадцать, когда мы разрушили Компанию, но Саша отсрочила свое завершение игры. Черт, несколько раз мне казалось, что она отсрочила конец и моей игры. Ее отец наделил ее не дюжими навыками. Поэтому не думаю, что Саша и Сидни хоть в чем-то похожи.

Однако. Всегда есть некое "но".

Как я могу быть уверен на 100 %? Откуда мне знать, что нет спускового слова для Саши? У Джеймса оно было. Я слышал рассказ Харпер о том, как все пошло под откос, когда она исчезла, но все же у нее тоже было спусковое слово.

Утешает то, что Джеймс в конце концов разобрался в себе. Он нашел свой мир, стал в нем королем и начал отдавать приказы, а не исполнять их. А Харпер? Они изначально сделали все неправильно. Растили ее на огромной яхте. Носились с ней. Избаловали. Любили ее. Даже отец любил эту девушку. К тому же рядом с ней всегда был ее близнец — Ник.

Нет. Промывание мозгов данного масштаба берет свои истоки не из любви. И тем не менее Харпер убила много людей, когда была под внушением. *Много* людей.

А Саша в сто раз смертоноснее Харпер. У Саши есть реальные навыки. Саша умна и подготовлена. У нее нет страха. Харпер же была смесью страха и тревог.

Но Саша. Она храбра.

И это делает ее идеальной убийцей, не так ли?

Мне нужно узнать больше о жизни Сидни с момента рождения. Если ее мать отдала свою жизнь взамен, и это не защитило дочь, тогда как я могу быть уверен, что такая же жертва защитила Сашу?

Осветительный прибор гаража отключен, когда я подъезжаю к дому, но срабатывают датчики движения, и свет включается, ослепляя меня на мгновение.

— Слезай, — говорю я, когда Сидни не двигается.

Она перебрасывает ногу, и я делаю то же самое. Я подталкиваю ее, и девушка начинает идти. Закрывая гараж, мы направляемся через метель к дому. Теплый воздух обдувает нас, когда заходим внутрь, и я снимаю пальто.

Сидни же просто стоит, глядя на желудь. Ее перчатка снова пропала. Спорю, упала где-то по пути.

— Знаешь, довольно глупо ранить себя вот так. — Я киваю на ее руку, когда девушка поднимает голову.

— Кого это волнует?

— Поднимайся вверх, на третий этаж. Я подброшу дров в котел и найду тебя там. Это самая теплая комната в доме и, к слову, меня это волнует. — Она прищуривает глаза, глядя на меня. — Я не стану отрезать тебе пальцы или везти в больницу, потому что ты не можешь вести свой грузовик. Так что иди вверх и жди меня там.

Она направляется к лестнице. Сидни отлично реагирует на резкое обращение. Вероятно, именно так ее и дрессировали. С помощью угроз, оскорблений и унижений. Это заставляет ее двигаться.

Я тоже не стою на месте. Подбрасываю дров в котел и затем иду на кухню в поисках чего-нибудь съестного. Я хватаю упаковку картошки фри и газировку, собираясь подняться

наверх и посмотреть можно ли что-то сделать с ее рукой, когда мысль настигает меня.

Я мог бы заманить еще больше пчел на мед.

Так что, опуская упаковку картошки на стол, я открываю холодильник и осматриваю его содержимое. В наличии кое-что имеется. Последние несколько недель времени на готовку разумеется не было. Но все же здесь есть немного мяса лося и картофеля в охладительной камере. Они все еще в пригодном состоянии. Я вынимаю все это дерьмо, бросаю в кастрюлю и ставлю на плиту.

Горячее мясо — это прекрасно. Я мог бы использовать это. Прошлые недели я кормил Сидни чем попало. Но она не голодала, так что мясо не принесет ей вреда. Еще я варю кофе, а затем несу горшочек и две кружки наверх.

Она сидит на кровати, все еще глядя на этот глупый желудь. На ней по-прежнему одета зимняя экипировка, так что по лицу струится столько пота, что ее волосы влажные.

— Сидни — ору я. Она медленно поднимает голову, встречаясь со мной взглядом. — Сними свою гребаную... — *Нежнее, Мэрк. Будь помягче.* Я глубоко вдыхаю, уговаривая себя быть терпеливым. — Давай же, — говорю я, поднимая ее на ноги и забирая этот тупой желудь. Я бросаю его на кровать, и ее глаза следуют за штуковиной, пока он катится по белому пуховому одеялу. — Тебе нужно снять куртку и штаны.

Я расстегиваю куртку и снимаю ее с девушки. Ее рубашка промокла от пота. Сидни просто стоит неподвижно, так что я веду ее обратно к кровати, пока она не натывается на нее и не садится снова. Я наклоняюсь и начинаю расшнуровывать ее ботинки. Она снимает их, когда шнурки достаточно ослабляются.

Я жду, но девушка не встает. Знаете ли, я далеко не терпеливый парень. То есть бывают моменты, когда это необходимо, но в целом мне не нравится баловать людей. Я не баловал Сашу, а она была на десять лет младше этой девушки, когда мы проделали то большое дельце. И сейчас я не заинтересован в том, чтобы баловать Сидни.

Никакой нежности, Мэрк.

— Снимай свои штаны, Сидни.

Она возится с пуговицей и молнией, а затем стягивает их по ногам. Ее джинсы должны бы быть сухими, но они тоже пропитаны потом. Она снимает и их, оголяясь ниже пояса. Подняв на меня взгляд, Сидни сбрасывает влажную от пота рубашку. В результате она оказывается полностью голая, так как я не оставил ей белья, покидая ее в хижине. Теперь я сожалею об этом. Она хорошенькая девушка. И ее тело...

Я беру ее все еще очень холодную руку в свою. Тыльной стороной второй руки касаюсь ее щеки, и та оказывается теплой. Сидни льнет к этому прикосновению, словно изголодалась по нежности.

От этого мои глаза сами собой закрываются на минуту. Она столь нуждающаяся. Было бы так просто удовлетворить ее потребность.

Но вместо этого я снимаю ботинки и затем стягиваю свою футболку, после чего сую ее руку к себе подмышку. Она пытается ее вытянуть, но я удерживаю ладонь и улыбаюсь.

— Это отличное теплое место, Сид. Ты должна согреть руку. Уверен, что на ней скоро появятся волдыри, но, как бы то ни было, ее нужно согреть.

— Это противно, — говорит она. — Я могу сделать это...

— Нет, — отвечаю я, садясь на кровать и вынуждая ее сделать тоже самое, так что она не может вытянуть руку. — Я сделаю это.

Я откидываюсь назад на освещенную луной постель, которая занимает почти половину

круглой комнаты. Сидни приходится тоже забраться на кровать рядом со мной. Ее грудь такая красивая и упругая, она так очаровательно подпрыгивает от ее движений. Я тяну девушку за руку, пока она не садится рядом со мной, а ее замерзшая рука наконец выскальзывает на свободу. Так что я обнимаю Сидни и располагаю ее ладонь под своей противоположной рукой, вынуждая тем самым обнимать меня в ответ. Она застывает, когда я делаю это, вызывая тем самым мой смех.

— Ты боишься близости, Сидни? Такая крутая девчонка, как ты, боится близости?

— Ты пудришь мне зачем-то мозги, я чувствую это. — Но даже при том, что она говорит подобное, Сидни опускает голову мне на грудь.

— Вероятно, что так. Если ты что-то и должна знать обо мне, так это то, что я не даю ничего даром. Так что пока я тут забочусь о последствиях твоей ошибки, давай поговорим о сделке. Я сделал более чем достаточно. Не дал тебе замерзнуть насмерть, покинул свой милый теплый дом и спас твой зад. Так что считаю ты теперь у меня в долгу. Начинай говорить. Что ты знаешь о Саше?

— Ты похитил меня.

— Нет, ты пришла ко мне в руки, — поправляю я.

— Я уезжала. А не ехала к тебе на встречу, это разные вещи.

Я игнорирую это. *Время и место, Мэрк*, — говорю сам себе. — *Время и место.*

— Ты обливал меня из шланга. Ты...

Я жду этого. Основное обвинение. Но она не заканчивает предложение.

— Я что? Изнасиловал тебя?

Она молчит.

— Надеюсь, ты так не думаешь. Потому что это ты хранишь кучу секретов на счет того маленького дельца.

— Я не собиралась этого говорить. — Она глубоко вдыхает. — Я хотела сказать, что ты меня разочаровал.

В обычной ситуации, я бы рассмеялся над чем-то подобным. Но сейчас выбираю бережное обращение. Так что не смеюсь. Вместо этого я мгновение размышляю над ее словами.

— Предполагалось, что ты меня спасешь, Кейс. Я думала ты появишься той ночью, убьешь Гаррета и его дружков, а потом забереешь меня оттуда. Такова была сделка.

— С моей стороны сделка перестала действовать в ту минуту, когда я понял, что твои друзья-ополченцы знали о моем приходе.

— Это не я им сказала. Я видела тебя там и солгала Гаррету об этом. Я позволила тебе подобраться ближе к хижине. Если бы я сказала, ты был бы мертв. Я спасла тебя, Кейс. Я спасла тебя, тогда как это ты должен был спасти меня.

Я ничего не отвечаю. Если она хочет выговориться, то я позволю ей это.

— И затем ты оставил меня там. Он...

Я жду, что она продолжит, но Сидни замолкает.

— Он что? — подталкиваю я.

— Забудь. Все кончено. Я не вернусь обратно. — Она качает головой, подчеркивая свои слова. — Я уеду отсюда, но не вернусь туда. Нет. Только через мой труп.

Я окидываю комнату взглядом и осознаю, что могу видеть ее отражение в стекле окна. Снаружи по-прежнему темно и так будет еще несколько часов, так что стекло, окружающее комнату со всех сторон, подобно зеркалу.

— А куда ты собиралась возвращаться? После свадьбы?

В отражении я вижу, как ее глаза мечутся из стороны в сторону, словно девушка напряженно раздумывает над вопросом.

— Не думаю, что я вообще собиралась выходить замуж в тот день.

— Что? — я реально смущен.

— Я думала, ты хотел узнать о Саше?

Интересненькое заявление насчет ее брака. Но мне нужно, чтобы Сид продолжала говорить.

— Я хочу сперва узнать о тебе, Сид. — Она тоже замечает мое отражение в окне. Моя хитрость раскрыта. — И том, что ты знаешь о хашш.

Это посылает по ее телу дрожь, и на мгновение я сожалею, что упомянул данное слово.

— Оно что-то делает со мной, — шепчет она. — Заставляет меня чувствовать кое-что.

— Что именно?

— Я не знаю. Это чувство за пределами контроля. Думаю, это словно спусковой рычаг.

— Так ты знаешь о том, что они занимались промывкой мозгов?

Она смотрит на мое отражение. Это почти доводит меня до края.

— Я не понимаю этого слова.

— Почему нет?

— Потому что Гаррет никогда его не употреблял.

— Так как оно могло так повлиять на тебя?

— Я его сама себе говорила.

Она убирает руку из под моего предплечья и мгновение глядит на нее. Я беру ее в свою ладонь. Ее рука стала намного теплее. И цвет уже получше. Я нажимаю на ее кожу и та становится белой, а затем за секунду приобретает обратно розовый цвет.

— Уже лучше. Но мне нужно завернуть ее до того, как появятся волдыри. А я на сто процентов уверен, что они появятся. Так как это слово могло так воздействовать на тебя, если ты никогда его не слышала?

— Почему ты вдруг так мило ведешь себя?

Я смеюсь.

— Не торопись, дикая кошечка. Я просто интересуюсь.

— Я ненавижу это прозвище.

— Почему?

— Потому что именно его использовал Гаррет. И затем я про себя говорила *хашш* и все это останавливалось.

— Что именно останавливалось, Сидни?

— Позыв.

— Так ты знала? Ты осознавала что он пытался выработать у тебя рефлекс?

— Меня дрессировали так с трех лет, Кейс. Сейчас мне двадцать четыре. Ранее я солгала тебе. Я знаю, что ты делал в армии. Гаррет напоминал мне об этом все время. Ты тоже был в отряде психологического воздействия. Ты промывал людям мозги. Пытал их и добывал информацию. Ты превращал их в спящих, заставлял отключаться от реальности. Доводил до сумасшествия, а затем программировал и вынуждал выполнять твои приказы.

— Как было с тобой?

— Как было с Сашей, — возражает она.

Я шумно выдыхаю. Не уверен, что готов к этому дерьму. Правда не уверен.

— Ты кажется много знаешь об этом, как для того, кому, по его словам, промывали мозги.

— По моим словам? — восклицает она. — Иди к черту. Ты не жил моей жизнью. Ты не рос вместе со мной. Ты не переживал все эти *дрессировки*. Это знаешь ли невинное слово для того, что происходило по факту, согласен? Не совсем описывает те вещи, которые делались с людьми, создавая из них ходячее оружие? Ходячих мертвецов? Ты забирал у них свободу, вот только они так никогда и не узнавали об этом. Ты забирал у них свободную волю. Я знаю, через что прошла. Я знаю, что они сделали. Я ломала свои установки шесть раз с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать, и каждый раз они заново перепрограммировали меня. Дрессировка крайне безобидный термин для этого. Ты говоришь о дрессировке и податливости, на своих встречах, Кейс? Или называешь вещи своими именами? Или, возможно, у тебя есть свое забавное милое словцо для всего этого? Типа...

— Достаточно, — рычу я, перебивая ее.

— Почему? — Она поворачивается ко мне, прерывая контакт кожа к коже, так что теперь мы смотрит друг другу в глаза. — Не хочешь, чтобы тебя ассоциировали со всем этим? Хочешь притвориться, что у тебя были уважительные причины для всего этого дерьма? Скольких маленьких девочек ты украл? Скольких девочек разрушил?

— Давай просто прямо сейчас закроем эту тему. Я знаю техники. — Она кривится в отвращении по отношению к термину, что я употребил. — Я использовал техники. Но не на маленьких девочках и не по тем причинам, что ты думаешь.

— Оправдание, — говорит она, скрещивая руки на груди. Может, чтобы прикрыть обнаженное тело, а может просто, чтобы подчеркнуть свое отвращение. — Я верила в тебя изо всех сил, Кейс. Последние слова, что ты сказал мне, я держалась за них. Я так много размышляла над ними. Но сейчас...

— Но сейчас ты знаешь, — говорю я тихо.

Она глубоко вдыхает и задерживает воздух.

— Я не говорю, что невиновен. Нет. Я сотворил много ужасных вещей, Сидни. Не обещаю тебе, — я пытаюсь развернуть ее так, чтобы она снова смотрела на меня, но сейчас ее тело буквально окаменело, — я клянусь, что никогда не ранил детей намеренно.

— Намеренно? — фыркает она. — Думаешь, это оправдание? Саша была ребенком.

— Я не промывал мозги Саше. Прошу тебя.

— Ты использовал ее. Ты использовал ее для разного рода вещей.

— Она была обучена для этой работы, Сид. Она хотела это сделать. Она хотела отомстить. И справилась с данной задачей на отлично.

— Это ты так говоришь.

Я замираю на мгновение.

— Она *в порядке*. Фактически, даже лучше, чем в порядке. Она очень успешна. Она блестящая и отлично социализировалась. Она оставила все это в прошлом. И возможно мы могли бы помочь также и тебе, Сидни. Возможно, мы могли бы разобраться со всем, и ты тоже получила бы шанс на нормальную жизнь.

— Она не в порядке. Она просто спит.

CHAPTER TWENTY-FIVE

SYDNEY

"То, чего ты заслуживаешь, и то, что получаешь, почти всегда две очень разные вещи."

— *Сидни*

Я знаю, что нажимаю на его кнопки, но он тоже давит на меня. Справедливо занять противоположную позицию в этой игре. И поскольку он вдруг решил поговорить, я пойду на это.

— Знаешь, как я прозвала Гаррета? Я имею в виду, что раз он сделал из меня свою дикую кошечку и заставлял скакать на своем члене, как только ему начинало казаться, что я возбуждена, — не то чтобы я хотела быть в заведенном состоянии — то у меня тоже было право называть его как угодно в ответ. Возможно, я не могла контролировать его этим именем, но оно позволяло мне почувствовать себя лучше. — Я отодвигаюсь от Кейса. Хочу одеться. Здесь жарко и по факту становится еще теплее, так как он подбросил дров в котел, и лишь богу известно, сколько Кейс наблюдал за мной в очках ночного видения в той хижине, но все равно он не заслуживает видеть меня обнаженной.

Его взгляд смягчается, когда отстраняюсь, но мне известно, что это трюк. Мужчины, как он, не делают ничего просто так. Ему нужна от меня информация о Саше. И сейчас Кейс готов вести себя мило, лишь бы получить желаемое.

— И как же ты называла его, Сид?

— Не зови меня *Сид*.

Кейс поднимает руки, имитируя жест капитуляции.

— Ладно, Сид — ни. Как ты его называла?

Я поднимаю подбородок, морально подготавливаясь.

— Рассекатель душ. Из-за того, что он сделал со мной. Он разделил меня напополам. Взял мою душу — единственную вещь, что принадлежала мне, — и отдал ее половине кому-то другому. Кому-то *внутри* меня, тому, кого я не в силах контролировать. И ты тоже так делал. Ты рассекал людей надвое и крал их души. Надеюсь, в один день ты тоже распадешься напополам, Кейс. Надеюсь. Правда.

Кейс проводит рукой по лицу.

— Я приготовил поесть. Давай перекусим, а затем немного поспим.

— Я не верю во все это. Просто чтобы ты знал. Я не верю в твое милое отношение ко

мне, и думаю, что так ты хочешь меня использовать. Знаешь почему они делают все это, Кейс? Имеешь об этом представление? — На этом я останавливаюсь. Я хочу ответ.

Он пожимает плечами.

— Власть? Очевидно же.

Я лопаюсь со смеху.

— Серьезно? Это все, что у тебя есть? Власть?

— Я голоден, — отвечает он, вставая и знаком приглашая пойти за ним. Я остаюсь сидеть. Мне надоело следовать чужим желаниям. — Давай поедим, поспим и продолжим разговор завтра утром.

— Беспомощность, — говорю я, как раз когда он поворачивается ко мне спиной. — Они хотят, чтобы я почувствовала себя беспомощной. Так, чтобы с легкостью меня контролировать. И они проделали отличную работу, верно? Ты пришел, и я сидела там, умоляя спасти меня, потому что была беспомощна. А затем я позволила тебе оставить саму себя в прошлом, позволила Гаррету снова забрать меня, потому что была беспомощна. Я просила тебя о помощи на той горной дороге, потому что попала в аварию, которую, вероятно, ты и организовал, и в результате опять-таки почувствовала себя беспомощной.

Он идет к лестнице.

— С меня хватит, Кейс. Если ты уйдешь сейчас, с меня хватит. Убей меня. Прошу. Пристрели, как собаку, и положи конец моим мучениям прямо сейчас.

Он качает головой, но не оборачивается.

— Что я могу сделать, чтобы помочь тебе ощутить контроль? — Кейс оглядывается на меня через плечо. Ехидный, косой взгляд. — Расскажи мне как изменить это, и я сделаю все возможное.

— Спаси меня.

— В этом нет смысла. Ты хочешь контроля? Значит должна сама спасти себя.

Я молчу. Моя речь окончена. Сейчас его черед. Я не могу дождаться, чтобы узнать, что же он сделает.

— Думаю, ты лжешь насчет Саша. Считаю, тебе нужно что-то от меня и это все уловка. Думаю, ты знаешь, что делаешь, Сидни.

— Тогда, предполагаю, мы на равных, верно?

— Мне жаль тебя. Правда.

Это ранит меня так глубоко. Я не хочу жалости.

— Но я не тот парень, который превратил тебя в этого человека, Сидни. Я парень, который может вернуть тебя обратно.

И тогда он спускается по ступеням, покидая меня. Оставляя одну, голую и совершенно беспомощную.

Не имею ни малейшего представления, что делать, но моя рука, которая начала неметь, когда я зашла в дом, начинает дрожать и гореть.

И уже ничего не поделаешь. Для следующего шага мне нужно, чтобы Кейс был на моей стороне. А у него есть собственные задачи. Та девочка, Саша — его единственный приоритет. Должно быть хорошо, когда кто-то о тебе заботится.

Я встаю и выключаю свет, собираясь покончить с этим днем, а затем иду к освещенной луной кровати и забираюсь под одеяло. Оно теплое и мягкое. Вероятно, пуховое. Я устраиваю подушку под головой и гляжу в окно на потолке. Идеальное место для созерцания звезд.

Я теряюсь в этом моменте, погружаясь в дрему. Но через какое-то время меня пробуждает скрип ступеней. Кейс возвращается с бутылкой воды и подносом с чем-то, что пахнет слишком уж хорошо. Мой желудок урчит. И он улыбается. Но я не улыбаюсь в ответ.

— Сядь и поешь. — Он заходит в комнату и ставит поднос на небольшой приставной столик возле держателя лампы. Кейс не включает свет.

Я сажусь до того, как осознаю, что последовала его команде. Это расстраивает. Когда снова смотрю на Кейса, он вздыхает.

— Я не пытаюсь помыкать тобой. Не пытаюсь заставить почувствовать себя беспомощной. Я просто пытаюсь о тебе позаботиться. Это тоже под запретом?

Его резкий голос и грудь без рубашки, привлекательность и идеальная внешность. Когда мужчина появляется в момент обострения вашей потребности и говорит такое, вы хотите растаять. Вот и я хочу растаять от его вида и слов.

Но знаю, что Кейс лжет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И это вызывает у меня такую тоску. Выходит, я заслуживаю лишь лжи.

Он оборачивает одеяло вокруг моих ног, так аккуратно, чтобы не потянуть его вниз и не открыть мою грудь — несмотря на то, что он видел ее миллион раз — а затем берет поднос и ставит его поверх одеяла.

Я вдыхаю аромат.

— Жаркое, — говорит он, читая мои мысли. — И картофель. Это дичь, лось. Но я знаю, что ты любишь лосятину. — Он вытягивает моток бинта, немного ваты и медицинские принадлежности из кармана джинс и садится рядом со мной. — Поешь здоровой рукой. Я оберну эту.

Я не двигаюсь, когда он берет мою пылающую руку, и даже несмотря на то, что она сильнее болит от его прикосновений, я не одергиваю ее.

Мне нравится касание. Не могу ничего с собой поделать.

— Ешь, — говорит Кейс, замечая мою неподвижность. — Еда горячая. Я поел на кухне, если тебя это интересует. Но если думаешь, что я добавил туда наркотики, то могу съесть все это с тобой напополам. — Он улыбается. — Ты можешь покормить меня. Это позволит тебе почувствовать контроль?

Я таю немного больше. Возможно даже краснею. Но резко вспоминаю, что здесь происходит, и нагибаю полную вилку мяса, направляя ее к его губам. Он берет кусочек, морщится, словно еда обжигает его язык, а затем жует.

— Видишь, — говорит Кейс. Опять эта растапливающая душу улыбка. — Здесь нет наркотиков. Давай же, одну ты, одну я. Ешь.

Я тоже кладу в рот кусочек и сдерживаю стон от того, насколько же вкусно. Подаю еще один кусочек ему, он ничего не говорит, просто оборачивает мою руку бинтом. Парень сует вату между моими пальцами, чтобы они не соприкасались. Я беру еще мяса и картофеля, почти что забывая кормить и его. И когда он наконец-то заканчивает с моей рукой, я доедаю еду.

— Болит? — спрашивает Кейс.

Я киваю. Болит до чертиков.

— Тогда почему ты ничего не сказала?

— Зачем?

— Я был бы осторожнее.

— Ты и был осторожен. — Это правда. Я видела раньше, как это делается. И никогда бы не выжила здесь, не зная, что делать с обморожением.

— Это сигнал, Сидни. Так я могу знать, что происходит у тебя в голове.

— Ты на самом деле не хочешь знать, что происходит у меня в голове, Кейс.

Он убирает поднос, ставя его обратно на столик, а затем передает мне бутылку воды и садится рядом.

— Нет, я хочу.

— Ты хочешь использовать меня.

— Я просто хочу тебя узнать.

— Боже. — Смеюсь перед тем, как отпить воды. — Ты такой игрок. — Я закрываю воду и ложусь на спину, натягивая одеяло до шеи.

Он внимательно смотрит на меня, словно я какой-то экземпляр, а затем встает и расстегивает джинсы, оставляя их на полу. Бросая мимолетный взгляд на его пах, я вижу, что его член не твердый. Парень скользит в кровать рядом со мной. Он обнимает меня за талию и притягивает ближе к себе.

— Ты устала?

— Очень, — говорю я, подразумевая под этим более одного смысла.

— Просто я неправильный парень, Сидни. Вот и все, что могу сказать. Я неподходящий парень.

— Неправильный для меня, ты это имеешь в виду? Потому что для Саши ты был правильным. Для нее ты был рыцарем в сияющих доспехах. Просто я — не Саша, вот что тебе нужно сказать.

— Ты — не Саша. Но я не поэтому неподходящий парень. Я просто... — Он смолкает на несколько секунд. — Я и так много сказал. Все это правда. И я ненавижу тот факт, что ты рассчитывала на меня, и затем, когда я не пришел тебя спасти, это еще сильнее тебе навредило.

— Ну, на это мне нечего сказать. — Я закрываю глаза, суммируя всю ситуацию. Мэррик Кейс не на моей стороне.

Его рука поднимается к моей груди и несколько секунд ласкает ее, возможно, оценивая мою реакцию.

— Я не думал, что ты правда была девственницей, — шепчет он. — Это сыграло с моим разумом злую шутку.

— Почему?

— Мы с Гарретом были вместе в армии. Мы творили... дерьмо. Военное дерьмо, ясное дело. И ничто из того не было хорошим. — На этом он останавливается. Словно данное признание было для него огромным шагом. — Гаррет рассказывал тебе, что он делал?

Я качаю головой. Гаррет рассказывал мне какие-то вещи, но я не хочу прерывать Кейса. Данный разговор быстро перерастает в личностный. И мне это по душе. Я не хочу, чтобы Кейс прекратил говорить. Или ушел снова. Или отказался от меня. Даже если он просто использует меня ради спасения своего друга. Думаю, я должна взять все, что смогу.

— Гаррет заставил меня заучить ту маленькую речь для тебя. После... ну, знаешь. Вот так.

— Ты не заслуживала все то дерьмо, ты ведь понимаешь это, верно?

— Я знаю, — шепчу в ответ.

— Не думаю, что правда знаешь. — Кейс опускает руку на мое плечо и разворачивает к

себе. Я не очень хочу видеть его лицо на этот раз. Не знаю, что он делает или чего хочет, но я честно не могу воспринимать еще больше лжи. Я просто умру, если это очередная уловка. — Не твоя вина, что ты родилась в той Компании мудаков. Не твоя вина, что твоя мать умерла, когда ты родилась и ты никогда не...

— Она не умирала, — перебиваю я. — В смысле, не когда я родилась. Она умерла, когда мне было четырнадцать. Я видела, как это случилось. У нее была очень тяжелая форма аллергии на арахис, и она пошла со мной на экскурсию в школу. Какой-то мальчик в моем классе ел бутерброд с арахисовым маслом. И запах был настолько сильный, что запустил ее аллергическую реакцию. У нее был с собой шприц с противоаллергеном, знаешь ли? Для экстренной ситуации. Но ее горло опухло настолько быстро, что лекарство не сработало.

С минуту он молчит, будто размышляет над этим.

— Тем не менее, — произносит Кейс наконец. — Ты все равно была слишком молода, когда осталась без матери. И отстойно, что все так вышло с ней.

Я киваю.

— Это подкосило меня. Я знаю, что позволила им еще сильнее себя контролировать. Я просто перестала сражаться. Это был второй наихудший день моей жизни.

— Второй? Иисусе, какой же тогда на первом месте?

— Та ночь, когда ты оставил меня, Кейс. Это был худший день в моей жизни. За все время. После этого я просто закрылась. Находясь здесь с тобой сейчас, я могу думать более ясно, чем в любой другой период моей жизни. И я просто знаю — даже хоть ты меня и ненавидел тогда и ненавидишь все еще — я знаю, что, если бы ты забрал меня с собой, я была бы совершенно иной. Возможно, лучшей версией себя.

Кейс вздыхает, когда я снова отворачиваюсь от него. Не хочу больше видеть его лицо после этого долбаного признания.

— Я не могу вернуть все обратно, даже если бы хотел. Я поступил правильно на мой взгляд той ночью. Правильно по отношению к Саше.

Мгновение я думаю над этим. Вообще-то, даже несколько мгновений. Он расслабляется у меня за спиной, а его дыхание становится глубже. Словно Кейс вот-вот уснет. Я жду еще немного, убеждаясь, что он точно уснул. И затем произношу слова, которые хочу сказать, но боюсь, что он услышит.

— Ты можешь вернуть все обратно. Просто скажи это, и я поверю.

Тишина.

Он спит.

Я чувствую облегчение и душераздирающее горе в одно и то же мгновение. Так что зажимаю глаза и списываю это на несчастную натуру Сидни-неудачницы.

— Я могу попытаться искупить это, Сид, — говорит он спустя еще пару минут. — Но не могу вернуть назад. — Кейс шепчет это, наклоняясь и целуя мою голову. Но я не двигаюсь. Не хочу, чтобы он знал, что я все еще не сплю. Потому что эти слова вызывают у меня неумное желание разрыдаться.

CHAPTER TWENTY-SIX

SYDNEY

"Когда знаешь, что ты не на первом месте у мужчины, то худшее, что можешь сделать, это согласиться на второе."

— Сидни

Когда просыпаюсь, я одна в вороньем гнезде. Но до меня доносится запах еды с нижнего этажа. Прошлой ночью мясо было вкусным, но я так долго нормально не ела, что одной порции недостаточно для моего организма. Я спрыгиваю с кровати, одеваюсь и бреду вниз.

Кейс разговаривает с кем-то. По телефону. Предполагаю, это означает, что здесь есть связь.

Я могла бы кому-то позвонить. Бретту, быть может. Но хочу ли я втягивать его во все это? Хочу ли выйти из этой игры еще до того, как мы даже не начали?

Я добираюсь до нижней ступени лестницы и подглядываю за Кейсом на открытой кухне. Он готовит и в тоже время разговаривает.

Кейс улыбается мне и продолжает свой разговор. Словно этот парень вообще не похищал меня и не держал в заключенных. Слово мы не выбивали дерьмо друг из друга прошлой ночью. Словно я не вынудила его делать все это с помощью хитрости.

Ну, я должна сделать ему скидку на этом. У него есть ключ к разгадке, но парень все еще во тьме.

Он машет мне, а затем прощается с кем-то по телефону.

— Голодна? — спрашивает он, наливая тесто на сковородку для блинов.

Я подхожу ближе к кухне, оценивая окружающую обстановку при свете дня. Хижина реально огромная. Я знаю, сколько стоят такие дома и земля, которой он явно владеет, потому что, судя по всему, мы находимся в окрестностях реки Йеллоустон. Миллионы долларов.

Но его стиль не претенциозен. Эта хижина оформлена не в классическом стиле богатых людей из огромного города. Людей, которые не являются на самом деле частью этого мира, но хотят отдохнуть в своих домах за миллионы с видом, который стоит триллионы долларов.

Этот же дом оформлен в деревенском стиле. Здесь комфортно. Даже диван не кожаный, как вы могли бы ожидать от такого хозяина. Мои пальцы скользят по его спинке, когда неспешно бреду к кухне. Хлопок. Мягкий. Подушки приматы, словно он спит на них время

от времени.

— Сидни? — говорит Кейс, его тон стал более командным. — Ты голодна?

Я поднимаю на него взгляд, а затем снова смотрю на мебель. У него хороший обеденный стол. В крестьянском стиле, но очень качественно сделанный. Я провожу кончиками пальцев по столешнице, когда подхожу к столу. Отполированная и гладкая.

— Ага, — отвечаю, занимая место за кварцевой стойкой бара, служащей одновременно и столешницей кухни. Здесь уже стоит масло и сироп, а приборы сервированы на двоих.

Кейс накладывает в тарелку блинчики и толкает ее в центр стойки. Так что она оказывается прямо передо мной.

— Судя по тому, как метко ты толкнул тарелку, у тебя отличные навыки бармена, — говорю я с улыбкой.

— Я видел как ты проделываешь такое же, Сид. И мне до тебя очень далеко. Если бы за меткость в запуске пивной кружки по стойке давали медаль, ты бы получила золото. — И затем он отворачивается, давая мне об этом подумать.

Он наблюдал за мной годами. Так сколько же всего он по факту знает?

Кейс толкает ко мне стакан апельсинового сока, и я ловлю его одной рукой, так как он промахивается. В ответ парень лишь пожимает плечами.

Я внимательно смотрю на его спину, пока он подбрасывает еще несколько блинов. А Кейс сексуален. Я не хотела говорить ему в прошлый раз, что считаю его горячим парнем. Но отрицать данный факт невозможно. Мэррик Кейс получает, что хочет, потому что: а) он не спрашивает разрешения, б) у него есть навыки, чтобы "уговорить" вас удовлетворить его "запросы", и в) он невероятно красив.

Он накладывает в свою тарелку блины, подходит к барной стойке и занимает табурет рядом со мной.

— Ешь, — говорит он, указывая вилкой на мою тарелку. Через секунду Кейс сам набивает рот блинами.

Я откусываю кусочек, затем еще несколько перед тем, как запиваю их соком и прерываюсь.

— Мммм. Вкусно.

— Знаю, — говорит он самодовольно. — У меня есть всего два настоящих таланта, Сидни Ченнинг. Убийства и готовка.

Я киваю и смотрю в свою тарелку. Верно.

— Итак, хочешь я отвезу тебя к грузовику?

Я откусываю блинчик и думаю.

— Или хочешь еще потусить здесь?

— Пфф. — Поднимая голову, я смеюсь. — Ты похитил меня.

Он качает головой.

— Ты пришла ко мне. Я просто задержал тебя немного на дольше, чем ты того ожидала.

— Ты накачивал меня наркотиками. Бил. Трахал.

Он пожимает плечами.

— Это так.

— И сейчас ты ожидаешь, что я поверю твоему желанию просто провести со мной время?

Он накалывает блинчик на вилку.

— Если хочешь, то да, вот и все, что я говорю.

— То есть теперь я могу делать то, что хочу?

Он снова пожимает плечами, но не смотрит на меня. Просто жует и глядит в окно на свой вид за миллиарды долларов.

— Значит, предполагаю, я отвезу тебя обратно.

— Обратно куда? Куда я по-твоему отправлюсь отсюда? Назад к Бретту? В бар? Каким образом? Что я на хрен скажу им?

— Большинство людей, которых похитил, накачал наркотиками и трахнул кто-то, кого они ненавидят, отправились бы прямиком в полицию. — И затем он бросает на меня свой пылкий взгляд, встречаясь с моим смущенным. — Ты можешь тоже отправиться в полицию, если хочешь.

— А ты у нас неприкасаемая персона? Может у тебя есть множество людей, задолжавших тебе услугу? Может они боятся тебя?

— Да ну, Сид. Я всего лишь один чертов парень.

— Один чертов парень. — Я качаю головой. — Один опасный, душевнобольной, неконтролируемый парень.

Он роняет вилку на тарелку, тем самым издавая резкий звон.

— Если ты хочешь сдать меня, то давай, твою мать, сделай это. Я решил не убивать тебя, так что...

— О! — Я смеюсь.

— ...делай, что хочешь.

Я наливаю немного сиропа на блинчики, и после этого мы поедаем завтрак молча. Он заканчивает раньше и оставляет меня сидеть здесь, пока сам убирает беспорядок на кухне.

— Но, если ты останешься, — вдруг произносит Кейс, его мышцы движутся, пока он моет сковородку, — я приготовлю обед и на тебя.

Он пытается сменить воцарившееся настроение. Нужно отдать ему должное.

— А что на обед?

— Ну, — говорит Кейс, цокая языком. — Извини, но у меня не очень много продуктов. Я правда не ожидал, что ты последуешь сюда за мной и позволишь мне готовить для тебя. Так что у меня есть лосятина. Довольно много лосятины, вообще-то. Поэтому можно приготовить жаркое или рагу. Однако мы совсем недавно ели подобное блюдо. Есть еще немного индейки. И замороженного лосося, которого я выловил прошлой весной, когда рыбачил с Сашей на Аляске.

— Хммм. Спорю, то была отличная поездка.

— Так и было. Мы ездим туда каждый год.

— Я голосую за лосося. — Но это напоминает мне о парне моей мечты, что живет лишь в моей голове. Он тоже учил меня рыбачить.

— Тебе нравится рыбачить, Сид?

Я киваю.

— Ага. Нравится.

— Возможно, ты могла бы поехать с нами в этом году?

Боже, а это ранит. Потому что теперь я знаю, он просто придумал все это. Я совсем ему не нравлюсь. Он использует меня, как я и подозревала. Пытается найти ко мне новый подход. Насилие, наркотики и оскорбления не сработали. Давай попробуем еду и рыбалку.

— Что-то не так? — спрашивает Кейс, поворачиваясь ко мне с чистой сковородой в руках.

Я качаю головой и вздыхаю.

— Я бы хотела с тобой порыбачить. Это было бы здорово.

— Тогда почему ты смотришь на меня так, словно я убил твоего пса?

Я откусываю еще кусочек блинчика, который уже успел остыть. Запиваю его соком и затем отодвигаю от себя тарелку.

— Может, мне просто стоит уехать. Я правда больше не смогу вынести это.

— Вынести что? Мое милое поведение? Ты на отлично воспринимаешь оскорбления и насилие, но нормальное отношение тебе не по душе? Ты не строишь нормальные отношения, верно?

— А то ты не в курсе. — Я складываю руки на коленях и жалею, что у меня сейчас нет желудка.

Кейс скрещивает руки на груди, тем самым выставляя напоказ свои накачанные мышцы. Я заглядываю ему в глаза, пытаюсь разобраться.

Верю ли я в искренность его слов? Я могу обмануться, поверив в это. Было бы достаточно просто наслаждаться его обществом хоть какое-то время.

Но когда он пустит меня в расход, это сломает остатки моего разума и души.

— О чем ты думаешь? — спрашивает он.

О чем я думаю?

— Это красивое место. Здесь чувствуешь себя дома. Ты окружен природой. Кажется, что у тебя есть некоторая видимость нормальных отношений с Сашей. Ты... — я замолкаю, пытаюсь облечь свою печаль в слова. — У тебя есть намного больше, чем имею я.

— Я просто богаче, вот и все. Я купил землю в первый же год, как нам на голову свалились деньги. А затем провел шесть лет, строя этот дом.

Я выпускаю смешок.

— Ты построил этот дом?

Он пожимает плечами.

— Я нанял людей, знаешь ли. Ну и сам кое-что сделал. Я помогал. Но нет, я не построил его сам.

— Я правда подумала, что ты самовольно поселился тут. Живя в одном из летних домов миллионеров.

— И у меня есть только Саша, если тебе интересно. Да и эта девушка никогда бы не появилась в моей жизни, если бы не та ночь в хижине.

— Ну, — вздыхаю я. — Ты получил в результате той ночи больше позитива, чем я. Думаю, мне стоит уехать. — Я отталкиваюсь от столешницы и встаю. Но еще до того, как могу сделать шаг, он оказывается рядом со мной.

— Послушай, — говорит Кейс, опуская руки мне на плечи. В месте, куда он выстрелил, все еще побаливает, даже несмотря на то, что стрелял он не обычными пулями. Транквилизаторным дротиком, предполагаю, и от данной мысли вздрагиваю внутри. Но внешне я не показываю этому мужчине своих чувств, скрывая все в себе. — Я понимаю. Это странно.

— Странно? — Я едва скрываю свою реакцию.

— Но ты не должна уезжать.

— У меня нет причин оставаться.

— Остайся ради меня. Поговори со мной. Расскажи мне, что происходит.

— Это все, чего ты хочешь от меня, не так ли?

— А чего ты хочешь от меня?

Я глубоко вдыхаю и просто решаю сказать это. В любом случае я убираюсь отсюда. Если повезет, то через час я буду в пути.

— Я хочу, чтобы ты меня спас. — Я поднимаю на него глаза, и слезы, что так хочу сдержать, начинают катиться по щекам. — Я осознаю, что это очень грустная и жалкая просьба. Особенно учитывая то, что из всех людей я обращаюсь к тебе. Но я не лгала, когда сказала это, Кейс. Когда говорила, что ты был тем, кто поддерживал меня в живых все эти годы. В моей голове именно ты говорил мне не сдаваться. Говорил, что ты вернешься. И это все, что у меня было. А теперь, когда я знаю, что ты никогда не имел в виду того, что я себе вообразила, для меня бессмысленно оставаться здесь. Потому что я дура. Я такая глупая дура.

— Не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказал. Я не знаю, что тут можно сказать, чтобы это было правильно. Если скажу уходи, то ты можешь все перекрутить, словно я тебя выгнал. Скажу останься и помоги мне, подумаешь, что использую тебя. Так что решай сама, Сидни. Ты должна решить сама доверять мне или нет.

— Я хочу тебе довериться. Но не могу. Все, кому я когда-либо доверяла, вралли мне. Все, кому верила, использовали меня и выбрасывали. Все, Кейс. Вот скажи, ты правда пригласил меня порыбачить на Аляске?

— А почему нет? Если тебе это по душе? Саша не собирается ехать в этом году. Я знаю это. Она поступила на магистратуру...

— Иисус Христос. Она пошла в колледж? Магистратура? После всей той херни, она получит степень и сможет жить, как мечтала? А что же получила я? Тот дурацкий бар?

— Я думал, тебе нравится тот бар.

— Я тоже хотела пойти в колледж. Но никто не ворвался в мою подростковую жизнь и не спас от дерьмового будущего. Никто не пришел и не помог мне реализовать мечты о учебе. Никто не брал меня рыбачить на Аляску каждую весну. Никто и *никогда* не делал для меня ничего такого. И это жуть как угнетает.

— Так ты завидуешь?

— Блядь, да, я завидую! Святое дерьмо. Можно подумать, ты не знал этого? Ну что ж, поздравляю, Эйнштейн. Ты разгадал меня.

CHAPTER TWENTY-SEVEN

HERE

"В сложных ситуациях я переманиваю их на свою сторону, позволяя увидеть во мне самих себя."

— Кейс

Она подходит к окну высотой в три этажа. Джинсы, которые я для нее оставил, слишком длинные и волочатся по полу с каждым новым шагом. Ее руки скрещены в оборонительной позиции, пытаюсь оградить от этой беседы. Но это все, что мне нужно знать прямо сейчас. Уверен, что для нее данная ситуация крайне некомфортна, особенно, на чужой территории. Где нет места, которое бы принадлежало лично ей.

— Просто отвези меня к грузовику.

Я подхожу к ней и хватаю за левое предплечье, поднимая забинтованную руку так, чтобы можно было осмотреть ее.

— Как себя чувствуешь?

Я ожидаю резкой реплики. Возможно что-то типа: *"Да какая тебе разница."* Или *"Не твое дело"*. Но Сидни просто пожимает плечами.

— У меня очень хорошая переносимость боли. И я не могу ничего с этим поделать. Рука тоже заживет.

— Я могу попытаться искупить все, Сид. Но не могу вернуть время обратно, — повторяю то, что сказал прошлой ночью, когда она спала, но от этих слов мне кажется, что я захожу слишком далеко. Я не желаю привязываться к этой девушке. Не хочу сделать все еще хуже. — Я могу лишь попытаться помочь тебе.

— Я тебе не верю, — отвечает она пропитанным грустью шепотом. — Ты никогда не хотел меня спасать. Той ночью ты желал заработать денег. Я была лишь твоей работой. И сейчас я просто некий вид решения, с которым тебе нужно разобраться.

— Мне не нужны деньги, Сидни. Я не нуждаюсь в деньгах уже очень давно. И не нуждался в них ни той ночью, ни в том году, ни даже в то десятилетие. Я заработал так много денег за свою жизнь, что в них нет смысла.

— От этого все кажется даже хуже. — Она поворачивается ко мне, а ее губы сжимаются в линию. Никакого намека на эмоции. Она вообще что-то чувствует? Может ли? Я не уверен на сей счет. Ей так долго трахали мозг, что, возможно, в этой девушке осталось не так уж и много от личности. — Отвези меня к грузовику или просто покончи со всем.

Я качаю головой.

— Я пока что не стану везти тебя к грузовику. И не думаю, что ты правильно понимаешь мои намеренья.

— Ты убьешь меня, верно? Ты привез меня сюда, чтобы убить.

Я смотрю на нее, гадая, стоит ли рассказать ей все на чистоту прямо сейчас. Убийство и правда было одной из причин, по которой я привез ее сюда. И в прошлый раз, когда я задумывался об этом, то ее убийство еще входило в мой список дел. Но все пошло не так, как я планировал.

— Я умру так же, как он?

— Кто?

— Мой отец. Ты же убил его в той комнате? На том столе?

— Он заслужил это.

— И я тоже?

Это провокационный вопрос. Во многих смыслах. Не тот, на который я могу ответить прямо сейчас. Так что просто меняю тему.

— Ты любила его? Своего отца?

Она глубоко вдыхает и поворачивается назад к окну. В отражении я вижу слабую улыбку на ее лице, когда девушка смотрит на реку за окном.

— Это река Йеллоустоун?

— Ага.

— Я любила его. Ему нравилось привозить меня к этой реке, когда я была еще очень маленькой.

— Сколько тебе было?

— Мало. Еще до того, как я пошла в школу. Один раз он даже показал мне как держать удочку. — Намек на улыбку исчезает. — Именно он учил меня охотиться. Тогда на уток. Но я так и не подстрелила ни одной, охотясь с ним. Видимо, была слишком мала. Но он объяснил мне, что нужно делать. Рассказал все детально.

Охота. В моем мире так много значений у этого слова. Но что оно значит для нее?

— Кто учил тебя охотиться, Кейс?

— Телевиденье.

Это вызывает у нее смех, и я получаю удовольствие от своего спонтанного комментария.

— Это каким же образом?

— Канал "Выживание". Обязателен к просмотру в каждом доме. Я начал смотреть это дерьмо с самого детства. Он очаровал меня. Я вырос в Бостоне, стопроцентным городским мальчишкой. Но никогда не должен был стать таким, и потому, как только мне исполнилось восемнадцать, я переехал на запад.

— Я думала, ты ушел в армию, когда тебе стукнуло восемнадцать?

— Так и было. Но я не хотел, чтобы все узнали мое происхождение. Так что переехал в Вайоминг и обосновался в Шайенне, сняв помесечную квартиру. И, как только я осел на новом месте, то сразу же подался в ряды армии.

— Зачем так усложнять? — Она поворачивается ко мне, искренне интересуясь моей историей. — Какой в этом смысл? Ты все еще выросший в Бостоне мальчик.

Я легонько постукиваю пальцем по ее голове.

— Смысл этого и многого другого сокрыт здесь, Сидни. Здесь меняется все. Детей, выросших в неблагополучной бостонской семье, десять на дюжину. Я не хотел быть больше таким парнем. Так что сделал из себя кого-то другого. — Она прищуривает глаза, словно размышляя над этим. Это хорошо. Я хочу, чтобы она думала о подобных вещах. Мне нужно, чтобы она думала обо всем этом. — И это так просто, знаешь ли? Новый город. Новая одежда. Новая музыка. Новый грузовик. Новый адрес. И бам, вот так я взял и стал из Мэррика Кейса Мэрком.

Она моргает несколько раз.

— Ты тоже можешь это сделать, знаешь ведь? Просто уйти. Перестань быть Сидни Ченнинг и стань кем-то другим.

— Кем?

— Собой.

Она качает головой не в силах собрать все пазлы воедино. Так что я разворачиваюсь и иду к журнальному столику, поднимая с него пульт дистанционного управления. Ее руки

скрещиваются на груди, и девушка слегка горбится, словно боится моих следующих действий.

Я включаю ТВ и переключаю программу на канал "Выживание". Какой-то парень рассказывает об охоте в снегоступах на зайцев. Он среднего возраста, закален и выглядит так, словно может убить любого, кто попадется на его пути, голыми руками.

Сидни сильнее обнимает себя, глядя на экран с другого конца комнаты.

— Я знаю, как охотиться на зайцев, спасибо.

— Это метафора, Сидни. Если ты не хочешь больше жить в Бостоне, все, что тебе нужно сделать — научиться выживать. И тогда просто уходи.

CHAPTER TWENTY-EIGHT

SYDNEY

"Посмотрите на себя, как на того, кто выжил."

— *Сидни*

Мне кажется мы говорим шифрами.

— Все даже отдаленно не так.

Кейс садится на белый диван с хлопковой обивкой и забрасывает ноги на кофейный столик. Он глядит в огромный экран над большим каменным камином. Я тоже бросаю туда взгляд. Парень на канале Выживание роет яму-ловушку.

— Каких навыков мне не хватает?

Кейс переводит взгляд на меня.

— Ты могла бы попытаться... — он смолкает, задумываясь. Потому что понимает, я права. Это не тоже самое. Сбежать от цивилизации и переехать на запад легко. Но стать цивилизованным не так просто, прожив жизнь в дикой природе.

— Я уже *жила* в городе. У меня был парень, бар, квартира. Я даже не знаю, о чем ты говоришь.

— Поступи в университет. — Он пожимает плечами. — Или на какие-то курсы в колледже... да что угодно.

Я шумно выдыхаю в ответ на это.

— История Западной Цивилизации и английская литература смогут дать мне новую жизнь?

— А ты думаешь, я стал Мэрком, глядя по телику как какой-то парень ловит кроликов?

Я вступил в армию.

— И совершил ужасные вещи.

— Таков был мой план. Становления Мэрком. Армия — способ для достижения цели. Но до того, как я вступил в армию, те маленькие шаги сделали мою цель настоящей. Я избавился от акцента. Лишился славы крутого парня. То есть, почти все здесь могут выжить. Они, может, и не станут гениями, но знают, как выживать. Так что я стал одним из местных парней. И это было только первым шагом.

Мой взгляд возвращается обратно к мужчине в телевизоре. Он пытается смастерить силки из тонкой медной проволоки.

— *Посмотри на меня, Сидни. — Глаза Гаррета пылают злобой, когда он сжимает мои волосы в кулак и вынуждает взглянуть на него. Но как только его захват ослабляется, моя голова снова возвращается в исходное положение. Электрический ток в моем ошейнике снова ударяет, пробуждая меня. Но только на миг. — Тебе нужно сосредоточиться.*

— Ты должна понять, кто ты такая и затем решить чего хочешь.

Я смотрю на Кейса, не помня, кто я такая.

Мужчина на экране говорит:

— Теперь все готово, — и затем уходит от поставленной им ловушки.

— *Время поджигает. Тебе нужно сделать свою работу, а мне мою. Я не всегда буду рядом, чтобы тебе помочь.*

— Помоги мне, — шепчу я, и все мое тело начинает дрожать.

— Что? — Кейс садится ровнее, его ноги ударяются о пол. Я снова гляжу на экран и сейчас кролик прыгает по тропе. — Сидни?

В ловушку Гаррета попался кролик. Но ловушка без силков. Нет, ему нравится оставлять их живыми. Он говорил мне это, когда мы ходили в лес. Ему нравилось оставлять их живыми ради обучения. Сегодня я научусь свежевать кролика. Он подходит к решетчатому контейнеру и поднимает его за ручку. словно несет багаж в аэропорту, а не маленькое животное на верную смерть.

Кейс трясет меня за плечи.

— Сид, — говорит он, его лицо прямо перед моим. — Что происходит?

— *Ты когда-нибудь слышала кроличий крик, Сидни?*

Я снова смотрю на кролика в телевизоре. Он подбегает все ближе и ближе к силкам. Маленький прыжок туда и сюда. Может он все-таки обойдет ловушку. Но нет, его нос движет животное в сторону приманки.

— *Ты когда-нибудь слышала кроличий крик, Сидни? — Гаррет смеется, когда ставит клетку на деревянный стол, установленный позади хижины именно для резни. — Скоро услышишь. — Он протягивает мне нож.*

У кролика нет ни шанса на спасение как только он попадает в ловушку. Петля проволоки скользит по его густому белому меху. Еще один прыжок и он застрял. Проволока натягивается...

— Что я должна с этим сделать? — Нож длинный. И острый. — Убить кролика?

— Да ты чертов гений, а? — Электрический разряд оглушает меня, пронизывая импульсом кожу на шее. Она так болит от всех этих тренировок, что я наклоняюсь вперед и опускаю голову на пол.

Рука Гаррета передает мне нож, и я беру его. У меня нет выбора. И затем он поднимает меня за волосы на ноги.

— У тебя есть тридцать секунд, Сидни. И затем будем считать, что ты провалила испытание.

На экране силки затягиваются вокруг шеи кролика.

Я тянусь к кроличьей клетке.

Я кричу, прямо как кролик на экране телевизора.

Грубо хватаю кролика за шерсть, так что он не может ускользнуть. Поднимаю взгляд на Гаррета, и он улыбается, радуясь, что я наконец выполняю его приказы. Но затем я вытягиваю кролика из клетки и швыряю через весь двор. Он падает в снег и потом убегает, мелькая ногами, чем-то похожими на снегоступы.

Будь кроликом, Сидни.

Но я не кролик. Я не сбегу. Моя шея горит от электрического тока, пока Гаррет тянет меня обратно в хижину.

CHAPTER TWENTY-NINE

SYDNEY

"Ответы приходят к тем, кто их ищет."

— Сидни

Думаю, все это ради меня.

— Что? — Кейс рядом со мной. Я вместе с ним в постели. Могу чувствовать его голую грудь напротив своей спины. Его руки напрягаются вокруг меня, когда он говорит. Я хочу открыть глаза и увидеть, где мы, но не совсем в состоянии сделать это.

— Сидни?

Надеюсь, мы в вороньем гнезде наверху его дома. И это дневной свет, а значит, возможно, я отключилась лишь на несколько часов. Мне правда нравится быть здесь. Приятно находиться так высоко и глядеть на вещи сверху вниз, вместо того, чтобы быть маленькой и под постоянным наблюдением. Это место подобно сторожевой башне. Место, откуда вы можете увидеть, как к вам приближается какая-то хрень, и успеть подготовиться.

— Сид, — говорит он немного нежнее. — Я не хотел накачивать тебя препаратами снова, но ты впала в истерику. Это был единственный способ, которым я мог тебя успокоить. Я не сделаю этого снова, но нужно, чтобы ты помогла мне со всем разобраться. Ладно? Ты сможешь это сделать?

Помогла ему разобраться. Спорю, что так. Я перемещаю голову на мягкую подушку и уговариваю себя не плакать.

— Ты сказал просто стать кем-то другим, да? — хриплю я. Мой рот словно наполнен ватой. Сколько раз меня накачивали наркотиками с тех пор, как он меня забрал? — Но всю жизнь я постоянно играю кого-то другого. Я даже не жила толком в настоящем мире. Не могу представить другие версии самой себя, Кейс. Я пыталась так много раз. Жила в своей голове днями напролет. Я отказалась видеть истину в надежде, что те воспоминания просто исчезнут. Я была хорошей девочкой, плохой девочкой, дерзкой, сексуальной, даже сговорчивой девочкой. И это никуда меня не привело.

Я поворачиваюсь так, чтобы видеть его лицо, когда открываю глаза. Мы в вороньем гнезде, и это вызывает грусть. Потому что как бы не было прекрасно это место, Кейс все еще парень, оставивший меня умирать. И я не знаю, что он делает прямо сейчас. Или почему ведет себя так мило. Или почему я все еще жива.

Но я знаю, что ответ на все эти вопросы не связан с тем, что он видит меня *насквозь*. Потому что это не так. Он говорит, мне нужно стать кем-то другим. Но это то, что они всегда говорили мне. Стать кем-то другим. Разделили меня пополам, вот, что они сделали. Вот только, возможно, не пополам. Быть может они четвертовали меня, подобно лосю, которого подстрелили, убили, а затем по кускам отнесли в лагерь.

— Я не кролик.

Он проводит пальцем по моей щеке, и я осознаю, что Кейс тем самым вытирает мои слезы. Поднимаю взгляд к его глазам. Сколько раз я хотела оказаться так близко к этим глазам? Они яркие, словно солнце. Не карие, не зеленые, не голубые. Они цвета лесного ореха. С желтыми капельками, дарящими им янтарный отлив, когда парень стоит в тени между тьмой и светом.

Я глубоко вдыхаю и выдыхаю.

— Я не знаю, что это означает, Сидни. В смысле твоя связь с кроликом. Это еще одно спусковое слово? Ты увидела кролика по телевизору и что-то в тебе запустилось?

— Ага, — говорю я тихо, желая просто свернуться калачиком и умереть. Какой смысл и дальше с ним бороться? В чем суть? Кого я хочу тут защитить? Мысленно я пробегаю по списку имен и всплывает только одно.

Но это несправедливо. Так несправедливо, что меня снова кинут, когда все будет кончено. Поэтому я решаю получить ответы, прежде чем сдаться. Возможно, я могу умереть с миром, если получу хоть несколько ответов.

— Ты включил то шоу по ТВ, чтобы запустить во мне ту самую реакцию?

— Нет, — отвечает он. Без малейшего колебания. — Я не знаю, какие у Гаррета были спусковые слова для тебя, Сидни. Если бы знал, то было бы гораздо легче. Я мог бы помочь тебе. Если бы знал. Я мог бы попытаться исправить все это дерьмо. Ты знаешь все эти спусковые крючки, Сид?

— Красная рысь.

— Не думаю, что это оно. — Кейс отпускает меня, убирая руки, и встает. — Я не думаю, что это слово подходит. Если бы красная рысь и дикая кошечка были бы спусковыми и перезагрузочными словами, мы бы продвинулись. Выбрались бы из этой темной дыры. Но мы все еще там. Ты все еще падаешь глубже и глубже, ковгерл.

— Иисус Христос, — бормочу я в подушку. — Куда ж еще глубже мне падать?

Он садится на край освещенной луной половины кровати и облокачивается о колени, а затем прячет лицо за ладонями. Предполагаю у него нет ответов. Как и у меня.

— Больше наркотиков, — говорю я. — Дай мне больше наркотиков. Дай мне столько, чтобы я никогда не проснулась.

Он даже не отвечает мне. Просто берет и уходит. Я слушаю звук каждого шага и скрип ступеней под его ногами. А затем прислушиваюсь к шуму, который для меня, по сути, не имеет значения. Наконец, спустя почти двадцать минут, дверь захлопывается.

Он вышел на улицу.

Собирается ли он уехать? Кейс сказал, что спасет меня, но потом взял и ушел.

Я закрываю глаза и снова пытаюсь уснуть. В этой комнате очень светло. Мне нужна тьма.

Когда я просыпаюсь, на улице сумрак, и он почти так же хорош, как сама темнота, но я не могу снова заставить себя уснуть. Так что сажусь и выглядываю на улицу. Опять идет снег. Но следы от снегохода все еще видны.

Сбрасывая одеяло, я ползу к краю кровати и опускаю ноги на пол. Голова не кружится. Так что что бы он мне там не давал, доза была небольшой. Просто достаточной для того, чтобы меня успокоить.

Я голодна и хочу пить. Так что спускаюсь на второй этаж и останавливаюсь у первой ванной комнаты, которую вижу, вхожу в туалет, а затем пью воду из-под крана.

Выпрямляясь, я вытираю рот и гляжу на себя в зеркало. Мои длинные и темные волосы спадают на грудь растрепанными волнами. Они спутанные, но красивые. И на секунду я улыбаюсь этому. Тому, что могу стоять здесь и какое-то время глядеть на свои волосы. Мое лицо украшено царапинами и синяком, доставшимся мне от множественных ударов кулаком в голову. Мои глаза уставшие, но яркие.

Однако, я бы не сказала, что *чувствую* себя соответствующе. Но мне точно лучше, чем несколько дней назад. Или недель. В общем, если брать в сравнение период от момента, когда он забрал меня, и до сейчас.

Я трогаю синяк и морщусь. Но ненависть, которую чувствовала к Гаррету, каждый раз, когда он становился причиной подобных отметин на моем теле, не возникает по отношению к Кейсу.

Мне следует его ненавидеть. Но не могу.

Мне следует желать мести. Но не хочу.

И это не связано со Стокгольмским синдромом. Я пыталась любить Гаррета. Пробовала заставить себя заболеть этим самым синдромом по отношению к нему. Думала, мне станет проще, если буду считать избивающего меня мужчину сексуальным и буду хотеть с ним трахаться.

Но это так и не сработало с ним. Так что, думаю, я не восприимчива к этому Стокгольмскому синдрому.

К тому же, я любила Кейса годами у себя в голове. Задолго до этого. Он был моим спасителем. Так что к черту. Мне можно и сейчас его любить. Он даже не представляет, что здесь происходит. Просто пытается изо всех сил разобраться в этом. И если бы я хотела заставить его прекратить причинять мне боль, то могла бы просто все ему рассказать.

Но я не какой-то великодушный благодетель. Нравится вам это или нет, но я такая же безжалостная личность, как и он. И я хочу того, чего хочу.

Я хочу ему нравиться. Хочу, чтобы он сказал *"Прости, что оставил тебя в прошлом. Я облажался."* Я жажду, чтобы он хотел меня так же, как я хочу его. Мне нужно, чтобы он полюбил меня. Я так сильно хочу быть любимой.

Включаю свет и вижу большую спальню за двойными распахнутыми дверями. Я вхожу в комнату. Знаю, он уехал. И я услышу звук снегохода, если он вернется.

О, боже. А что если он так и не вернется? Что если я спущусь вниз и найду кучу одежды и записку с просьбой отвязаться от него? Что если он решил двигаться дальше? Следует ли и мне это сделать?

Вместо того, чтобы сосредоточиться на этом, я начинаю осматривать комнату. Здесь есть примыкающая ванная. Все его ваннские принадлежности стоят на столешнице. Мыльница. Я беру ее и вдыхаю запах сандалового дерева. Качественная щетка для намыливания лица. Я провожу пальцами по мягкой щетине и представляю, как наблюдаю за процессом его бритья.

Нет. Никакой это не Стокгольмский синдром.

Я выключаю свет и возвращаюсь в спальню, садясь на край его кровати. С обеих сторон расположены прикроватные тумбочки из отполированного дерева, такого темного, что оно кажется почти черным. Его дом обставлен именно так, как вы бы ожидали от огромного дорогого сруба. Большинство элементов современные и новые.

Я открываю ящик прикроватной тумбочки и нахожу там пистолет.

Конечно, ты его находишь здесь, Сид. Он же наемный убийца. Я беру его в руку, пробуя на вес и проверяя все ли патроны на месте — да — а затем кладу его обратно в ящик.

Я никогда не хочу использовать оружие снова. Никогда.

В ящике второй прикроватной тумбочки находится закрытый черный кейс и аптечка с препаратами. Не один из них не подходит по свойствам на тот коктейль, что он вводил мне. Все таблетки здесь — это обезболивающие, сердечные, сорбенты и эпинифриносодержащие препараты. Набор на все случаи первой помощи. Чтобы спасти жизнь.

Приятно знать, что мужчина, к которому я испытываю сексуальное притяжение, не связанное со Стокгольмским синдромом, готов к тому, чтобы спасти меня от передозировки,

если это потребуется.

Я поднимаю черный кейс и замечаю на нем замок, поэтому ожидаю, что он окажется закрытым.

Но это не так. Должно быть здесь бывает не так уж много людей.

Это вызывает у меня хихиканье. Думаю, я и правда могу сойти с ума. Ну, то есть бесповоротно.

Внутри кейса два пистолета и они... великолепны. Черный матовый FN Five-SeveNs с выполненной на заказ рукоятью и лазерным прицелом. На рукояти есть надпись, так что я поднимаю один пистолет и поворачиваю его боком, чтобы прочесть.

Единственный пистолет, который тебе когда-либо понадобится. С днем рождения, Мэри — Целую

♥♥♦ — Смурфик

Не имею ни малейшего представления, кто такой этот Смурфик, так что просто кладу оружие обратно в кейс и гляжу на три обоймы, выложенные в линию, словно указывая на что-то. На них тоже есть надписи, так что я беру одну, чтобы разглядеть слова. *С любовью, Саша,* — и так три раза.

Предполагаю, она и есть Смурфик. Фигурально. Ей принадлежит сердце Кейса начиная еще с той ночи, когда он бросил меня в хижине. Меня так сильно заставляет злиться то, что у нее есть милое прозвище и концовка сказки, а у меня...

Я не хочу думать о том, что досталось мне. Не хочу вспоминать о плохом. Лучше оставить это все позади.

Кладу обойму обратно и закрываю кейс, а затем ящик. Не хочу стрелять в Кейса. Так что я даже не задумываюсь о том, чтобы забрать один из его пистолетов.

Звук снегохода отвлекает меня от самокопания, я поднимаюсь и направляюсь к лестнице, чтобы встретить его у двери.

Боже, я такая жалкая.

CHAPTER THIRTY

STORY

"В конце концов... вам нужно кому-то доверять."

— Сидни

Я устраиваюсь на диване, решая не встречать его возле двери, чтобы не казалось, будто

я его ждала. Или что я счастлива его возвращению.

Диван развернут к окну гостиной, так что я оглядываюсь, когда слышу звук открывающейся двери. Он заходит, топая покрытыми снегом ботинками по коврику у двери, а затем снимает шапку и перчатки.

Кажется, он не замечает меня, пока не расстегивает куртку.

— Ты проснулась. Я не был уверен, как долго ты еще проспишь. Клянусь, я дал тебе немного препарата. — Мне видны его мышцы под термо-футболкой с длинным рукавом, когда мужчина вешает куртку и снимает ботинки. — Мне нужно было кое-куда съездить по делам, — объясняет он. Словно я его жена и хочу знать, где он был.

И я хочу знать, но не потому, что подозреваю его в измене с какой-то цыпочкой. Мы посреди лесной глуши. И Мэррик Кейс не кажется парнем, который трахается со всем, что движется. В том или ином смысле.

Сняв обувь, он проходит в гостиную. От теплой одежды и жара дома на его лбу выступает пот.

— Я просто не знал, что делать. Прости. — Он опускает голову и направляется на кухню, начиная разбирать привезенную еду.

Я хочу что-то ответить, что угодно, лишь бы нарушить тишину или изменить его настроение, потому что, кажется, он обеспокоен чем-то. А я не хочу, чтобы он беспокоился по моей вине... Я бы хотела, чтобы он спас меня, да. Но не жалел. Лучше я умру.

Но я выросла в глуши и общение не мой конек. Шайенн далек от настоящего города, забудьте, что я сказала о нем пару часов назад. Это маленькое селение, полное мелких людишек. Так что я не знаю, как начать разговор. Я подгибаю ноги и смотрю на них вместо того, чтобы хотя бы попытаться.

— Тебе уже лучше? — спрашивает он, разворачивая завернутое в белую бумагу мясо и бросая его на противень. — Голодна? — Он добавляет туда же немного картофеля, а затем маленькую морковку. Сует все это в духовку и закрывает дверцу. Предполагаю, на ужин у нас жаркое. Кейс открывает холодильник и достает две бутылки пива, открывает их и направляется в гостиную.

Я принимаю одну бутылку у него из рук и затем он плюхается на диван. Очень близко ко мне. Даже слишком близко. Словно мы пара и обычно по вечерам пьем пиво, сидя на диване. А не будто он меня похитил несколько недель назад и обливал ледяной водой из пожарного шланга. Это должно расстраивать, потому что, фактически, его действия по отношению ко мне были охуено болезненными. Но нет. Я не схожу с ума из-за этого и потому гадаю, действуют ли на меня еще принятые наркотики. Успокоительные. Антитревожные препараты. Поддерживает ли что-то меня в спокойном состоянии?

Я поднимаю пиво, и Кейс смотрит на меня.

— Мне стоит это пить? Оно никак не повлияет на принятые препараты?

Он делает глоток из своей бутылки, но на секунду мне кажется, что я замечаю на его лице выражение стыда.

— Думаю, ты в порядке, Сид. Я дал тебе минимальную дозу этим утром. Так что, на данный момент, препарат уже вышел из твоего организма.

Он кажется искренним. Так что нет, наркотики не являются причиной, по которой меня не беспокоят его лишённые морали ранние действия. И поскольку мы выяснили, что это не связано со стокгольмским дерьмом, у меня нет больше идей насчет возможных причин данного отношения.

— Не хочешь рассказать мне о кролике?

Я зажмуриваю глаза, пытаюсь не пускать этот образ к себе в голову. Но этот звук. Крик кролика, когда я схватила его. Он выжжен в моей памяти.

Кейс кладет руку на мою ногу и сжимает.

— Ты не обязана, — говорит он. — Думаю, я понимаю.

Я легонько качаю головой.

— Нет, твое представление обо всем этом ошибочно, Кейс. Будь кроликом. — Я поднимаю взгляд и вижу его смущенное выражение лица. — Будь кроликом — вот, что я говорила себе, когда дела шли коту под хвост. И это вселяло в меня надежду, успокаивало. Я должна была убить пойманного Гарретом кролика. И мне известно, как убить кролика, ясно? — Я снова встречаюсь с ним взглядом. — Я знаю, как сделать это правильно. Но то, что просил меня сделать Гаррет, было жестоким. Так что я отпустила кролика.

— И он сбежал? — спрашивает Кейс с надеждой.

Я еще раз легонько качаю головой.

— Нет, собаки его схватили. Разорвали на куски.

Ты когда-то слышала кроличий крик?

— В лесу я видела много вещей. Естественных. — Я снова поднимаю на него глаза. — Знаешь о чем я? Правила природы работают каждый миг семь дней в неделю, и мы с трудом можем это осознать. Но я жила среди всего этого достаточно долго. — Я смотрю на бутылку пива и осознаю, что так и не сделала ни глотка, поэтому поднимаю ее к губам и жадно пью. Пиво прохладное и мягкое, так что я делаю еще несколько глотков. — Гаррет относился к собакам лучше, чем ко мне. По крайней мере они никогда не носили ошейников.

Когда возвращаю взгляд к Кейсу, он хмурится.

— Послушай, — говорит он, почти что шепотом. — Мне жаль, что я не забрал тебя той ночью...

— Перестань, — прошу я. — Просто не надо, ладно? Я спасла себя сама, так что забудь об этом. Когда все становилось слишком плохо, я просто представляла себе, что живу другой жизнью. И это помогло мне все вынести. — Я гляжу в окно, во тьму, скрывающую прекрасный вид. — Это помогло мне все вынести. Я все еще здесь.

Я чувствую, как он кивает, даже не глядя. Потому что просто не могу взглянуть ему в глаза.

Он пьет пиво, поднимается и идет на кухню, а затем выбрасывает бутылку в мусор, которая издает при этом звонкий звук, тем самым сообщая мне, что в мусорном ведре уже были другие бутылки, а значит Кейс пил, пока я была в отключке. Затем он направляется к лестнице.

— Я собираюсь принять душ перед обедом. Чувствуй себя, как дома.

Я наблюдаю за тем, как он поднимается по лестнице. Его шаги неспешны или может я просто так себе говорю, убеждая, что Кейс какой-то мрачный. Хотя обычно плохие новости в добавок к пиву притупляют активность человека. Он исчезает, и через несколько минут я слышу шум душа.

Я заканчиваю свое пиво и беру еще одну бутылку из холодильника. Пиво из местной пивоварни около Джексона. Я продавала его в своем баре. Боже, мой бар. Что с ним сейчас?

И именно в этот момент я замечаю его сотовый телефон на столешнице. Я подхожу и

беру его, оглядываюсь на лестницу, проверяя не наблюдает ли он за мной, а затем провожу по экрану пальцем, пытаюсь разблокировать.

Здесь даже нет пароля. Я открываю клавиатуру и набираю номер бара, но прежде чем нажать вызов, останавливаюсь.

— Какого черта я им скажу?

Опускаю телефон обратно на столешницу и возвращаюсь к дивану. Это не Стокгольмский синдром. Нет. У меня просто нет достойных причин, чтобы хотеть вернуться домой. Там меня не ждет ничего хорошего. Ничего. Я это знаю. Я люблю бар, правда. Я бы отдала что угодно, чтобы суметь послать все к чертям и вернуться домой. Потому что то место — заполненное пьяными ковбоями, дерьмовым кантри караоке и шотами по девятикопеечному девяти центов — было единственным, где я чувствовала себя *настоящей*.

Ковгерл, как зовет меня иногда Кейс. Я и есть ковгерл. И мне нравится та девушка. Возможно, я могла быть ею вместо того, чтобы быть вот этим?

Но я все же не могу вернуться. Не до того, как выясню, что со мной происходит. Не до того, как все узнаю. А моя единственная надежда на раскрытие истины состоит в том, чтобы позволить Кейсу вникнуть во все.

Я хочу его. Но не доверяю. И эта мысль поглощает меня так сильно, что кажется вот-вот взорвусь, когда слышу доносящуюся с третьего этажа мелодию.

CHAPTER THIRTY-ONE



"Моменты не долговечны. Вы не можете вернуть их обратно или изменить. Только создать новые."

— Кейс

Музыка всегда меня оберегала. А еще она так сильно напоминает мне о Сидни. Эта песня — пальцы наигрывают ее на автомате. Я научился играть много лет назад и, когда эта песня только вышла в свет, Сидни слушала ее по радио каждый день. Я знаю это не потому, что был с ней в машине, а потому, что преследовал девушку восемь долгих лет.

Первые два года я был безжалостен. Я столько раз видел Гаррета за тот период времени. Я мог бы убить его тысячу раз, если бы только решил нанести удар. Но в то время Саша очень сильно нуждалась во мне. Как и мои друзья. С ними вместе я разобрался во всем этом дерьме, а о Сидни я и не думал, пока мы не собрали по кусочкам всю последнюю загадку.

Вот только мы ее так и не разгадали. Да, мы украли деньги и стали богатыми. Но последний кусочек головоломки так и не был открыт. И вот сейчас Сидни здесь, в месте, где я представлял ее миллионы раз, но все идет совсем не в том ключе, как я думал.

В моей голове все было так стремительно. Немного пыток. Несколько вопросов. И ответов. Да, я никогда не исключал вариант психического воздействия, но не думал, что все пойдет именно вот так.

А как? Мне стоит задать себе этот вопрос. Потому что, кажется, я запутываюсь в ее прошлом. Я позволяю ей тронуть меня. Впускаю в себя ее печаль и тем самым иду против собственных планов. И, что важно, я не уверен, что с этим делать.

Тот крик. Теперь я знаю, что она имитировала крик кролика, в этом есть смысл. Но в тот момент кровь застыла в моих жилах. Это было ужасающе. Страшно на таком уровне, которого я ранее не испытывал.

А я убил немало людей. Даже нескольких женщин. Пол в этом деле для меня не имеет значения. Если они заслужили это и деньги заплачены, я заканчиваю свою работу. Но до сегодня я никогда не слышал подобного звука из уст человека. Наркотики показали единственным вариантом. Она впала в истерику. Просто закрылась в себе.

Ступени скрипят, и затем Сидни появляется в тени комнаты. Здесь включена лишь одна лампа. Как раз под стать моему настроению. Мрачно. Вот как я себя чувствую. На дне.

На дне чего-то нехорошего, посреди все еще не завершенной работы. Я не привык к подобному чувству. Есть люди, о которых я забочусь, их немного, но я забочусь о них.

А об этой девушке мне не стоит волноваться.

— Привет, — говорит она, махая своей забинтованной рукой.

— Как рука? — спрашиваю я, продолжая бренчать на гитаре мелодию, которую, кажется, никак не могу выкинуть из головы.

Он смотрит на руку.

— Уже лучше.

— Завтра снимем повязку и посмотрим в каком состоянии волдыри.

Она кивает и садится на кровать. Не далеко от меня, но и не близко. Я сижу на полу, согнув одну ногу в колене, так что мое голое колено проглядывается через дыру джинс, а гитара лежит поверх бедер. На мне нет футболки. Но я не одевал ее не для того, чтобы заставить девушку смотреть на свое тело, хотя она все же смотрит. Скорее, чтобы вынести чертову жару в этой комнате.

— Тебе, должно быть, правда нравится эта песня.

Я слабо улыбаюсь ей.

— Я позаимствовал ее у тебя.

— Я знаю. Так что... — Она скрещивает ноги и смотрит на босые ступни. Наверху левой ступни у нее есть тату. Кролик. Я видел его до этого, но думал, что это просто девчачья штучка. Кролик бежит, его длинные задние лапки перекрещены с передними, а голова оглядывается назад. Словно он прямо сейчас спасает свою жизнь бегством.

— Так что да, — заканчиваю я за нее. — Я наблюдал за тобой очень долго.

— Я думала об этом. — Она заламывает руки и затем смотрит мне в глаза. — Если ты так сильно хочешь убить Гаррета, то почему не сделал это давным-давно?

— Так ты веришь, что он все еще жив? — Я прекращаю играть, позволяя ей понять, что это не обыденный вежливый вопрос. И если она позволит мне продолжить разговор, то он станет крайне важным. Возможно, даже самым важным в ее жизни.

Она пожимает плечами.

— Я правда не знаю, что настоящее, а что нет.

Я отвожу взгляд и начинаю снова играть. Потому что вот таким оказался мой ответ. Она не готова. Даже несмотря на то, что я понимаю, Сидни прекрасно знает, Гаррет жив, и она призналась, что говорила с ним в ночь накануне свадьбы — в ту ночь, когда сбежала, словно кролик — она не станет рассказывать об этом сегодня.

— Знаешь почему мне нравится эта песня? — Она кивает на мою гитару.

Я опускаю взгляд, позволяя своим все еще влажным волосам скрыть мое лицо и слабую улыбку. Эта тема не касается Гаррета, но все же является отличной альтернативой для дальнейшей беседы. Так как она касается ее.

— Почему?

— Потому что в ней содержится послание. *Совершенно ничего*. Название олицетворяет в себе все то, что я чувствую. И слова, они просто... будто бы повествуют обо мне.

— Думаю, в этом и кроется секрет хорошей песни, верно? Слова, которые автор написал о себе, затрагивают миллионы.

— Я хочу все и ничего.

— Я тоже. — Я начинаю играть немного громче.

— Потому что ты никогда не знаешь, чего хочешь на самом деле. Твои желания меняются каждый день. Ты получаешь что-то, а затем оказывается, что хочешь совсем другое.

Я киваю, заканчивая играть и позволяя музыке звучать все громче и громче, подражая крещендо. В оригинальной версии песни музыка звучит хаотично, словно жизнь заканчивается и ничего не имеет смысла. Но если вы вслушаетесь получше, то все звуки идеально сливаются вместе в финальной коде гитары, уравниваясь и гармонично сочетаясь.

— Такова жизнь, не так ли? — говорю я на последней ноте. — Ты надрываешь зад, чтобы достичь точки, в которой хочешь оказаться, а затем осознаешь, что ожидала совершенно другого.

— Привет разочарование.

— Это вызывает желание прекратить хотеть чего-либо. — Я поднимаю взгляд и улыбаюсь. Она смеется и наклоняет голову. Я видел эту девушку в стольких ситуациях, но никогда она не была уверена в себе. Всегда боялась чего-то. Или стеснялась. Или была беспомощна. Спорю, Сидни никогда не чувствовала себя уверенной.

Я тянусь к ее ноге и сжимаю плоть через ткань джинсов.

— Когда я не думаю о тебе, то обычно невольно начинаю играть вот эту песню. — Я делаю вдох и затем говорю: — Раз, два, три... — и снова начинаю играть. Она выпускает тихий смешок. — Так ты знаешь ее? — спрашиваю я.

— Я люблю Shinedown.

— Черт, — говорю я. — Сучка, это Skynyrd. К черту ту дерьмовую кавер версию. — Я поднимаю взгляд, чтобы понять ее реакцию на мою шутку. И девушка мило усмехается, так что я продолжаю играть. Мне никогда доселе не приходилось видеть ее счастливой. А я хотел бы, хоть раз. Так что, возможно, смогу организовать это сегодня вечером?

— А ты "Простой парень", Кейс? (Название песни группы Skynyrd «Простой парень», данная песня была очень известна в исполнении кавер-группы Shinedown)

— Пытаюсь таким быть. — Я немного склоняю голову и играю проигрыш. — Но не уверен, что у меня получается.

— А у тебя была мать, которая давала бы тебе простые советы о том, как поступать в жизни?

Я качаю головой и не открываю глаз, проигрывая музыку у себя в уме.

— Нет. Она умерла в пожаре, когда мне было восемь. — Я смотрю на Сидни. — Так что мы оба не испытали этой стороны жизни.

— Что ты имеешь в виду? — Сидни сползает вниз, плюхаясь задницей на пол рядом со мной и вытягивая ноги. Она так близко ко мне, что наши плечи почти соприкасаются, и я хочу попросить ее сесть напротив, чтобы лучше видеть выражение ее лица.

— Ну, знаешь, та часть, где ты заставляешь мать гордиться тобой. — Я прекращаю играть и глубоко вздыхаю. — Мой старик был мудаком, но по сравнению с пытками, которые устраивают детям Компании, его можно назвать идеальным. То есть он пил и творил всякое дерьмо. Был алкашом. Но после размышлений о нем в течение последних пятнадцати лет, я склоняюсь к выводу, что он просто был убит горем. Он любил ее, Сид. Так что, как я могу винить человека, который не может смириться с тем фактом, что именно по его вине возник пожар, убивший любовь всей его жизни?

— Да, я понимаю.

Я снова начинаю играть. По большому счету, чтобы сменить тему при этом не сказав ни слова.

— Ну, моя мать была со мной немного дольше твоей. Но не думаю, что она хоть что-то бы сказала мне, даже если бы мы дожили до той самой точки жизни, о которой ты говоришь.

— А какой аналог этой точки жизни у тебя?

Сидни молчит. Возможно, размышляя.

— Предполагаю, день моей свадьбы. Настоящей. Не той, на которую я согласилась, лишь чтобы придать смысл своей жалкой жизни.

— Так ты не любишь Бретта?

Она качает головой, и ее волосы закрывают лицо.

Я прекращаю играть и тянусь, чтобы убрать ее локоны за ухо. Она смотрит на меня, испугано, и я мило улыбаюсь, пытаюсь успокоить ее.

— Мне нравится смотреть на тебя.

— Почему? Я вся в синяках.

— Ауч, — говорю я. — Это, знаешь ли, немного задевает.

— Ты правда хотел меня убить? — Ее глаза полны слез, и я знаю, что давлю на нее сегодня вечером. Это не к добру, но я, кажись, ничего не могу с собой поделать. Мне никогда не приходилось разговаривать с ней по душам. К тому же, Сидни правда красивая. И в одну из ночей я трахнул ее. Но так неправильно.

— Я не стал бы заниматься с тобой сексом той ночью, если бы знал, что ты девственница. — Это не тот ответ, который она хочет, но он заставляет ее задуматься. Возможно увидеть меня в ином свете. Не у многих людей есть такая возможность, и мне интересно, ухватится ли она за нее.

— Почему?

Таки-да. Это не вызов — по крайней мере она произносит данный вопрос не как вызов — но почему-то я чувствую его именно так. И у меня уже есть отличный ответ, так что я выдаю его без колебаний.

— Потому что каждый важный момент твоей жизни был у тебя украден. А это был единственный, который у тебя все еще оставался. По счастливому случаю, или потому, что

так было спланировано, не суть, но он все еще оставался у тебя. А затем появился я и украл его.

Она отклоняет голову назад на край кровати и глядит в потолок.

— В любом случае это не важно. Кого волнует подобное? Это ведь просто момент?

— Но именно из моментов состоит наша жизнь. Одно мгновение за другим. Один миг поверх второго в стопке жизни. Хороший друг объяснил мне это однажды. Сложенные в стопку моменты ведут тебя к чему-то. К чему-то, что ты планируешь. Но иногда они ведут к новым вещам. Вещам, которые ты не планировал. — Я встаю и ставлю гитару на подставку. А затем протягиваю ей руку. И жду.

Ее выражение лица озадаченное. Она смотрит на мою руку, затем на выпуклые мышцы моего пресса, грудь и наконец мне в глаза.

— Возьми меня за руку, — говорю я.

И она берет. Но когда кожа наших тел соприкасается, Сидни напряженно сглатывает.

Я помогаю подняться ей на ноги и обнимаю за талию, притягивая ближе. Вдыхая ее запах. Ощущая тепло. Я наклоняюсь и целую ее шею. Чувствую, как на ее затылке волосы встают дыбом и как озноб пробирает все ее тело, когда шепчу на ухо девушке:

— Ты когда-нибудь трахалась нежно, Сидни?

Еще раз напряженно сглатывая, она приподнимает голову вверх. Ее горло выставлено, словно предложение.

— Я не знаю, — выдыхает она. — Не думаю.

— Ковгерл, если бы ты испытала это, то знала бы. — И затем я скольжу рукой под ее футболку, лаская ребра и одновременно целую губы. Сперва она замирает, ее рот напрягается напротив моего. — Хочешь, покажу тебе каково это? — спрашиваю я, отстраняясь.

— Зачем? — тихо спрашивает она в ответ. По ее виду кажется, что девушка не собирается отвечать отказом. Она просто ищет причину сказать "да". — Потому что тебе меня жаль?

— Неа, — говорю я, все еще пытаюсь заставить ее ответить на мой поцелуй. Я прикусываю ее губу, достаточно сильно, чтобы привлечь внимание к своим действиям. — Потому что то, как я трахнул тебя в прошлый раз, Сид, было не лучшим примером секса. И, думаю, я могу сделать это лучше.

— Почему ты хочешь этого? — Она слегка отклоняется назад, сомневаясь в моих намерениях. Черт, я сам не до конца уверен в них.

— Я просто хочу тебя. — Я позволяю ей отстраниться еще немного, но только чтобы мы могли видеть друг друга. Она напугана. До чертиков. Ее глаза расширены, а рот приоткрыт, даже несмотря на то, что я не мог заставить ее приоткрыть его нежными поцелуями и прикосновениями языка всего пару секунд назад. — Секс не всегда грубый, Сидни. Иногда люди трахаются, потому что и правда нравятся друг другу.

— А я тебе нравлюсь? — Этот вопрос задан таким тихим шепотом, что я едва улавливаю его.

— Я не собираюсь тебя убивать, если ты спрашиваешь об этом.

— Однако, мне нужно знать почему. — Ее лицо слегка кривится, словно девушке трудно сложить два и два. Знаю, она уже моя. Знаю, если немного сильнее надавлю — как надо сожму ее сосок, прижмусь к ее животу твердым членом — она сдастся. Но если я собираюсь компенсировать то, как грубо взял ее той ночью, то все должно пойти не так.

Я выскальзываю рукой из-под ее футболки и снова убираю волосы с лица девушки.

Прямо сейчас она сражается с самой собой. Среди всех битв, что я видел в ее жизни за эти годы, ни разу не было битвы с чем-то хорошим. Но может быть так вышло лишь потому, что в ее жизни и не было ничего хорошего. Я приподнимаю ее подбородок и прижимаю большой палец к нижней губе.

Она хнычет, и этот тихий звук так сильно возбуждает меня.

— Ты красивая. Гаррет когда-нибудь говорил тебе это?

Она качает головой.

— Ну, значит он дурак. Твое лицо подобно ангельскому. А волосы, черт. — Я смеюсь, и она глубоко вздыхает. — Я так много раз представлял тебя верхом на себе и эти длинные темные волосы, покрывающие твою грудь, пока ты объезжаешь меня.

— Нет, не представлял.

— Клянусь богом. Твое тело так охуенно сексуально. — Я снова провожу ладонью по ее ребрам, только на этот раз скольжу не вверх, а вниз, к ее талии и затем к изгибу бедра.

Моя рука тянется к ее джинсам, и они оказываются расстегнуты раньше, чем Сидни успевает сказать хоть слово против. А затем я поднимаю ее футболку за край подола. Медленно. Глядя на ее грудь, пока делаю это. Когда ткань поднимается выше ее сосков, я чувствую предвкушение.

— Я с удовольствием покажу тебе себя с лучшей стороны, Сидни Ченнинг. И заставлю забыть тот первый раз. Заменить его этой ночью. Ничто невозможно вернуть назад. Но мы можем заменить плохие воспоминания хорошими. — Я пожимаю плечами. — Это все, что я могу предложить, прости.

Она ничего не отвечает. Так что я снимаю ее футболку через голову и бросаю на пол.

— Сними джинсы. — Она прикусывает губу, и при виде этого жеста я готов сам сдернуть их с нее. Но все же беру себя в руки и позволяю ей сделать это самой. Она качает бедрами из стороны в сторону, и мы так близко, что от этого движения ее ребра соприкасаются с моими. Наконец джинсы падают на пол, и я беру ее руку, когда Сид вынимает ступни из лужицы ткани.

— Ты больше, чем просто красивая, Сид. И твое тело не просто сексуальное. — И это так. В приглушенном золотистом свете, на фоне окон, она — чистое совершенство. — Я всегда знал это. Всегда видел тебя в сексуальном плане. Всегда хотел тебя.

Кажется она вот-вот заплачет, так что я прикладываю палец к ее губам и бормочу:

— Шшш. Просто закрой глаза и позволь себе почувствовать счастье хоть немного. Забудь прошлое. Забудь будущее. Забудь все, кроме настоящего момента.

И затем я толкаю ее, совсем немного, пока она не делает шаг назад и ее ноги не натыкаются на кровать. Она наклоняется, даже несмотря на то, что я не прошу об этом, и садится. Я раздвигаю ее колени, все еще стоя, и толкаю ее тело назад, пока Сидни наконец полностью не откидывается на одеяло и подушки.

— Что ты собираешься сделать? — спрашивает она, закрывая глаза.

— Подарить тебе оргазм. Заставить кончить так, чтобы ты больше никогда не захотела сбежать от меня.

Я сильнее развожу ее ноги, открывая киску. Она такая влажная и нуждающаяся. И даже при том, что мы еще не начали, ее бедра уже дрожат. Я наклоняюсь, мое дыхание горячее, как и желание по отношению к этой девушке, и затем языком вывожу круг на ее клиторе. Она снова замирает, но когда я шелкаю языком, Сидни забывает обо всем и стонет. Ее руки тянутся ко мне, зарываются в волосы, и она вздрагивает.

Притягивает меня ближе. Внутрь себя.

Я добавляю палец, затем второй. Она такая тугая, и от ощущения растяжения девушка выгибает спину. Но я действую очень медленно. Как она того заслуживает. Сомневаюсь, что она когда-либо трахалась неспешно, и меня возбуждает осознание, что я стану ее первым в этом плане. Я уже разрушил ее. И не могу вернуть ту ночь обратно. Ничего нельзя вернуть назад. Но поступки можно попытаться искупить.

И этим я пытаюсь искупить свои перед ней.

Я лижу и посасываю, и она начинает расслабляться. Ее разум, который путается от мыслей каждую секунду каждого дня медленно отключается, пока мой язык не торопясь дарит Сидни удовольствие.

Я чувствую, как ее стеночки сжимаются, почти готовые к кульминации, и затем поднимаюсь и расстегиваю джинсы. Она тяжело дышит, когда смотрит на меня. Ее веки прикрыты, грудь напряжена, и все тело готово к моменту, что я ей обещал.

— Пожалуйста, — говорит она. — Не останавливайся.

— И не собирался. — Я позволяю своим джинсам упасть на пол, мой член длинный и твердый, готовый оказаться в ней, но не так, как это было в прошлый раз.

Я наклоняюсь и перемещаю ее тело к изголовью наполовину освещенной луной кровати. Мои колени погружаются в мягкость белого одеяла по обе стороны от ее бедер, а губы находят нежную кожу ее живота. Я прикусываю ее. Не сильно. Она ахает, когда я провожу языком вверх по ее телу, задерживаясь на ее твердом соске, и наконец достигая ее губ. Ее грудь такая теплая, а губы чувствительны от моих поцелуев.

— Посмотри на меня, Сидни. — Она подчиняется, но лишь на мгновение. Ее губы напрягаются, словно девушка готова заплакать. — Шшш, — шепчу я. — Не делай этого. Не грусти прямо сейчас. Прощу. Просто забудь обо всем и думай только о том, как я заставляю тебя чувствовать себя.

И затем я нависаю над ней, мои предплечья опираются по обе стороны от ее головы.

Я целую Сидни в лоб, и она всхлипывает.

— Я не знаю, что делать, — признается она, и ее голос дрожит. — Не знаю, чего ты хочешь или зачем ты хочешь этого. Я потеряна.

— Ты не потеряна. Ты здесь, со мной, там, где и должна быть. И я хочу, чтобы ты делала все, что пожелаешь, Сидни. Но не делай этого только, чтобы порадовать меня. Делай это, потому что хочешь доставить удовольствие себе. Делай это ради собственного наслаждения.

Я снова целую ее и на сей раз она открывает рот, наши языки сплетаются, исследуя друг друга как только могут. Поцелуй столь медленный, чувственный и эротичный.

Идеальный.

Мой кончик трется о ее щечку, и Сидни слегка прикусывает мою губу от удивления.

— Шшш, — говорю я снова. — На этот раз мы будем двигаться не спеша.

Говоря это, я совсем немного проникаю в нее. Она ахает от боли, так что на какое-то время я замираю, позволяя ей привыкнуть к своему размеру. Когда Сид расслабляется, я продвигаюсь немного глубже, на этот раз она принимает меня. Шире раздвигает ноги. Ее руки ослабевают на моих плечах и скользят к бицепсам. Теперь мой черед стонать.

Эта девушка, черт. Она вызывает у меня стон лишь одним прикосновением. Я толкаюсь еще дальше, и она прижимается ко мне, уговаривая не сдерживаться.

Но я не спешу. Это медленный трах. Сладкий трах. Так что я не вколачиваюсь в нее со всей силы. Я люблю ее тело. Целую губы, я скольжу рукой под ее попку и накрываю одну

ягодицу ладонью. Другой рукой играю с прядями ее волос.

Наши бедра двигаются в унисон. Медленно и с единой целью. Почувствовать друг друга. Она кончает первой, неспешная волна пульсаций сжимает мой член, и мне требуется каждая капля самоконтроля, чтобы не кончить внутри нее.

Когда Сидни успокаивается, я толкаюсь глубже, вынуждая ее выгнуть спину. Я поднимаю руку и сжимаю ее горло, осторожно, так, чтобы не напугать ее. Не хочу, чтобы Сид думала о чем-либо, кроме меня. И когда ее глаза наконец распахиваются и встречаются с моими, я выскальзываю из нее и кончаю Сидни на живот.

Какое-то время мы так и лежим, обнимая друг друга, пока запах жарящегося мяса из кухни не будит мой полусонный разум. Я вытряхиваю подушку из наволочки и вытираю низ живота Сидни, гадая смогу ли затянуть ее в душ немного позже. А затем откидываю ткань в сторону.

— Я не знаю, что сказать, — говорит она, когда я заканчиваю. — Может, спасибо.

Я оставляю ее в кровати, пока сам одеваюсь, а она наблюдает за мной. Наклоняясь, я хватаю ее футболку, а затем натягиваю ее через голову девушки. Сидни вздыхает, когда ее тело снова оказывается прикрытым. Но не думаю, что это вздох облегчения. Скорее сожаления. Не за то, что позволила мне трахнуть себя вот так. А потому что мы должны были прерваться.

Я улыбаюсь, когда поднимаю ее джинсы и она хватается за мои плечи для поддержки, засовывая ноги в одежду. После чего я застегиваю пуговики на ее штанах и беру за руку.

— Давай не будем ничего говорить прямо сейчас. Просто пойдем перекусим.

CHAPTER THIRTY-TWO

SYDNEY

"Никогда не забывайте, что вы уязвимы — даже когда чувствуете себя непобедимыми."

— Сидни

Мы спускаемся по лестнице рука об руку. Не имею понятия, что сейчас происходит, но в данный момент меня это и не заботит. То, что он только что сделал... то, что заставил меня почувствовать... я даже не представляла, что секс может быть таким. Никогда не ощущала столь нежные прикосновения, как те, что он дарил мне сегодня. Мне доставались

лишь грубые и злобные пинки. Никаких нежных слов или комплиментов. Никаких неспешных движений и удовлетворений моих потребностей. Гаррет брал меня. Так бы я описала то, что он делал со мной во тьме. Он никогда не просил. Никогда не доставлял мне оргазма. Никогда не спрашивал было ли мне приятно.

Но Кейс... как этот мужчина может быть столь нежным со мной?

Это сбивает с толку. И сеет в моей голове разного рода сомнения.

Он использует тебя, Сид.

Я даже не уверена, чей это голос. Мой? Гаррета? Или воображаемого мужчины у меня в голове? Склоняюсь к третьему варианту, вот только есть одна загвоздка. Этот мужчина и был всегда Кейсом.

А я не сумасшедшая. Они так думают, но это неправда. Я просто слишком долго была во тьме. Слишком много врала. Раз за разом была предана.

Даже Бреттом. Не знаю, чем были эти отношения. Бизнесом? Я не уверена. Его всегда интересовал мой бар. Но еще он был... дружелюбным. Не таким как Кейс. Бретт никогда не предлагал мне нежный секс. Я сказала ему, что девственница, и он предложил повременить с этим до брачной ночи. Мы встречались более года, и ни разу он не подталкивал меня.

Как мужчина вообще может так долго себя контролировать? Если бы он хотел меня, то разве желание и похоть не снесли бы его? Разве они не подтолкнули бы его хотя бы к беседе на данную тематику?

Правда кое-что он делал. Ласкал меня пальцами и доводил до оргазма. Не всегда, конечно. И я тоже доставляла ему удовольствие. Делала Бретту минет.

Я так запуталась.

Когда мы доходим до кухни, я занимаю место возле барной стойки и чувствую себя немного странно. Я всегда прислуживала Гаррету. Даже Бретту нравилось, когда я ожидала его.

Но Кейс, он кажется не против готовить для меня. Или убирать за мной.

Это потому, что он тебя использует, Сид. Он хочет получить ответы, которые знает, у тебя имеются.

У меня и правда есть несколько ответов. С тех пор, как он похитил меня, я лгала о нескольких вещах. Но я ведь была его пленницей. Почему мне вообще стоит говорить ему правду?

— О чем ты думаешь? — спрашивает Кейс, ставя передо мной тарелку с мясом и овощами.

Я выпускаю протяжный вдох и решаю быть честной, когда он садится на табурет рядом со мной.

— Мне нужно знать, чего ты хочешь. — Я опускаю взгляд на тарелку с едой, отчего мои волосы падают вперед.

И он опять проделывает это, убирая мои локоны от лица. Я слегка поднимаю взгляд и улавливаю его усмешку как раз за секунду до того, как она исчезает.

— Я хочу, чтобы ты поела. А затем хотел бы отвести тебя в душ и помыть. Уложить твоё сонное тело в кровать, перед этим одев в свою одежду. — Он пожимает плечами, когда я морщу лицо. — У меня больше нет для тебя подходящей одежды. Так что...

Я откашливаюсь, собирая всю свою храбрость.

— Но чего ты будешь хотеть от меня завтра?

— Я уезжал сегодня, как ты могла заметить. — Я киваю. — И завтра хотел бы кое-что

тебе показать. Надеюсь на это. Нам просто нужно будет подождать, и ты все увидишь.

— Что это? — Не могу сдержать любопытства.

— Сюрприз. — И затем он начинает есть.

И я тоже. Я позволяю всему этому отойти на задний план. Ведь со мной все хорошо. Я не под наркотиками. Мне не грозит опасность, по крайней мере так кажется. Он ведет себя мило. И Кейс красив во многих смыслах этого слова. То есть, я же мечтала об этом мужчине с той ночи, когда он оставил меня в лесу у хижины. В течение долгого времени все мои эмоции были для него.

Я проклинала его за то, что он бросил меня. Умоляла вернуться обратно. Я любила его, ненавидела, хотела и прощала так много раз. Мне кажется, что я прожила жизнь с этим человеком. И тем не менее, у меня не было ни малейшего представления о том, кто он такой...

— Сидни?

Я поднимаю взгляд.

— Закончила?

Гляжу на тарелку и понимаю, что она пустая.

— Хочешь добавки?

Я киваю, и он собирается встать. Но я перехватываю его руку, останавливая.

— Не еды, Кейс. Я хочу еще...

— Меня? — спрашивает он, усмехаясь, как мужчина точно знающий, что он сексуален.

— Ага, — пишу я. — Больше этого.

— Так в чем проблема?

— Я боюсь, — шепчу в ответ. — Это не по-настоящему. Не думаю, что по-настоящему. Как жизнь может быть такой... простой?

Он наклоняется и накрывает мою щеку ладонью. Его губы касаются моих.

— Знаешь, что делает ее простой, Сид? — Он ждет, пока я отрицательно покачаю головой. — Когда ты делаешь что-то правильное для себя лично, жизнь становится проще. Когда же ты борешься с собой, все лишь усложняется. Пока ради выживания тебе приходится убеждать себя в том, что ты — это кто-то другой, тебе нелегко. Но если ты сможешь отпустить все и просто расслабиться, вести себя честно, то твоя жизнь станет проще.

— Откуда ты это знаешь? Как ты стал таким умным?

— Я — гений. К тому же я на десять лет тебя старше. И повидал больше твоего. Прожил дольше. Больше всего совершил. Невольно начинаешь разбираться во всем этом дерьме.

— Но ты...

— Убийца.

Он произносит это так просто. Словно данное слово — его истинная сущность и он признает ее. А в этом-то и кроится часть моей проблемы. Он опасен во многих смыслах. На прошлой неделе Кейс хотел меня убить. Он связал меня, накачал наркотой, избил.

— Это беспокоит тебя? То, что ты убийца?

— Нет. Это лишь то, что я делаю.

Я наклоняюсь вперед и опираюсь головой о руки. Забинтованная кисть теплая, но вторая прохладная и приятно ощущается на разгоряченной коже лица.

— Но знаешь, что я еще делаю?

Я качаю головой, сомневаясь хочу ли это услышать.

— Я хорошо целуюсь. — Я фыркаю, от чего волосы раздуваются. — Я могу любить тебя

нежно и жестко. Могу дать тебе совет. Быть хорошим другом. Черт, я даже могу стать хорошим отцом. Я не отец Саше, но хорошо попрактиковался.

Сейчас я внимательно смотрю на него.

— Научился заботиться о людях. Я забочусь о ней. Она не нуждается в деньгах и имеет более чем достаточно благ. Ей не нужен лучший друг. У нее он уже есть, уверен. Но она звонит мне, Сидни. Когда хочет о чем-то поговорить. Я — тот парень, к которому она приходит со своими проблемами. Я — тот, к кому она обращается за советом. Так что да. Я убиваю людей. Но я намного больше, чем просто убийца. Все сложно. Я понимаю это. Но то что я делаю, не трудно понять. Мои поступки ясны. Я выживаю и делаю так, чтобы все, кто для меня важен, тоже выжили.

— А я важна для тебя?

Он проводит кончиками пальцев по моим губам.

— Не сегодня. Мы не станем говорить об этом сегодня.

— Думаю, мне стоит уехать.

— Завтра, Сидни. После того, как я покажу тебе то, что сделал сегодня, завтра ты сможешь уехать. Но прямо сейчас мы поднимемся наверх, примем душ и отправимся в кровать.

И я соглашаюсь на это. По факту мне нужно время, чтобы собрать все это дерьмо воедино у себя в голове и понять его смысл. Проблема в том, что у меня нет больше времени. Как и нет никаких ответов. У меня ничего нет.

Ничего, кроме этого мужчины.

Так что я соглашаюсь.

И он снова ведет меня за руку по лестнице. Мы возвращаемся на второй этаж и принимаем душ вместе в хозяйской ванне. Он моет шампунем мои волосы и рассказывает о своей жизни. Его первая драка была с гангстером в Бостоне в восемнадцать лет. Он рассказывает мне, как в следующие после этого выходные проходил собеседование в MIT и встретился со своим лучшим другом. Рассказывает о многих своих работах. И девушках. Двоих из которых убил Гаррет. Кейс объясняет, что он встречался с ними, но затем пожалел, что втянул их в свою жизнь и потому отправил в Мексику, пытаюсь все исправить. Но по факту Гаррет убил их, чтобы задеть Кейса. Он все говорит и говорит, и говорит. О многом, но только не о том, что я хочу знать. Однако он рассказывает мне это, в любом случае.

Он — убийца.

А затем Кейс одевает меня в белую футболку, которая пахнет им самим, и слишком большие боксеры, и укладывает в свою постель.

Его руки оборачиваются вокруг меня. Его тело такое теплое, когда переплетается с моим собственным. Он целует меня в губы и желает спокойной ночи.

Он — убийца.

Но еще он — вот этот мужчина.

— Как так? — спрашиваю я, когда мы лежим в кровати. — Как жизнь может быть столь сложной и простой одновременно?

— Это шутка, Сидни. Шутка над нами. Здравый разум, мораль, правильно и неправильно. Все это иллюзия. И иногда мы можем видеть ясно, а иногда нет. Но ты всегда знаешь, когда ты в порядке. Ты всегда почувствуешь, что ничто не в силах задеть тебя. И сегодня ничто не заденет тебя. Так что закрывай глаза и отпусти все мысли.

Я гляжу на полоток, слушая как выравнивается его дыхание и гадая, окажу ли услугу

этому миру, если достану пистолет из соседней тумбочки и выстрелю Кейсу в голову.

Вероятно, что так. Вот вывод, к которому я прихожу. У меня нет ни малейшего представления, что все это значит. Не знаю, верю я Кейсу или нет. И не представляю, гадает ли он прямо сейчас стоит ли ему самому достать пистолет и оказать миру услугу, пристрелив меня.

Я просто рада, что он этого не делает. И данный факт меня устраивает. Потому что даже при том, что Кейс убийца, он все еще этот мужчина. Тот, кто накормил меня и нежно трахнул. Тот, кто знает, кто я такая и что делаю. И он, из всех людей, что были в моей жизни, — тот, кто *здесь и сейчас*.

Вы можете сказать множество вещей о Мэррике Кейсе, но нельзя назвать его лицемером или лжецом. Потому что сегодня вечером он был на сто процентов честен со мной. Он, по сути, встал на вершине горы и прокричал: *"Вот я, прими это или уйди."*

И я решаю, что не хочу уходить.

Он внутренне сомневается. Он груб и даже, может быть, болен. Но я такая же.

Мои веки тяжелеют, наконец, закрываясь. И я засыпаю, зная, что морально была рядом с ним все эти годы.

Он — мужчина, который появится, когда все другие бросят вас. Он — мужчина, который посмотрит смерти в глаза и засмеется. Он — мужчина, который нажмет на курок, когда весь мир замрет в шоке.

Он — единственный мужчина, который может спасти меня от меня же самой.

CHAPTER THIRTY-THREE

SYDNEY

"Когда весь мир погряз во лжи, нормально быть иррациональным. Но когда придет время, вы должны быть готовы отпустить это."

— Сидни

Я просыпаюсь первой и спускаюсь вниз. Гляжу на улицу через панорамные окна и гадаю, как два столь испорченных человека могут быть окружены такой красотой. Горы, снег и замерзшая река, разрезающая эту долину.

И я прихожу к выводу, что мы отчасти дикари. Вот почему мы принадлежим этому месту.

Кейс спускается вниз через несколько минут с аптечкой в руках. Аромат кофе

пронизывает дом и зовет, словно утренний будильник.

— С добрым утром, — говорит он, протягивая руку за чашкой в шкафчике. Он наливает черный кофе, как и положено мужчине, и целует меня в голову, проходя мимо.

Я почти роняю свою собственную чашку.

— Мы можем поесть сейчас или попозже.

— А мы торопимся? — спрашиваю я, успокаивая себя, пока он садится за барную стойку и всецело сосредотачивается на мне.

— Не думаю. Ты была здесь несколько недель, и никто не приходил тебя искать.

Боже, а он язвит.

— Но мне нужно ехать, и я хочу, чтобы ты поехала со мной.

— Ладно, — говорю я, допивая кофе и подходя к раковине.

— Иди сюда, хочу взглянуть на твою руку до того, как мы отправимся.

Я делаю, как он просит, позволяя снять повязку и осмотреть мои волдыри. Он наносит мазь на лопнувшие волдыри и затем снова оборачивает руку.

— Тебе нужны какие-нибудь болеутоляющие?

— Нет, спасибо. Последнее, что мне нужно, так это еще больше препаратов.

Он натянуто улыбается в ответ и еще раз рассеянно целует меня в голову, задерживая руку в моих волосах так долго, что кажется будто это... любящий жест.

И вот насколько все это безумно? Как спустя лишь один идеальный день все могло повернуться на 180 градусов?

Потому что ты нуждаешься, Сид. Ты хочешь чьей-то привязанности и согласна даже на симпатию убийцы, который сделал с тобой все те ужасные вещи.

Снова на ум приходит стокгольмский синдром. Как я вообще оказалась в таком положении? Музыка, нежный трах, забота о моей руке... Я складываю все это у себя в голове.

При свете дня этот список выглядит иначе. Думаю, поэтому мне нравится оставаться во тьме.

Мы одеваемся в зимнюю экипировку, а затем я следую за ним к гаражу. Кейс выталкивает снегоход на улицу и указывает на сиденье перед собой, пока я наблюдаю.

— Забирайся.

Сегодня он деловой. Словно выполняет работу, а не хочет заняться со мной любовью. Но это же нормально, верно?

Он собирается отвезти тебя в лес, Сид, и убить там.

Он может это сделать. Но зачем? Я уже здесь. Никого нет в окрестностях этого дома. Он мог бы убить меня на подъездной дорожке и оставить тело здесь до самой весны. Чтобы волки меня съели. Никто бы не узнал. Никто бы не заметил.

Я сажусь на снегоход, и его грудь прижимается к моей спине. Какое-то время мы едем. Свежий снег покрыл все старые следы. И теперь перед нами лишь белый ослепительный ковер, и мне так хочется одеть солнцезащитные очки.

Когда мы, наконец, останавливаемся, я начинаю паниковать. Все это время Кейс молчал. Я осознаю, что работающий снегоход и беседа — вещи несовместимые, но в некотором роде мне было бы легче довериться ему в этой поездке хрен знает куда, если бы он разговаривал со мной. Хотя если думать логично, то зачем было болтать со мной вчера весь вечер, чтобы сегодня выбросить в лесной глуши на съедение волкам? Или чтобы дать замерзнуть до смерти?

Кейс выключает двигатель, и мгновение мы сидим в тишине.

— Готова?

Мне приходится напряженно сглотнуть.

— А должна?

Он перебрасывает ногу через снегоход и протягивает ко мне руки, стягивая с сиденья.

— Положись на меня, Сид.

Вот и все, что я получаю от него. Кейс кладет руку мне на плечо, и я чувствую себя, словно заключенный, выведенный в квадратный двор тюрьмы. Мы пробираемся через глубокий снег между деревьями и через почти что пятьдесят футов наконец-то достигаем замерзшей реки Йеллоустон.

— Что мы делаем, Мэрк?

Он не упускает того факта, что я назвала его рабочим прозвищем, и бросает на меня сердитый взгляд.

— Мы собираемся проверить ловушку.

Мое сердце начинает неистово стучать, а ноги замирают в снегу, там, где я стою.

— Я не хочу проверять ловушки.

— Знаю, — говорит он деловым тоном. — Но тебе в любом случае придется.

Он проходит чуть дальше, теперь почти таща меня за собой, а затем мы оба соскальзываем на насыпь с небольшой глыбы, покрытой льдом.

— Ты собираешься прорезать прорубь и утопить меня? — я смеюсь, но от хмурого выражения лица Кейса, затыкаюсь.

— Не своди меня с ума, — он тянется и достает длинную ветку сосны так, что с нее осыпается снег.

Мое сердце замирает, когда вижу то, что было под ней скрыто.

— Что ты...

— Шшш, — говорит он. — Не злись на меня прямо сейчас. Хорошо? — Я смотрю ему в глаза, потому что этот голос, вне сомнений, голос убийцы.

Кролик внутри клетки парализован от страха.

Мне знакомо это чувство.

Мэрк поднимает клетку и слегка трясет ею, сбрасывая тем самым ветки, которые использовал для маскировки. Кролик бесится внутри, прыгая на проволочные стены.

— Иди за мной, Сид.

Он проходит по береговой насыпи к краю реки. Йеллоустоун застыла, но не всегда безопасно ходить по ее льду.

— Мне не нравится лед! — кричу я, отставая от него. Мои ноги кажутся тяжелыми. Все мое тело реагирует на то, что должно здесь произойти. Если он заставит меня убить этого кролика...

Кейс ставит клетку на берег и приседает чуть поодаль. На нем такая же белая экипировка, как и на мне. Мы подходим друг другу, сочетаемся. Эта мысль придает мне храбрости, чтобы последовать за ним.

Что он делает?

Кейс поднимает на меня взгляд, сдвигая свои солнцезащитные очки вверх, и затем улыбается.

— Что ты сказала мне вчера о кролике? Слышал ли я когда-нибудь кроличий крик?

— Я произнесла это вслух?

— Гм... да. — Он бросает на меня серьезный взгляд, его янтарные глаза освещены восходящим солнцем.

— Я не собиралась говорить этого, — отвечаю я, задыхаясь от самого упоминания того инцидента. — Не думала, что произнесла эти слова вслух.

— Я дал тебе успокоительное, Сидни. Помнишь? Ты впала в истерику, все говорила и говорила о кролике. То шоу по ТВ вызвало у тебя воспоминание. Ты рассказала мне об этом немного. Сказала, что...

— Нет! — кричу я так громко, что кролик начинает пищать, и клянусь богом, если он закричит...

— Сидни, сядь. Сейчас же. Прямо здесь, — говорит Кейс, хлопая по земле рядом с собой.

— Я не хочу, — шепчу я. — Я, правда, очень не хочу быть рядом с кроликом.

— Ты осознаешь, насколько иррациональным это кажется?

Я киваю. Я осознаю это.

— Ты понимаешь, что это поможет тебе принять твое прошлое?

— Нет. Не поможет. Это лишь сделает все хуже. Так вот зачем ты притащил меня сюда! Поэтому был таким милым со мной. Хочешь вынудить меня ответить на твои вопросы!

— А тебе есть что рассказать мне, Сид? — спрашивает он спокойно. Его реакция так разительно контрастирует с моей.

— Я не хочу разговаривать о кролике. Не хочу говорить о кролике!

— Сядь, — командует он.

Я закрываю глаза. Знаю, это неправильно. Все здесь неправильно. Но когда он поднимается и берет меня за руку, я снова чувствую себя беспомощной. Как и все те годы, проведенные с Гарретом. Я следую за Кейсом к клетке, где белый комочек дрожит от испуга.

Мне знакомо это чувство.

— Открой клетку, Сидни.

Милый боже, пожалуйста, не заставляй меня убивать этого кролика.

— Открой.

Я подхожу ближе к клетке, а затем наклоняюсь и открываю замок. Оглядываюсь на Мэрка через плечо, он кивает, так что я поднимаю заслонку. Она звенит, но кролик слишком напуган, чтобы пошевелиться.

— А теперь возвращайся обратно ко мне.

Я делаю несколько шагов назад и приседаю возле Кейса, не понимая, что происходит.

— И что теперь? — шепчу я.

— Теперь, — говорит он, поворачиваясь ко мне с улыбкой, — мы подождем.

— Чего?

— Когда пройдет шок, и кролик убежит, — я хмурюсь. — Мы отпустим его, Сид. И тебя мы тоже отпустим на свободу.

CHAPTER THIRTY-FOUR



"Все, что я могу сделать — это открыть дверь. Но я не могу заставить вас выйти через нее."

— Кейс

На ее лице крайне смущенное выражение. Неясно, почему ей так сложно это понять?

— Он промыл тебе мозги, Сидни. На это ушли годы. Ты понимаешь? Я тоже был в этом отряде психического воздействия в армии. С Гарретом. Мы делали все это, как команда.

Она садится попой на землю. Не ради того, чтобы было удобнее, а думаю, потому что у нее больше нет сил сидеть на корточках.

Она в шоке. Как и кролик.

— Мы управляли людьми. Людьми компании, Сид. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Она кивает.

— Такими, как я.

— Да, к сожалению. Такими, как ты. Матерями и дочерьми. Ты знаешь, что означает родиться детьми Компании? Знаешь, что они владеют тобой, если ты девочка? Знаешь, что когда рождается девочка, они просят родителей согласиться на обещание матери-дочери? И что происходит с матерями, если те не соглашаются?

— Они их убивают, — говорит она, словно робот. Сидни погружается в собственные воспоминания.

— Верно. Они их убивают. Если девочка Компании выросла с матерью, даже если мать умерла, когда она была маленькой, что это означает, Сидни?

Она смотрит мне в лицо, и я знаю, что все те ужасные вещи, которые я совершал, были не без причины, все они были за правое дело.

— Матери соглашаются продать своих дочерей и позволить их... использовать.

— Верно. Твоя мать согласилась на это. По крайней мере, сначала. Я не знаю, что случилось с ней. Или с твоим отцом. Мне известна лишь часть правды. Она сделала это с тобой. Они оба сделали это.

— Я была твоим заданием? В армии?

— Нет. Я увидел тебя впервые тогда возле хижины. Но у меня были другие задания. Мы с Гарретом выполняли другие задания вместе. Я не понимал тогда, что такое Компания. Не понимал, что они — теневое правительство, существующее в США прямо перед носом у настоящего правительства и других людей. Но однажды мы с Гарретом получили приказ. Вероятно, такой же, как тот, что получил человек Компании, который убил твою мать.

Сидни облизывает губы, и холодный ветер тут же их осушает. Ее лицо покраснело, и я знаю, что, если прямо сейчас проверить у нее пульс, он зашкалит. Но она держится, так что я

продолжаю.

— Нам приказали позаботиться о принадлежащей Компании паре мать-дочь.

— И ты сделал это? — в ее глазах теплится надежда на отрицательный ответ, и мне невыносимо тяжело признать, что он положительный.

— Да. Я сделал это. Я сделал это, потому что Гаррет уже изнасиловал мать и собирался перейти к маленькой девочке. Ей было двенадцать. Того же возраста, что и Саша, когда они попытались забрать ее. Ее мать никогда не отдавала ее. Они убили ее до того, как Саша покинула больницу после своего рождения. Но ее отец сделал кое-что, что было против правил. Так что в ту ночь, когда меня отправили спасти тебя, Сашу и ее отца должны были убить. И вместо тебя я решил спасти ее.

— Ты оставил меня там.

— Я знаю.

— Потому что я не стоила спасения? — теперь она начинает плакать. Безмолвные замерзшие слезы.

Я наклоняюсь и сжимаю ладонями ее лицо, заглядывая в глаза.

— Не поэтому, — шепчу я. — Я просто думал, что с тобой все будет в порядке. Тебе было шестнадцать. А Саше всего двенадцать. Я сделал выбор и хотел бы сказать, что сожалею о нем, но это не так. Я очень сильно люблю Сашу. Она — единственное хорошее, что случилось со мной.

— Но со мной все было не в порядке.

— Теперь я знаю это. Но тогда я думал, что все будет хорошо. Правда, считал, что ты будешь в норме, Сид.

Шум слева от нас отвлекает наше внимание друг от друга. Кролик делает прыжок вперед, один, затем второй. Он садится на краю свободы и сомневается.

— Будь кроликом, Сидни.

— Кролика поймают и съедят псы.

— Нет, смотри.

И она смотрит. Так внимательно наблюдает, что может заработать себе головную боль. Но когда кролик наконец понимает, что может сбежать, я смотрю на лицо Сидни — и это невероятно.

Она ахает, когда маленькое животное зигзагами мчится вдоль замерзшей реки и исчезает в густом лесу на противоположном берегу.

— Будь кроликом, Сидни. Сбеги от него. Гаррет наполнил твой разум ложью. Он запихал в тебя кучу указаний и спусковых механизмов. Он использовал тебя для своей грязной работенки. И даже несмотря на то, что я не видел его после исчезновения, я знаю, что он говорил с тобой. Правда?

Если она и знает, то держит это в себе. И я позволяю ей.

Потому что я просто отпускаю ее на волю. И теперь мы готовы сделать последний шаг.

CHAPTER THIRTY-FIVE



"Вы можете надеяться на правду, но всегда будьте готовы к предательству."

— *Сидни*

Мы проверяем остальные ловушки и если находим кроликов, то я отпускаю их. Удивительно, как нечто столь простое может значить так много. Мой разум проясняется, словно небо с приходом рассвета. Одни воспоминания возвращаются, а другие исчезают. Я чувствую себя очень хорошо, когда мы возвращаемся в хижину. Кейс — или лучше называть его Мэрк — начинает что-то готовить есть, пока я наблюдаю за ним, сидя на барном стуле и попивая пиво.

Его телефон звонит, и парень смотрит на экран, а затем улыбается.

— Саш, — говорит он. — Саш? — Он снова смотрит на телефон, и затем до меня доносятся три едва уловимые гудка с той стороны.

Моя голова начинает пульсировать.

— Ха, — говорит Кейс. — Она звонила мне вчера с новостями о своем парне. — Он посылает мне улыбку. — Я обычно проверяю подноготную ее парней. И только после этого она идет на свидание. Но в этот раз у меня были дела. — Он улыбается мне. — Вчера ты нуждалась во мне сильнее. — И затем он снова набирает номер Саши. Но когда ответ не следует, он пожимает плечами. — Вероятно, она вне зоны покрытия оператора.

Я закрываю глаза и ощущаю, как мой разум идет кругом.

— Ты в норме? — спрашивает Кейс.

Я снова открываю глаза и качаю головой.

— Я странно себя чувствую. — Он кажется взволнованным. — Словно в дурмане. — *Я так запуталась*, — хочется добавить. — Может это все связано с кроликами.

— Или может ты просто голодная? — он ставит передо мной тарелку с лосятиной и стакан воды.

Я пью воду и отталкиваю тарелку.

— Мне, правда, не по себе.

— Хочешь прилечь?

— Нет, — отвечаю, прищуривая глаза от внезапной головной боли. — Но вероятно мне следовало бы.

— Возможно, это было слишком? — он берет меня на руки и несет к лестнице, с легкостью поднимаясь по ступеням. Укладывает меня в кровать. — Если хочешь, я останусь с тобой.

Я киваю и закрываю глаза, как только моя голова касается мягкой подушки.

— Мне уже немного лучше.

Он стягивает футболку через голову и бросает ее на пол, затем снимает свои ботинки и

после мои. Они с шумом падают на пол. Я пристально смотрю на Кейса, пока он устраивается на краю кровати. Его сложно игнорировать. Он практически идеален. Его мышцы выделяются, словно на теле у статуи, твердом как камень.

Несколько дней назад я бы провела аналогию с его несокрушимым характером. Но сегодня не уверена, что понимаю его. Я могу принять ту его часть, что убивает. Но есть и чувственная часть, та, что хочет трахать меня нежно — ее я бы тоже хотела принять.

Но прямо сейчас что-то кажется *неправильным*.

Он забирается дальше на кровать, так что его руки и колени оказываются по обе стороны от меня. И на мгновение, когда я смотрю в эти пылающие янтарные глаза, вижу хищника, которым Кейс и является. Все мое тело напрягается.

А затем его рука опускается на мой живот, скользя под футболку, которая по факту не моя, а его. И холод, который я видела в нем, исчезает. Кейс теплый. И он улыбается мне. Я глубоко вдыхаю, не уверенная, что хочу пережить все это при свете дня. Темнота скрывает меня. Мне нравится это. Но солнце пробивается через огромные окна, вид из которых подобен виду из вороньего гнезда, и это вынуждает осознать собственные ощущения.

— Хочешь остановить меня? — спрашивает он.

— Нет, — шепчу я. Я хочу, чтобы это продолжалось вечно. Но даже при том, что знаю, он не хочет ранить меня, красный маячок опасности мигает передо мной прямо сейчас.

— Расслабься, — говорит он, задирая мою футболку так, чтобы можно было поцеловать живот. — И расскажи мне, чего ты хочешь.

— Я хочу быть уверена.

— В чем?

— В том, что ты настоящий, и что это не уловка.

— Зачем мне обманывать тебя?

— Потому что тебе нужна информация.

— Ты же сказала, что у тебя ее нет.

— Я знаю, но...

Он смотрит на меня.

— Но что?

— Но ты не веришь мне, — затем я делаю глубокий вдох и собираюсь с мужеством. — Ты веришь мне?

Он наклоняется и целует меня. Будто бы мучая наслаждением, Кейс выводит маленькие круги языком вокруг моего соска, аккуратно сжимая второй, пока они оба не твердеют от возбуждения. Он медленно перемещается вверх и целует мою шею.

— Думаешь, я причиню тебе боль, Сид? — его горячее дыхание скользит по моей коже с каждым словом. Мне кажется, я плыву.

— Не физически. Больше нет, — говорю я. Мой голова вращается, но не так как было на кухне. — Но...

Его рот воркует слова, и даже при том, что мне хочется понять, искренен он или нет, я сдаюсь. Просто сдаюсь и целую его в ответ.

Долго и неспешно, от чего мое сердце мучительно ноет. Это грустный поцелуй. Тот, что так много значит, тот, что крадет у меня кислород. Я так сильно хочу, чтобы Кейс был со мной настоящим.

— Ты всегда был в моем разуме, Кейс. Ты приходил ко мне в мечтах и рассказывал, как

выжить. Ты научил меня рыбачить и охотиться. Но дело не в рыбалке и охоте. Это был ты, ты отделил еще кусочек от моего разума. Не так, как это делал Гаррет, страхом и угрозами, а улыбками и солнечным светом. Это о тебе я мечтала, когда он делал со мной все те вещи.

— Он промыл тебе мозги, Сид. Мы разобрались в этом. Он сказал тебе много чего. — Кейс расстегивает пуговицы на моих джинсах и стягивает их вниз, а затем отбрасывает к моим ботинкам. После чего его теплая грудь накрывает мою прохладную, и я понимаю, что никогда не хотела обнимать ни одного мужчину так, как его прямо сейчас. Я оборачиваю руки вокруг его тела и притягиваю ближе. — Он создал твои спусковые механизмы, Сидни. Маленькие шутки, о которых знаешь только ты. Слова типа "красной рыси".

— И "хашш", — говорю я.

— Нет, ковгерл. Не "хашш". Но есть другие вещи, о которых мне нужно знать. Другие слова и символы, которые хранят его тайны. Ты помнишь их?

— Мне кажется, я плыву.

— Шшш, Сидни. Попробуй ответить на мой вопрос. Ты знаешь другие слова или символы, которые он насадил тебе в голову, чтобы заставить совершать что-либо? Возможно, он хотел задеть меня, например. Дал ли он тебе слово, которое бы заставило тебя причинить мне боль?

Я лечу. Я поднимаюсь над облаками. Я едва могу открыть глаза.

Кейс поверх меня, и мы голые.

— Я хочу тебя, — говорю я. Слова отдаются эхом у меня в голове. Не уверена, сказала ли я это вслух. — Я так сильно снова хочу нежный трах.

Он разводит мои ноги и поднимает одно колено к груди, так что кончик его члена прижимается к моему клитору. Это так охрененно приятно.

— Хочешь, чтобы я трахнул тебя, Сид? Чтобы вспомнить, что он говорил тебе?

Я не могу ответить на этот вопрос.

— У меня болит живот.

— Он насадил в тебя спусковой механизм, от которого тебя тошнит, Сидни. Тошнит, если ты начинаешь об этом говорить.

— Это кажется таким странным.

— Сконцентрируйся на настоящем, ладно? Он рассказал тебе, где был? Помнишь, он приходил к тебе? Все эти годы, ты думала, что Гаррет пропал, но он пришел к тебе.

— Не думаю, что так.

— Ты же рассказала мне, что он приходил к тебе, Сидни. Рассказала мне многие вещи, когда была под наркотиками в тот последний раз. Так что не нужно больше притворяться. Просто скажи мне, где он.

— Он ушел.

Кейс протяжно выдыхает и затем скользит внутрь меня. Это происходит слишком быстро, поэтому в результате я ощущаю боль. Но когда вскрикиваю, он останавливается, позволяя мне привыкнуть. Через несколько секунд, он толкается глубже. На этот раз неспешно. Нежнее, чем все, что я когда-либо чувствовала. Я хватаюсь за его плечи и пытаюсь сжать, но у меня нет силы. Открываю рот, собираясь спросить, почему столь слаба, но Кейс снова прижимает губы к моим губам, а его язык путает мои мысли.

Он переворачивает меня на живот и затем снова наполняет своей длиной. Протягивая руку поверх моего живота, его пальцы отыскивают мой клитор и ласкают, словно играя мелодию, как было накануне вечером. Музыка проигрывается у меня в голове, и мое

возбуждение возрастает от каждого прикосновения его пальцев и толчка бедер.

— Где Гаррет, Сид?

— Он ушел.

— Куда он направился?

Я собираюсь ответить, но оргазм накрывает меня. Задерживая дыхание, я прижимаюсь спиной к его телу, его члену, и жду, что он проникнет глубже в меня. На мгновение я теряюсь в наслаждении, пока он выскальзывает из меня и разбрызгивает горячую сперму по всей моей спине.

— Тебе было приятно, Сид?

— Ммммм.

— А теперь сосредоточься, — говорит он, обнимая меня и прижимаясь губами к моей шее. — Куда направился Гаррет? Где я могу его отыскать?

— Тебе не нужно его искать, — говорю я в ответ, ощущая себя такой сонной. — Я слышала спусковой сигнал. Он уже направляется сюда.

В ту же секунду Кейс отбрасывает меня в сторону кровати. К тому времени как я прихожу в себя достаточно для того, чтобы открыть глаза, он уже одевается.

— Куда ты собрался? — выдыхаю я. — Мне нужно пойти с тобой.

— Ты останешься здесь, — говорит он.

— Нет! — Мое сердце начинает дико стучать, пока пытаюсь сесть. Но мне даже и близко не удастся, потому что голова буквально валится на подушку. — Ты накачал меня наркотиками. Ты снова меня накачал, хотя и обещал, что не станешь.

Кейс наклоняется и шепчет мне на ухо, отодвигая мои волосы так, чтобы я сосредоточила на нем свой взгляд.

— Я позабочусь о тебе, когда вернусь. — Затем он отпускает мои локоны, и моя голова валится обратно на постель.

— Но ты был так добр ко мне. Ты сказал, что не собираешься меня убивать. Ты обещал не накачивать меня! — я пытаюсь свесить ноги с кровати, но он толкает меня обратно.

— Я солгал, Сидни. Но если ты, правда, останешься здесь и поспишь, мне никогда не нужно будет думать об этом снова.

CHAPTER THIRTY-SIX

HERE

"Всегда имейте туза в рукаве."

— Кейс

Я отворачиваюсь от нее и быстро одеваюсь, гадая, где же Гаррет. Как далеко он зашел и в чем заключается его финальный ход. Как он все это обыграет.

— Саша, — говорит Сидни у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и гляжу на нее. Ее веки отяжелели и опускаются от воздействия наркотиков, которые я добавил ей в воду. Ее голова покрыта потом, при том что девушка даже не укрыта простынями. Со стороны кажется, что она пытается встать, пока я теряюсь в раздумьях.

— Что?

— Он забрал Сашу.

Мой желудок сжимается от понимания ее слов.

— Он забрал ее, и ты не хочешь знать, что он собирается с ней сделать.

Я тянусь к волосам Сидни и сжимаю их в кулак, подтягивая ее лицо к своему.

— Где, черт возьми, Гаррет?

— Он ждет тебя, Кейс. — Сидни пытается усмехнуться, но выходит искаженная гримаса. — В конце тропы.

Я отпускаю ее волосы и встаю, натягиваю термо-футболку и сбегая вниз по лестнице.

Чертов ебать. Звонок. Звонок с номера Саша ранее. Это был Гаррет. Это был спусковой сигнал для рассказа Сидни — должно быть, так. Она была втянута во все это с самого начала. Наверное, мой рингтон послужил спуском для нее. Из чего следует, что этот мудака был достаточно близко, чтобы услышать это.

Я сжимаю кулаки, когда ярость пронизывает меня. Ярость с примесью ожидания. Я покончу с ним сегодня. Все остальное неважно. Гаррет — покойник.

CHAPTER THIRTY-SEVEN

SYDNEY

"В конце концов, все сводится к пониманию того, на что вы способны. Спасение ведет к долгу. Спасите самого себя и не будете никому должны."

— Сидни

Я не жду, пока Кейс уйдет. Наркотики делают свое дело и, если он вернется и

обнаружит, что я рыскаю в его тумбочке в поисках медикаментов — значит, так тому и быть. Я готова пойти на этот риск. Потому что через две минуты я провалюсь в сон и тогда я в любом случае не жилец.

Я перекатываюсь на кровати еще раз и тянусь к прикроватной тумбочке. Моя рука промахивается мимо нее несколько раз, но я, наконец, подцепляю кончиком пальца ручку и открываю ящик.

Снизу слышится звук захлопывающейся двери.

Моя рука ныряет внутрь ящика в поисках аптечки, и когда озарение ударяет меня, я злюсь.

Он оставил аптечку внизу, после того как перевязал мне руку.

Блядь. Шестьдесят девять ругательств одновременно звучат у меня в голове прямо сейчас. Разве я не заслуживаю хоть одну поблажку? Одну?

Я снова перекатываюсь и падаю на пол. Не знаю, удастся ли мне добраться на первый этаж.

— Сид, — говорит красивый Гаррет.

Это Гаррет или Кейс? Кто этот мужчина в моей голове?

— Возьми пистолеты, — говорит он, за его спиной мерцает красивый горный ландшафт. Желтые листья осины так прекрасны, словно сейчас осень. Нет, они скорее золотые. Все, касающееся мужчины моей мечты, золотое.

— Возьми его пистолеты, Сид. На всякий случай. А затем спускайся вниз и найди аптечку. Ты знаешь, что делать. Они рассказывали тебе о передозировках во время твоих тренировок.

Меня не волнует кто этот парень в моей голове, я просто слушаюсь его совета. Хватаю кейс с пистолетами и пытаюсь приподняться. Опираясь на мебель, я двигаюсь к двери. Но когда достигаю лестницы, начинаю всерьез сомневаться, что смогу спуститься по ней, не свернув шею.

Сядь на задницу и скользи вниз, — говорит парень в голове, кем бы он не являлся.

Я плюхаюсь на пол, заваливаясь вперед и ударяясь головой о перила. Но мне не больно. Мое тело онемело от наркотиков, так что я даже не понимаю, насколько сильно ударилась. Я хватаюсь за перила и снова подтягиваюсь в горизонтальное положение, а затем скольжу вниз ступень за ступенью. Когда, наконец, достигаю нижней ступеньки, иронично смеюсь. Я преодолела весь этот путь — отсюда мне видна аптечка на кухонной столешнице — и я скоро умру здесь на ступенях. Или возможно попытаюсь добраться до аптечки. Моя рука вытягивается.

Заткнись и ползи туда!

Тот парень в моей голове — *это ему нужно заткнуться,* — думаю я. Фактически я вынуждаю себя встать. Мои глаза почти что закрыты, так сильно мне хочется спать — думаю, я прикончу этого парня в своей голове с помощью этих пистолетов...

Дерьмо. Пистолеты остались на ступенях, там, где я упала и ударилась.

Я качаю головой, пытаюсь избавиться от нарастающего безразличия, и падаю на руки и колени, а затем ползу, как могу. Мои волосы волочатся по отполированному деревянному полу, и в этот момент я чувствую облегчение от того, что Кейс такой чистюля. На полу его дома нет ни пылинки, чтобы испачкать мои волосы.

Смех срывается с уст от данной мысли. Я и правда чертовски выжила из ума.

Добравшись до барной стойки, я встаю. Если открою аптечку и там не окажется никакого противо-седативного средства, я умру, хохоча.

Но оно там, в маленьком прозрачном флаконе с накрепко запечатанной крышкой. Я отрываю металлическую ленту зубами и срываю обертку крышки. А затем открываю стерильный шприц и вгоняю иглу в резиновую шапочку флакона.

Тренировки с ядом? Я проходила их, верно? Гаррет рассказал мне, сколько препарата нужно для моего тела, чтобы помочь справиться с отравлением. Я знаю, он рассказывал мне.

Но в то же время не имею ни малейшего представления, сколько реально нужно сейчас вколоть. Мои руки кажутся такими отяжелевшими. Пальцы едва движутся. Так что я набираю полный шприц, вынимаю иглу из флакона и вонзаю ее в свое плечо.

Я не чувствую ровным счетом ничего. Ни когда втыкаю иглу, ни когда ввожу препарат в мышцу, ни когда валюсь на пол, чудом не разбивая голову и смягчая удар ладонями. Но я знаю, что все еще буду в игре, если антидот сработает, так как с улицы слышу звук снегохода. Он только что уехал.

Я начинаю кричать, когда сажусь ровно. Мои легкие втягивают глубокий вдох, звук от которого отдается эхом по всему дому. Тело напрягается, пока последние несколько часов проносятся перед глазами.

Кейс. Ебанный сукин сын.

Саша.

Гаррет.

Я бросаюсь вверх по лестнице, хватаю кейс с пистолетами и открываю его на лестничной площадке, где недавно упала.

Три пули. Чем могут быть полезны три ебанные пули? Я бегу обратно в спальню и открываю другую прикроватную тумбочку. Но, конечно же, здесь ничего нет. Он забрал все и оставил только эти чертовы коллекционные пистолеты с тремя пулями.

Я улыбаюсь. Значит хватит по одной пуле на каждого мудака, и ни одной не останется в запасе.

Я сую одну пулю в обойму первого пистолета и две во второй. Одеваю снежную экипировку и сую пистолеты в карманы, пока направляюсь на улицу. Я подключаю провода ратрака, которые отключила в ту ночь, когда Кейс приказал мне уходить, и следую по следу его снегохода.

CHAPTER THIRTY-EIGHT

HERE

"Даже тот, кому нечего терять, может чего-то лишиться."

Я глушу двигатель снегохода на перекрестке троп и забрасываю снайперскую винтовку на плечо, а затем пробираюсь через снег. Это решение обойдется мне в дополнительно потраченное время — снег глубокий и мне приходится грести по нему, чтобы хоть как-то двигаться вперед. Но все равно вечеринка начнется не раньше, чем я доберусь туда.

Сегодня я — почетный гость.

Гараж, в котором держу грузовики зимой, появляется в поле моего зрения быстрее, чем я того ожидаю. Мое сердце — черт, мое сердце никогда так не замирало от ужаса. Мне следовало бы знать, что он нацелится на Сашу. Следовало предвидеть это.

Но она столь успешно скрывалась все эти годы. Жила тихой жизнью, ходила в частную школу и проводила лето за границей со своей приемной семьей. У нее были хорошие оценки, мечты о будущем — благодаря этому она не оглядывалась через плечо. Да, у нее было пару неприятностей, но ничего связанного с Компанией.

Дерьмо, даже я перестал оглядываться через плечо. По собственной долбаной вине я застрял здесь, возясь с его приманкой, пока он планировал похищение единственного любимого мной человека.

Я медленно и осторожно продвигаюсь к задней части гаража, внимательно разглядывая верхушки деревьев на предмет снайперов.

Хотя это и не в стиле Гаррета. Теперь он работает в одиночку и использует женщин для грязных делишек. Он всегда поступал так.

В последнее время он начинает напоминать мне самого себя.

Я прижимаюсь спиной к гаражу и затем выглядываю из-за угла, держа винтовку наготове и глядя через прицел.

Большой черный грузовик красуется посреди тупика. Его передняя часть направлена так, словно он вот-вот готов уехать. Черный дым пытит из его выхлопной трубы, ярко контрастируя с окружающим белым снегом. С моего места отлично видна сторона пассажира, но не видно место водителя.

Саша сидит на переднем сидении. Я знаю ее профиль. Ее темно-русые волосы я смог бы узнать где угодно. Я мог бы найти ее в толпе среди сотни людей.

В этот момент осознание происходящего поражает меня. Он забрал мою Сашу. И теперь собирается ее убить. Прямо здесь. Прямо сейчас. И он заставит меня наблюдать за этим.

Резкий звук нарушает мои мысли, и дверца со стороны пассажира открывается.

Я смотрю через прицел, пытаюсь отыскать Гаррета. *Где же ты, сукин сын?*

Саша толкает дверцу и выпадает из машины, словно неживая. Ее руки связаны за спиной, ноги тоже связаны вместе, а рот заклеен скотчем.

Мое сердце замирает. Но тут она начинает пинаться ногами и пытается закричать. Тем самым позволяя моему сердцу сделать очередной удар.

Она жива.

— Если ты ранил ее, я вырву твоё гребаное горло! — рычу я так, что весь лес вторит эхом мою угрозу.

Тишина. Но затем дверь водителя открывается со скрипом. Он выбирается на улицу, пригибаясь. Иначе, я бы уже снес ему голову. Но парень отлично меня знает. Мои навыки лучше его. Чертов молокосос.

— А ты ранил мою Сидни, Кейс? Или *мои* девушки не столь важны?

— Иди на хуй, — я ныряю за гараж и прикидываю протяженность его стены, снова выглядываю из-за угла, и затем перемещаюсь к противоположной стороне. Теперь мне видно грузовик немного лучше. Я вижу его переднюю часть, но все еще не вижу Гаррета.

— Как ты смотришь на то, чтобы поиграть, Кейс? Ты расскажешь мне, что сделал с Сидни, а я расскажу тебе, делал ли тоже самое с Сашей.

Все, что я сделал с Сидни, проносится у меня перед глазами.

— Наркотики? О, ну это же очевидно. Саша получила приличную дозу, но не так уж и много за раз. Почему-то она не очень хорошо их переносит.

Все мое тело пылает от ярости.

— пытки? — кричит он снова. — Сидни довольно вынослива по отношению к пыткам. Но опять же, эта девушка не слишком стойкая.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу обратно свою девочку.

— Она в доме. Пойди и возьми.

— Не эту девочку, Кейс, — он смеется. — Ты же знаешь, как в Компании обстоят дела типа "*я тебе, ты мне, и только потом мы квиты*"? Ну, ты взял мое, Кейс. И сегодня мы расквитаемся.

CHAPTER THIRTY-NINE

SYDNEY

"Настанет день расплаты. Я называю его проверкой в условиях реальности."

— *Сидни*

Снегоход стоит посреди тропы, своим видом вызывая у меня учащенное дыхание за секунду до того, как я осознаю, что он оставил его там, чтобы иметь элемент неожиданности во время встречи с Гарретом.

Я также выключаю двигатель ратрака и иду по следу Кейса. Полчаса назад я готова была бы поставить миллиард долларов на то, что не смогу выбраться из этого глубокого снега. Но это было до того, как противодействующий препарат нейтрализовал все наркотики в моем организме и превратил меня в нового человека.

Теперь, кажется, я смогу бежать вечно. Но я знаю, что, вероятно, этот эффект недолговечен, так что использую весь адреналин, пока еще могу. Сквозь густой покров сосен виднеется здание, и теперь тропа начинает сильнее петлять. Я не следую за ней, срезая путь напрямую, дабы сэкономить время.

Доносящийся голос Кейса вынуждает меня замереть на месте.

Они снаружи здания. Оба. И Саша.

Я правда не понимаю, что происходит. Несколько воспоминаний по кусочкам собрались у меня в голове, с тех пор как покинула хижину. Но все они лишены смысла. Гаррет послал меня сюда, теперь я осознаю это. Но разрывы между обрывками воспоминаний все еще слишком велики, одни моменты размыты, другие стерты.

А Кейс. Я не хочу верить в то, что это правда. Я возносила его на воображаемый пьедестал слишком долго, но его последние слова сокрушили меня. Он солгал. Я понимаю это. Он накачал меня наркотиками и использовал секс, дабы получить нужные ему сведения.

Но все происходящее казалось таким настоящим. И это ранит сильнее всего. Мне стыдно за то, что я чувствую все это. Должно быть, сейчас он смеется надо мной. Мне приходится остановиться и прижаться к дереву. Тошнотворное ощущение в животе возвращается, но к чему оно на этот раз, я не знаю.

Черный грузовик Гаррета появляется в поле моего зрения, как раз, когда он орет:

— Ты взял мое, Кейс. И сегодня мы расквитаемся.

Я осматриваюсь. Это место похоже на тупик с гаражом во главе. Здесь нет никаких других зданий, так что, должно быть, дорога находится в частной собственности. Грузовик Гаррета стоит по центру, поэтому мне искоса видна сторона пассажира. Но я не вижу самого Гаррета.

— Что ты хочешь сделать, чтобы сравнять счета? — кричит Кейс в ответ.

Мое внимание обращается к области справа от меня. Кейс не так далеко. Возможно, в шести или девяти метрах.

— О, нам еще далеко до переговоров, друг. — смеется Гаррет.

Я знаю, что он присел за грузовиком, вне поля зрения снайперской винтовки Кейса. Гаррет рассказывал мне истории о наемных убийцах Компании. О безжалостных мужчинах. Бесчеловечных мужчинах. Тех, что помещены на доведение до конца работы, за которую взялись.

Так в чем же состоит работа Кейса сегодня?

Иисусе, Сидни. Ты правда такая тупица.

Я собираюсь с мыслями и возвращаю внимание к Гаррету. Он все еще прячется за грузовиком, не рискуя показываться.

— Хочешь знать, как бедная Саша справлялась с ролью пленницы? — кричит он. — Может, сравним наших пленников, а, Кейс? Ты трахал Сидни, верно? То есть, я к тому, что это входило в мой план, так что я точно знаю, ты ее трахал.

Вот оно как. Я — лишь работа для Кейса и план для Гаррета.

— Если ты изнасиловал Сашу, — рычит Кейс, — я подвешу твоё тело на дерево и позволю волкам сожрать тебя заживо.

— Семантика, Кейс. Я же подарил тебе Сидни и позволил с ней поиграть. Она была у тебя несколько недель. А Саша была у меня всего денек, — смеется Гаррет. — Она поведает тебе об этом попозже, если ты, конечно, ее спасешь. Посмотрим, как все пойдет. Так что не кипятись из-за того, что я сделал с Сашей. Сидни точно не хотела отдавать тебе свою карточку девственности. Но в конце концов она сдалась. Потому что в Сидни есть то, чего нет в Саше — уступчивость. Она гибкая. А эта девица не очень-то хочет прогибаться. Она — борец, да, Кейс? Ты научил ее этому? Или ее папаша? Ты знал, что я планировал всю ту ночь? Черт, ты же знал, что я планировал твой финал с того дня, как ты пристрелил мою девушку?

— Она не была *твоей* девушкой.

— О, да, это правда. Ты тоже ее хотел. Но вместо того, чтобы признать, что она моя, решил ее убить.

Тишина со стороны Кейса. Я никогда не слышала этой истории. Даже несмотря на то, что моя голова напичкана кучей лжи и манипуляций, я знаю, что никогда не слышала этой истории.

Кейс выходит из-за угла, держа винтовку перед собой, словно приношение.

Гаррет выглядывает из-за грузовика и улыбается, выходя перед ним.

Саша лежит на земле, полностью связанная. На ней нет пальто или куртки, и она явно замерзает. Также нет перчаток. Ее лицо уже кажется наполовину замороженным, что не удивительно, так как ее голова почти зарыта в снегу. Глаза девушки горят яростью, когда она видит Кейса и начинает пинаться ногами.

— Отпусти ее, Гаррет. Она не связана со всем этим, — голос Кейса уверен, но тих. Словно он внутренне злится и одно неверное движение может вывести его из себя.

— О, — смеется Гаррет. Он одет в зимнюю экипировку с ног до головы, как и я. Глядя на него, мне кажется, что мы команда. И это вызывает тошноту. — Ты убил мою девушку, Кейс. — Он достает пистолет из штанов и направляет дуло на голову Саше. Кейс возвращает винтовку в боевое положение. — Мы были солдатами. Следовали приказам.

— Ей было двенадцать чертовых лет!

— Как и Саше. Именно поэтому ты спас ее той ночью, Кейс? Сидни рассказала мне под наркотиками, что ты сказал ей той ночью. Что вернешься? Это ты ей пообещал? — смеется Гаррет. — Ты запустил этот план. Создал идеальную лазейку. Путь к моей мести.

— Я исправил Сидни, — говорит Кейс.

— Конечно, исправил, — рычит Гаррет. — Ты сделал все правильно, Кейс. Запутал ее разум еще сильнее, чем я мог бы даже надеяться. Ты ведь лучший из нас, а? Я всегда знал, что ты справишься.

Слушать, как эти двое говорят обо мне, словно о вещи — самый унижительный момент моей жизни. Хуже момента, когда Кейс лишил меня девственности. Хуже того, когда Гаррет накачивал меня наркотиками и внушал свои команды. В их глазах я даже не человек.

— Наши приказы, Кейс, гласили убить мать и забрать дочь, чтобы сделать их обоих примером. Я выполнил свою часть...

— Ты изнасиловал ту женщину. Связал ее в сарае и держал там несколько дней до того, как убить.

— ... твоя часть заключалась в том, чтобы отдать мне дочь.

— Я спросил ее, хочет ли она пойти с тобой или умереть. Она выбрала смерть, Гаррет. Она бы лучше умерла, чем оказалась с тобой. Вот поэтому я ее и убил.

Гаррет медленно качает головой, а на его лице появляется отвратительная улыбка.

— Я думаю, ты действительно веришь в то, что поступил тогда правильно. Правда, Кейс? Так что давай посмотрим, может быть и сегодня ты поступишь так же. Твой выбор тогда заключался в том, чтобы отдать ее мне или убить. Так что сегодня слово за тобой... — он выдерживает паузу, смеясь так, что дрожь пробегает по моему позвоночнику. Потому что я уже знаю, что он скажет. — Убить ее, — Гаррет кивает на Сашу, — или позволить мне ее забрать. Живой.

— Или, — говорит Кейс, его голос все еще тихо грохочет на грани ярости и спокойствия, — я убью тебя, и она уедет со мной. Живой.

— Этого не случится, Мэрк, — Гаррет использует его прозвище, словно они друзья, и, как и задумано, Кейс замирает.

— Как ты считаешь?

И затем Гаррет смотрит на меня и протягивает руку. Он указывает на меня, подзывая.

Кейс делает шаг назад, его винтовка все еще направлена на Гаррета, когда парень осознает, что я по-прежнему в игре.

— Потому что желудь от дуба недалеко падает.

CHAPTER FORTY

SYDNEY

"Иногда все, что вы можете сделать — выстрелить из пистолета и надеяться, что прицел был точным."

— Сидни

Весь мой мир идет кругом, когда эти слова раздаются у меня в голове.

Желудь от дуба недалеко падает.

Два пистолета оказываются у меня в руках до того, как даже осознаю, что достала их. Мои ноги ведут меня к Гаррету и Кейсу. Но только на одного из них я целюсь.

На Кейса.

Второй мой пистолет направлен на Сашу.

Все это время мы ошибочно полагали, что угадали мои спусковые слова. Кейс так и не исправил меня, это было ловушкой. Все, заложенное в мою голову Гарретом, было ловушкой.

— Сидни, — говорит Кейс справа от меня. — Сидни, послушай меня. Помнишь, когда мы говорили о том, что он сделал, Сидни? Он промыл тебе мозги. Он просто манипулирует тобой.

Я это знаю. Я знаю каждую ниточку своего бытия, знаю, что я на автопилоте. Но не могу остановиться. Я даже не уверена, что *хочу* останавливаться. Кейс разрушил мою жизнь. Мне было шестнадцать. Мне снова промыли мозги. Но если бы все пошло не так в тот решающий момент, кто знает как могла бы повернуться моя жизнь. Спасение или проклятие.

Кейс выбрал проклятие. Той ночью он проклял меня, отправил в ад. Все, ради спасения этой девушки в снегу. Я была лишь заданием, которое он так и не закончил. По его мнению,

винтовку или я ее убью.

— Не делай больше за него грязную работенку, Сид. Теперь я здесь. Я заберу тебя от всего этого. Сегодня ты будешь спасена, если просто опустишь пистолет и позволишь мне покончить с ним, как я и должен был сделать восемь лет назад.

Я опускаю взгляд на FN Five-SeveN, который Саша подарила Кейсу. Это так иронично.

— Не заставляй меня убивать тебя, Сидни.

— Пожалуйста, — говорю я, не отводя взгляда от Саши. — Убей меня.

Кейс бросает винтовку в снег.

— Оттолкни ее ногой, — прошу я. Он толкает и та скользит мне навстречу. Я не настолько тупа, чтобы поднимать ее. Мои глаза не отрываются от Саши.

Но мне так много нужно сказать.

— Ты тоже, а? — Я смотрю на него, направляя второй FN Five-SeveN прямо в спокойное лицо Кейса. Его выражение лица не отражает ни эмоции. А чего я ожидала? Он — хладнокровный убийца. Он понял суть плана Гаррета и больше ничего для него было не важно. Он ненавидит меня. Единственная причина, по которой я до сих пор жива состоит в том, что я сама себя спасла. — Ты тоже промывал мне мозг. С этим словом хапш.

Он качает головой в ответ на мои слова.

— Все не так, Сидни. Ты не знаешь всей истории.

— Согласна. Я вообще ничего не знаю, не так ли? Вероятно, никогда и не узнаю, что же произошло здесь на самом деле. Или что случилось в прошлом. Но одно я знаю наверняка. Ты здесь не ради меня. Ты здесь ради нее. — Я трясусь пистолетом, наведенным на Сашу. От нее не следует ни движения, ни даже хныканий.

— Он использует тебя, Сидни, — говорит Гаррет.

Я перевожу пистолет на Гаррета и стреляю ему между глаз. Его кровь и мозги брызгают на Сашу и переднюю часть грузовика. Кусочки кости разлетаются в стороны и спокойствие Саши разлетается на части вместе с ними. Она начинает ерзать, пытаясь ползти подобно червя.

Кейс идет мне навстречу, даже несмотря на то, что другой пистолет все еще направлен на него.

— У тебя было всего три пули, ковгерл. Так что шоу окончено.

— Я знаю, — говорю я, глядя ему в глаза. — И это единственная причина по которой ты сейчас жив.

Я роняю пистолеты и бросаюсь к нему, двумя руками толкая Кейса в грудь. Он отклоняется назад, но не отвечает. Я бью его кулаком в лицо так сильно, что мои костяшки разбивают ему губу. Кровь хлещет из нее, а моя рука начинает пульсировать.

Но он по-прежнему ничего не делает. Я не заслужила даже борьбы.

Злость, ненависть и чувство предательства по отношению к нему сочатся из меня, подобно поту. Его щека краснеет там, где я ударяю, но он просто стоит на месте.

— Я тебя ненавижу. — И затем я плюю ему в лицо. — Я так охуенно сильно тебя ненавижу. — Слезы наворачиваются на глаза и катятся вниз по щекам так неистово, как никогда раньше. — Для тебя это все было игрой. Ты знал, что он придет. Знал, что он запрограммировал меня сделать это дерьмо. И ты меня использовал. Ты насадил то слово в мою голову. Когда это случилось? А? До того, как я проснулась в той хижине пыток? Ты отвез меня в то место, чтобы убить?

Кейс просто смотрит на меня. Виновато.

— Я думал, тебе уже невозможно помочь, — говорит он мягко. И это меня убивает. Меня на хрен убивает то, как он хорош во всех этих нежных штуках. Он использует их, как оружие. И так как я неизменно нуждаюсь в нежности, то фактически колеблюсь сейчас. — Я думал, что слишком рискованно оставлять тебя в живых. Но у меня была идея. Я хотел помочь тебе...

— Лжец! Ты такой чертов лжец! Ты хотел убить Гаррета, трахнуть меня еще раз и спасти свою драгоценную принцессу. Ты использовал слово, чтобы заставить меня *полюбить тебя*. Вот почему все, что ты делал параллельно, не волновало меня, верно? — Он продолжает молчать, пока я собираю кусочки головоломки. — Я ненавижу тебя. И если когда-либо снова увижу твое лицо, то скручу тебе голову.

Я разворачиваюсь и ухожу, поднимая пистолеты по ходу. Но при этом желая, чтобы Кейс выстрелил мне в спину. Избавил меня от всего этого. Но он не стреляет.

Так что я просто переступаю через мертвое тело Гаррета, сажусь в его грузовик, захлопываю дверцу и уезжаю.

Будь кроликом, Сидни. Будь кроликом.

О, я буду, — убеждаю я того мужчину-психа в своей голове. — Потому что мне остается лишь бежать.

CHAPTER FORTY-ONE

HERE

"Знаете это чувство, когда оглядываешься назад и понимаешь, что все проебал?"

— *Кейс*

Я смотрю на удаляющийся грузовик, ощущая самую глубокую печаль в своей жизни. Но затем до меня доносятся приглушенное хныканье, вынуждая осознать, что Саша все еще лежит на земле. Она как раз вытягивает нож с кармана Гаррета, пытаясь перерезать веревки, когда я подхожу к ней и забираю его из ее руки.

— Одну секундочку, Саш, прости, — я срываю липкую ленту с ее рта и даже несмотря на то, что это причиняет ей адскую боль, Саша молчит. Я перерезаю веревку на ее руках, затем на ногах, и после помогаю подняться.

Она обнимает меня. Но не плачет. Она перестала плакать много лет назад. Но сила ее объятия говорит мне все, что нужно знать.

— Ты в норме? — спрашиваю я у нее.

Она кивает, пряча лицо в моем пальто.

— Мне жаль.

— Мне тоже, малыш, — но после я ее немного отталкиваю, и мы начинаем идти к снегоходу, который я оставил на тропе.

— А что с ним? — спрашивает Саша, указывая за спину, как только мы доходим до линии деревьев.

— Волки позаботятся о нем. Это лучше того, что он заслужил.

Молчание сопровождает нас всю дорогу домой, и когда Саша слезает со снегохода позади меня, я, кажется, не могу заставить себя пошевелиться.

— Я буду в доме, — говорит она.

— Конечно, — отвечаю я, вытягивая руки на капот машины и опуская голову поверх них.

Не представляю, как долго я сижу здесь, прокручивая в голове весь этот день и желая, чтобы все сложилось иначе.

Черт, я знал, что правильно поступил, когда убил ту девочку много лет назад. Она бы закончила, как Сидни. Она понимала это. Ее мать рассказала ей все, и их поймали за попыткой бегства с территории, на которой их тогда удерживали. Смерть или сексуальное рабство. Они обе хотели умереть.

Дочь отделалась легко, потому что, по крайней мере, она не закончила жизнь, будучи изнасилованной монстром. Гаррет бы никогда не отпустил ее.

Потому я ее убил.

Сколько людей я убил за все эти годы? Больше, чем могу вспомнить.

Я думаю о нашем разговоре с Сидни. Не том, что мы вели в хижине, а том, что состоялся здесь, в моем доме.

Ты простой человек, Кейс?

Ага, конечно. Я охуенно прост, все верно. Убивай или будь убитым. Вот правило, по которому я живу.

Моя мать гордилась бы мной.

Уже довольно темно, когда Саша появляется в дверном проеме гаража. Все эти несколько часов свет был выключен. Я сидел здесь в холоде. Недавно начали выть волки, и я знаю, что если поеду по тропе, то у них сегодня будет пир.

Моментально мои мысли обращаются к Гаррету, поданному сегодня на волчий обеденный стол. И я думаю о том, чтобы присоединиться к нему. Это был бы лучший конец, чем я заслуживаю, и лишь данная мысль меня и останавливает.

— Ты собираешься входить в дом?

Я поднимаю взгляд на Сашу и качаю головой.

— Не думаю, что могу, — я протяжно и грустно вздыхаю. — Вернее, я знаю, что не могу, Саш. Я не могу встретиться лицом к лицу с тем, что случилось здесь сегодня. Я сделал все не так. Когда она сказала, что ты у него, я запаниковал. Я так сильно запаниковал. Я думал, я тебя потеряю. Но знаешь, что?

Саша прикусывает губу и качает головой. Беспокойство искажает ее лицо. Видела ли она меня когда-то в подобном состоянии? Да хоть кто меня таким видел? Не думаю. Я оставил этого парня в Бостоне. Этого мальчика, применяющего силу ради сокрытия собственного страха. Мальчика, который хотел стать безэмоциональным наемником, чтобы

заставить исчезнуть непонятные ему ощущения.

Никто, кроме отца, никогда не видел меня в подобном состоянии.

— Расскажи мне. Мэрк. Потому что прямо сейчас я напугана, — это так. Я чувствую витающий вокруг нее страх. Не из-за *меня*. Я никогда бы не причинил ей боли, и она знает об этом. Но я всегда был крайне саморазрушительной личностью. Она волнуется *за меня*.

И я не заслужил этого.

— Я спас тебя той ночью, потому что убил маленькую девочку, — киваю ей, но она ничего не говорит. — И я думал, что смогу оставить этот грех в прошлом, понимаешь? Но все, что я сделал, лишь ухудшило положение вещей для кое-кого еще. Сидни пострадала в результате моего чувства вины. Я не могу даже представить, что она думает прямо сейчас. Уровень предательства, который она должно быть сейчас ощущает.

Саша походит и кладет руку мне на плечо, несильно ободряюще сжимая.

— Знаешь, что?

Я глубоко вдыхаю и спрашиваю:

— Что?

— Я думаю, ты совершил ошибку, выбрав меня.

— К черту это.

— Потому что я никогда не нуждалась в спасении, Мэрк. Никогда. Я и так была готова сбежать той ночью. Я знала, что они придут за мной, и была готова. Возможно, мне и было только 12, но отец использовал каждую минуту нашего времени вместе, чтобы обучить меня, как позаботиться о себе. Той ночью ты был мне не нужен, в отличии от нее. И она все еще нуждается в тебе, Мэрк. Так что, думаю, тебе просто нужно признать, что стоило тогда поступить иначе и простить себя за это.

Я не знаю, что ответить ей на это. Как я могу признать, что, выбрав ее, поступил неправильно?

— Решение казалось таким простым, Саш. Как я мог так облажаться? Разреши я ему забрать ту маленькую девочку, стала бы жизнь Сидни лучше или хуже? Мы не можем этого узнать. Я думал, что это был непростой выбор. Прыжок веры в то, что ты поступаешь правильно. Веры, что сделанного тобой достаточно.

Когда я поднимаю взгляд, Саша хмурится.

— Ты сделал все, что мог, Мэрк. Никто не осуждает тебя за этот выбор, кроме тебя самого.

— И Сидни.

— Нет, — говорит Саша. — Она сумасшедшая и чувствует себя преданной. Но она не судит тебя. Как она может считать свою жизнь ценнее моей? Я точно не считаю свою жизнь более стоящей, нежели ее. Так что она не может тебя осуждать, Мэрк. Потому что Сидни знает, что если говорить именно об этом выборе, то ни один из вариантов не был верным. Она даже не может сделать верный выбор для самой себя, что уж говорить о троих других людях.

Меня задевает то, что Саша включает в уравнение и ту первую маленькую девочку. Возможно, ее убийство в конце концов было ответом. А возможно, вся моя жизнь — ложь, которую я сам себе твержу.

— Никто не знает. Ты просто делаешь, что можешь и надеешься, что этого достаточно, — продолжает она.

— Я сделал не достаточно. И осознаю это сейчас. Я мог бы вернуться за ней. У меня

была такая возможность. И я не использовал ее. Я позволил жажде мести захватить мою жизнь. И вот где оказался. Благородный выбор, который как думал, я совершил — просто еще один грех в долгом списке моих злодеяний.

Саша вздыхает.

— Иногда, Мэрк, битвы просто непобедимы. Ты должен принять это, как и все остальные маленькие людишки сего мира.

Я сердито смотрю на нее.

— Или, — она улыбается. — Ты отбросишь свою гордыню и пожалеешь о содеянном, — она еще раз сжимает мое плечо. — А затем все искупишь.

Я поднимаю голову и гляжу на нее, гадая, как вообще признать, что я совершил неверный выбор? Потому что все решающие моменты жизни Саши превратили ее в столь умную, сильную и красивую женщину. Но если бы той ночью она сражалась с Компанией один на один, то кем бы была сегодня?

— Думаю, это непосильно.

— Эй, Мэрк?

Я смотрю на нее.

— Что?

— Если ты думаешь, что не сделал все возможное, то знаешь ли, все еще не поздно. Ты — гений. Так иди и сделай что-то гениальное, — затем она уходит, оставляя меня.

CHAPTER FORTY-TWO

SYDNEY

"Когда ты совершил все, что мог, это значит, что ты выложился на полную. И никто не имеет права просить у тебя о большем."

— Сидни

Бретт спит, когда я пробираюсь в дом и направляюсь в его комнату. Это милый дом в Шайенне. Его окружают почти пятьдесят акров земли в собственности Бретта, и они просто простаивают. Что-то типа пастбища, вокруг его дома. Здесь не очень много деревьев, но есть большой пруд и это придает данной местности некий необходимый характер.

Однако, все равно данная собственность слишком большая для одного парня. Четыре спальни, полный всякого хлама подвал и, к тому же, облагороженный чердак. Идеальное

место для огромной семьи.

Я бы хотела сказать, что пришла сюда именно за этим. Чтобы вернуться к своей старой жизни и сыграть упущенную свадьбу. Но не могу.

Я прижимаю FN Five-seveN к его виску и шепчу:

— Давай же, мудака. Дай мне причину не вынести тебе мозги, — я правда хочу, чтобы он дал мне на это причину. Правда хочу представлять лицо Кейса, пока делаю это.

Бретт открывает глаза, пугаясь достаточно, чтобы попытаться сесть до того, как осознает происходящее.

— Сидни? — он кажется действительно смущенным.

Но теперь я знаю его лучше. Путь домой был очень долгим. Я даже не могу сосчитать сколько раз останавливалась на обочине грунтовой дороги, чтобы просто поорать на наполняющих мою голову демонов. Мне потребовалось два дня, чтобы добраться сюда.

— Почему все девочки, Бретт?

— Что? — он смеется, так что я сильнее прижимаю дуло к его виску. — Сидни, что ты делаешь?

— Твои племянницы. Почему они все девочки?

— Я не знаю...

Я так сильно бью пистолетом по его лицу, что его зубы скрипят. Он садится и тянется к моему пистолету, но я стреляю в его плечо. Глушитель на конце пистолета издает лишь тихий треск, больше похожий на звук безвредной петарды, чем пистолета.

Но пуля делает свою работу, разбрызгивая кровь повсюду. Бретта отбрасывает силой высокоскоростной пули и, в конце концов, он оказывается на кровати лицом вниз.

Я бы хотела иметь в запасе время для продолжения беседы — мне бы не помешали несколько ответов. Возможно даже извинение. Или жалкое оправдание. *Мы спасаем мир, Сидни.* Мне бы хотелось иметь время для всего этого, потому что, возможно, я бы почувствовала себя лучше, узнав о зле, которое люди совершают во имя Компании.

Но, увы, у меня нет на это времени. Меня тошнит, и я просто хочу уехать. К тому же его затылок слишком широкий и выглядит, как приглашение.

В духе наемного убийцы, я отправляю Бретта во мрак.

И мое сердце даже не учащается от этого убийства. Ни на миллисекунду. Потому что этот мужчина заслужил смерть.

Множество остановок на обочине по дороге сюда вернули мне воспоминания. Огромное количество доказательств того, что моя жизнь — одна долгая ложь.

Сестры в домике в горах? Не сестры. Жены.

Те прелестные белокурые девочки? Будущий сопутствующий ущерб.

Моя свадьба с Бреттом? Обещание, данное отцом много лет назад.

Гаррет знал, поэтому распрощался с "отношениями", которые у нас были, и исчез. О, промывание мозгов продолжилось. Я была слишком неуравновешенна, чтобы действовать на свое усмотрение. Но со временем, не без участия наркотиков, я перестала сопротивляться. Бретт проследил за тем, чтобы я продолжала находиться в заблуждении, пока бы мы не были официально связаны.

Когда все это настигло меня по дороге домой, я думала, что нет возможности изменить это. Я все еще утопала во лжи и предательстве. Все еще ощущала отвращение к себе и стыд. И возможно, это ничего не меняет? Возможно, его жены действительно не против того, что они делают? Откуда мне знать?

Но убийство этого мужчины кое-что все же изменит. Даже если и незначительно. Возможно, оно сделает жизни тех маленьких девочек лучше. А может нет. Но осознание того, что с Бреттом покончено, дарует мне мир. По крайней мере, я попыталась. Я могла бы убить их матерей и забрать девочек жить с собой. Но я не Кейс. Так что тешусь тем, что Бретт больше никак на них не повлияет.

Потому что это все, чем могу тешиться в данной ситуации.

Я сделала все, что могла.

CHAPTER FORTY-THREE

SYDNEY

"Месть никогда не бывает сладкой, если она оправдана."

— Сидни

Поездка домой вселяет в меня ужас сильнее, чем я того ожидала. Все в этом доме — ложь. Я просто... Просто не могу встретиться с этим лицом к лицу.

Но я отсутствовала здесь несколько недель. На дорогу ушли дни. И мне нужно прямо сейчас прекратить бежать. Мне нужно взглянуть правде в глаза. Нужно собраться и отыскать план дальнейших действий. Необходимо понять, как человек, которым я себя считала, соотносится с тем, кем я являюсь на самом деле.

Мой способ побега в виде выдуманной жизни исчез. Я даже не поняла, как так вышло. Думаю, у реальности просто есть последствия. Но это сложно. Мне так одиноко.

Я еду вдоль тихой улочки Шайенна к старому городу. Когда подъезжаю к зданию, то паркуюсь в переулке за баром, собираюсь поспать в грузовике до того, как пытаться разобраться с тем, что делать дальше. Но если я и правда собираюсь идти дальше, понять свой собственный путь в этом мире, то мне бы хотелось еще раз взглянуть на эту единственную вещь, дарившую мне ранее удовольствие.

Потому я выбираюсь из авто и вспоминаю, что у меня нет ключей. Однако, этому зданию сто двадцать лет. Не все окна закрываются так, как надо. Так что мне не нужны ключи.

Я взбираюсь по пожарной лестнице на второй этаж и залезаю в окно в кабинете. Солнце только встает, так что внутрь просачивается совсем немного света, когда я открываю занавески.

Все кажется таким же, как и раньше. На моем столе царит беспорядок из счетов и чеков

по доставке. Стены украшают фото победителей фермерской ярмарки, которые я купила на очередной ярмарке несколько лет назад. В одном углу расположены коробки с полными бутылками алкоголя. Возле двери висят на крючках мои пальто. Все это покрывает приличный слой пыли. Думаю, я люблю это сильнее всего. Мне приятно думать, что Бретт не приходил сюда, после моего отъезда. Мне нравится думать, что он никогда не заботился об этом месте так, как я, а значит, оно принадлежало только мне.

Вот так, я считаю. Это немного, но уже хоть что-то.

Я направляюсь вниз по лестнице к кассе. Знаю, она пуста, но можно же понадеяться. Я не смею снимать деньги со своего банковского счета. В конце концов, я только что убила Бретта Сеттона. Некоторые предосторожности будут не лишними. От этого мне кажется, что я прикладываю усилия, чтобы выжить и не сдаться.

В баре немного окон. И те, что есть, расположены высоко, да и небольшого размера. По типу окон в подвале. Но света все же достаточно, чтобы разглядеть все вокруг. Бар чист и стулья подняты на столы. Словно мы закрылись сегодня утром. Словно все дерьмо никогда и не происходило и сегодня просто еще один обыденный день.

Но нет. Это мой последний день в роли Сидни Ченнинг. Я не хочу быть ею и дальше.

Я нажимаю кнопку на кассе, открывая ящик, а затем смотрю внутрь в течение нескольких секунд до того, как осознаю, что вижу перед собой.

Множество стопок двадцатидолларовых купюр. Они аккуратно скреплены банковскими лентами.

— Подумал, ты сможешь их использовать.

Я поворачиваюсь в сторону темного угла, откуда исходит тихий голос. Мэрк сидит в тени, его лицо скрыто, пока парень не наклоняется вперед и луч тусклого солнечного света не высвечивает его. Он небрит. На столе лежит потертая ковбойская шляпа, его руки вытянуты вперед, а ноги скрещены. Он кажется уставшим и грустным, таким, какой я себя чувствую.

— Ты мне не нужен, — говорю я.

— Я знаю.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что ты нужна мне.

Я отступаю задом наперед, даже несмотря на то, что он не движется и находится в другом конце комнаты, пока не ударяюсь спиной о шкаф со спиртным.

— Убирайся.

— Я уйду, — говорит он, вставая, но, не делая ни шагу вперед. — Но я заслуживаю шанса рассказать свою версию истории. Если ты хочешь, чтобы я ушел, позволь рассказать, почему я на самом деле совершил все те вещи. Даже если моя история будет отличной от той, что ты додумала.

— О, мой бог, — я смеюсь. — Может я и не знаю всего, Мэрк, но на твой счет мне известно несколько неоспоримых фактов, которые игнорировать.

Он прищуривает свои янтарные глаза.

— Не называй меня так.

— Почему нет? Это же то, кто ты есть, помнишь? Мужчина, сотворивший самого себя. Признай это, Мэрк. Ты — убийца. Ты — лжец. И ты используешь девочек, чтобы делать свою грязную работенку. Прямо как это делал Гаррет. Так что заканчивай со своими тирадами святоши и просто признай это.

Он пожимает плечами, но на какое-то время отводит взгляд. В этом взгляде таятся сомнения.

— Я заслуживаю этого. Но если у меня здесь есть ограничение во времени, то я хотел бы высказать свое мнение до того, как ты вербально ударишь меня кулаком в лицо и вышвырнешь за двери.

Сейчас он складывает руки перед собой. Стоит неподвижно и ожидает моего ответа.

Так что я вскидываю руки вверх.

— Говори.

Он откашливается и приподнимает подбородок. Подготавливая себя к чему-то.

И от этого я нервничаю сильнее, чем хотела бы признавать. Что этот монстр скажет мне? Какие плохие новости он принес на сей раз?

— Я бы хотел вернуть все назад, Сидни. Не оставлять тебя там. Я совершил ошибку...

— Иди. Ты. На. Хуй, — я чувствую, как слезы наворачиваются на глаза. — После всего этого дерьма ты говоришь мне подобное? Думаешь, я позволю тебе войти в мой чертов бар и навешать мне еще больше лапши на уши? Иди на хуй.

Он молчит.

— Ты облажался.

— Я знаю.

— Ты никогда не выбирал меня, Мэрк. Ты никогда не ставил меня на первое место. Ты лишь помог мне, чтобы помочь самому себе. Когда я сказала, что ненавижу тебя, то имела это в виду. Мой вербальный кулак только что ударил по твоим часам, твое время здесь истекло. Убирайся на хрен.

Он шумно выдыхает и кивает.

— Ладно, — затем берет свою шляпу и направляется между столов ко мне. На мгновение меня накрывает паника, что сейчас он пройдет мимо и исчезнет из моей жизни навсегда. Но он не проходит. Вместо того, Кейс останавливается в нескольких метрах от меня посреди комнаты.

— То слово, Сид? Хашш? Я сказал его летом, после того как бросил тебя. Я уже начал за тобой наблюдать. И увидел кое-что, что Гаррет делал с тобой. Но я не знал о промывке мозгов. Клянусь, не знал. Не до того, как забрал тебя в хижину. Только тогда я осознал все это и успокаивающее воздействие слова хашш. Это было просто... — он колеблется. — Судьбой, я думаю. То есть, я почувствовал себя виноватым за то, что оставил тебя, хочешь верь, хочешь нет. Но моя решимость спасти Сашу не имела ничего общего с тем, что ты была недостойна спасения или что-то подобное. Мне просто нужно было знать это, — он качает головой. — Ты никогда не была недостойной. Это я был. Я не должен был тогда бросать тебя. Я облажался, Сидни. Я испортил всю твою жизнь. И сожалею об этом. Я бы поступил иначе, если бы мог вернуть все назад.

Я не могу сказать ни слова. Но не уверена почему.

— Я сказал тебе это слово хашш, когда увидел, как ты однажды плачешь. Тебе еще даже не было шестнадцати. Гаррет оставил тебя возле квартиры, которую вы с ним тогда делили, на улице Боулинг...

В голове я представляю это место. Мэрк был там?

— И, в общем, мне показалось, что это может помочь тебе почувствовать себя лучше. Ты знаешь, если бы ты могла отключиться, когда боишься...

— Это ты *был* у меня в голове.

Он пожимает плечами и так сильно сжимает руки на шляпе, что костяшки белеют.

— Я так не думаю, Сидни. То есть, возможно, все началось именно потому, что я запутал тебя этим словом хашш. Но думаю, в твоей голове все время была ты сама. Не я сопровождал тебя все эти темные моменты жизни, не я учил тебя выживать. Ты знала, что делать, и отыскивала механизм совладания, чтобы пройти через все это. Я не пытался заставить тебя полюбить себя, используя это слово. Я только хотел облегчить твою боль. Боль, которую причинил, оставив тебя.

Я размышляю об этом. Но все еще мои мысли путаются. Я еще столь далека от понимания всего этого дерьма.

Он снова откашливается.

— И я не знаю, что, по-твоему, я делал, накачав тебя наркотиками в прошлый раз, но клянусь, я не пытался тебя убить. Я знал, что ты готова выдать нужную мне информацию и просто не хотел втягивать тебя в свою стычку с Гарретом. Я не планировал, что ты приедешь туда...

— Очевидно, что так, — фыркаю я. — Ты рассчитывал, что я останусь беспомощной.

— ... я просто хотел, чтобы ты была подальше от этого последнего момента. И в этом я тоже потерпел неудачу. Я не спас тебя, когда тебе было шестнадцать и не спас несколько дней назад. Я заставил тебя спасать себя оба раза. Мне жаль, что так вышло. Жаль, что я все испортил. Так что я уйду, но оставлю наличные в том ящике. Если ты когда-то захочешь увидеть меня снова, у тебя будет такая возможность.

И затем он надевает шляпу и направляется к заднему выходу. Он останавливается прямо перед тем, как исчезнуть в темном коридоре, но тем не менее не поворачивается.

— Могу я кое о чем тебя спросить? Только скажи мне правду, как бы там ни было.

Я сдерживаю все, что так хочу сказать прямо сейчас. Я хочу остановить его. Хочу ругать его за то, что оставил меня, когда я рассчитывала на то, что он меня спасет. И одновременно с тем хочу броситься в его объятия.

— Ты жаждешь жестокой правды или мягкой?

Я говорю это в виде шутки, но Кейс оглядывается через плечо и могу сказать, что задела его глубоко. Но он быстро скрывает это и немного поворачивает корпус, когда отвечает мне.

— Обе. Если у тебя есть время.

— Валяй.

— Ты бы все еще хотела меня, если бы я тебя спас?

— Что?

— Ну, знаешь. Если бы ты не возвела меня в ранг некоего героя и не жила бы день ото дня, думая, что я вернусь, чтобы тебя убить. Если бы я никогда не говорил тебе этого слова хашш. Если бы ничего из этого никогда не происходило, и мы бы не провели этим недели вместе. Ты бы все еще хотела меня?

Мгновение я думаю об этом, и жестокая правда так и крутится на кончике моего языка. Но он пришел сюда и открыл мне душу. Сказал, что сожалеет. И я дала ему некоторого рода обещание в его доме в горах. Я сказала Кейсу, что ему лишь нужно сказать мне это и я поверю. Он мог бы сказать это тогда, но не сказал. Однако, люди могут измениться.

Так что я дарю ему мягкую версию правды. Потому что я тоже могу измениться. Это моя единственная надежда и я буду ее держаться. Так что я подхожу к Кейсу и беру его за руку. А затем поднимаю на носочки и целую в щеку.

— Нет, — шепчу я тихо.

И он отпускает мою руку, уходя.

CHAPTER FORTY-FOUR

SYDNEY

"Судите о мужчине по тому, как он относится к своим детям."

— Сидни

Почему-то мой маленький акт мести не дарит удовольствия, которого я так ожидала, скорее вместо этого я ощущаю пустоту ухода Кейса — ухода из бара и из моего сердца — и это поражает. Возможно, я и правда его любила? Быть может, он чувствует что-то ко мне? Но как нафиг мне вообще разобраться во всем этом сейчас?

Ума не приложу. Я не могу выиграть. Что если прямо сейчас поверю его словам и ошибусь? Что тогда? На сколько кусочков тогда разобьется то, что от меня осталось?

Но если позволю ему уйти, а он правда сожалеет. Если он — мужчина, которого я по-настоящему люблю, и я по крайней мере не попытаюсь выкарабкаться из этого чувства предательства... Столько лет сожаления и грусти от неверно принятого решения из-за собственного страха меня ожидает?

Я сажусь на стул возле стола, где он ждал моего возвращения. Даже не представляю, сколько он здесь проторчал, ожидая меня. Может быть несколько дней. Я долго добиралась домой.

И после того, как я утопаю в жалости к себе, как мне кажется, в течение нескольких часов, я вспоминаю, что Кейс сказал, будто оставил мне какие-то деньги в ящике кассы. Так что я поднимаю свой зад со стула и возвращаюсь к бару. Вынимая все пачки двадцаток, я пересчитываю их у себя в уме. Двадцать пять тысяч долларов.

Фактически он оставил мне не деньги. А шанс на новую жизнь. Возможно, так он пытается компенсировать то, что бросил меня в ту ночь восемь лет назад. Или быть может умерить свое чувство вины. Но эти деньги представляют собой нечто большее, когда думаю о том, как он передал их мне.

Кротко.

Извиняясь.

Будучи искренним.

На дне ящика лежит еще и телефон. Возможно, тот, что он отдал мне в хижине, когда

хотел, чтоб я забрала ратрак и уехала. Он был у меня в кармане куртки, но, когда я была уже в грузовике Гаррета, телефона со мной не оказалось. Должно быть он выпал, пока я пробиралась через лес.

Мои пальцы быстро разблокировали экран, и тот ожил.

Высветилось простое фоновое изображение и значки на нем. На иконке сообщений в углу светился зеленый номерок.

Ему есть еще что мне сказать. Что-то, что Кейс не желал говорить лично.

Это немного пугает меня, если быть честной. Велики шансы, что сообщение принесет мне плохие вести.

Но я, конечно же, ни за что не смогу не прочесть его. Мой палец нажимает иконку и сообщение появляется.

Это видео Мэрка.

Я нажимаю проигрыш, и он слабо улыбается мне.

— Я знаю, что хашш заставило тебя думать, будто ты любишь меня, тогда как ты не любила. И я не могу этого изменить. Я могу сказать, что не планировал этого, но тогда солгал бы. Потому что прямо сейчас я так сильно тебя люблю и хочу, чтобы ты чувствовала ко мне то же самое. И я также солгал о том, о чем мы говорили в моем доме, — говорит он, опуская взгляд так, что его темные волосы закрывают глаза. — Думаю, ты не удивлена, — он снова поднимает голову, и я вижу боль в его глазах. — Я умею делать больше, чем просто убивать и готовить, Сидни. Потому я покажу тебе нечто искреннее. И не важно, что ты решишь сделать впоследствии. Это настоящее.

Он тянется вне поля зрения камеры и затем опускает на колени гитару.

— Я довольно хороший музыкант, — он улыбается, и я улыбаюсь вместе с ним. — И умею петь. Так что я спою тебе эту песню, а затем, чтобы ты вдруг не истолковала все неверно, расскажу, что имел в виду.

Он откашливается, как я сейчас понимаю, нервничая, и начинает играть на гитаре. Его голос... ну, сложно поверить, что столь жестокий человек может петь так мягко.

Песня "*Дочери*" Джона Майера.

Я начинаю плакать на первом же куплете и к тому времени, как он заканчивает, превращаюсь в размазню. Он ставит гитару на пол и кладет руки на колени. Еще один признак нервозности. А затем Кейс смотрит прямо в камеру.

— Те люди из Компании, Сидни. Они сделали это с тобой. Забрали твое право на детство. Твое право на отца. У меня нет дочерей, Сид. Но если бы они были, я был бы добр к ним, — на мгновение он смолкает, но за это время мой подбородок начинает дрожать, пока пытаюсь собрать себя в кучу. — Я был бы добр и к тебе. Я бы сделал для тебя все, лишь бы разрушить этот замкнутый круг. И твои дочери бы никогда, слышишь, никогда не должны были бы иметь дел с жестоким убийцей. Я бы отдал ради них свою жизнь, — извиняясь, он пожимает плечами. — Это все, что я могу предложить, так что пойму, если тебе этого недостаточно.

Он тянется к камере и отключает ее.

За всю свою жизнь я никогда не чувствовала себя столь дезориентированной, как сейчас. Ошибалась ли я на его счет все это время?

Еще одно сообщение приходит на телефон, от чего тот вибрирует в моей руке. Должно быть, ему пришло уведомление об открытии мною видео.

В смс сказано:

Клянусь богом, я буду добр к тебе.

CHAPTER FORTY-FIVE



"Настоящий мужчина знает, как нежно вести себя с женщиной."

— Кейс

Я гляжу на экран телефона в течение нескольких минут, просто надеюсь, что она ответит. Надеюсь, но не ожидаю. Потому что ничего не может искупить то, что я сделал.

Когда я уже готов завести грузовик и дать Сидни пространство, в котором она так нуждается, открывается задняя дверь бара. Девушка выглядывает наружу, и я знаю, что она плачет.

Делая шаг на улицу, Сидни видит меня, ожидающего ее в конце переулка. Я выхожу из авто и иду ей навстречу.

— Сид, — говорю я, останавливаясь в нескольких метрах от нее. — Я не могу доказать тебе, что я именно этот мужчина, пока ты не дашь мне шанса стать им. И ты не можешь понять точно, любишь ли меня, пока я не дам тебе шанса ощутить это, — я протягиваю к ней руки. — У меня нет гарантий, и я знаю, что не заслужил еще одного шанса. Но я хочу его, Сидни. Я облажался и сожалею. Я бы хотел вернуть все обратно.

Она идет вперед и берет меня за руку, а затем я притягиваю ее в свои объятия. Поднимаю Сидни на руки и позволяю ей обнять себя руками и ногами, словно она осьминог.

— Я буду добр к тебе, обещаю. Сделаю, что угодно, лишь бы все исправить. Я считаю тебя поразительной. Ты — самый храбрый человек, которого я когда-либо встречал, потому что ты все делала в одиночку. Ты выкарабкалась, без чьей-либо помощи. Твоя сила просто поразительна. И ты так красива. Я не понимаю, как они могли тебя не любить. Правда. Ранить тебя — последнее, чего я хочу. Я желаю сделать тебя счастливой, улыбающейся. Видеть, как растет твоя уверенность. А я знаю, она у тебя есть. Когда ты уехала в Монтану, то расколола меня надвое, Сидни. Ты сказала, что надеешься, я почувствую однажды эту боль, и я почувствовал. Я почувствовал ее. Ты вырвала мое сердце, когда уехала, и я знал, что облажался по всем фронтам. Моему отцу так и не стало лучше, после того, как по его вине умерла мать, потому я пришел сюда умолять тебя. Бороться за тебя. Потому что думаю, что и

мне не станет лучше, если я сделаю это. Даже если ты прямо сейчас уйдешь, по крайней мере, ты узнаешь, что мне жаль...

Она отклоняется назад и останавливает меня, прикладывая два пальца к моим губам.

— *Хаши.*

Я позволяю себе улыбнуться и крепче сжать ее в своих объятиях.

— Это не срабатывает по отношению ко мне, ковгерл. Однако, тебе и не нужно это. Потому что я уже тебя люблю.

Она целует меня в шею и, наклоняясь к уху, шепчет:

— Это не срабатывает и по отношению ко мне. И никогда не срабатывало, Кейс. Я просто увидела того человека, которым ты *мог бы быть*, еще когда мне было шестнадцать. Я увидела это восемь лет назад, до того, как ты сам увидел это в себе. И я оказала тебе доверие не без причины. Возможно, мы не влюбились в друг друга, как большинство других людей. И быть может нам потребовалось больше времени, чтобы найти настоящих себя. Но меня это устраивает. Вот мы. Мы сделали это. *Вместе*. Я всегда тебя любила, и никакое слово не могло заполнить меня этим чувством вот так, как оно наполняет меня прямо сейчас.

— Я обязан тебе счастливым концом нашей истории.

— Это было бы кстати.

— Хотя думаю, у нас и так уже есть счастливая концовка.

— Думаю, да.

Я ставлю ее на землю, и мы возвращаемся в бар, чтобы закрыть его. Возможно не навсегда. Но пока что да. Все ошибки, что мы допустили, должны остаться там, где им место. В прошлом. Потому что единственное, что сейчас достойно жизни — это будущее.

Вот так мы покидаем тьму. Забираемся в грузовик и сдаем задним ходом на дорогу, а затем я везу ее в яркое и светлое место.

И мы ни разу не оглядываемся.

Мы смотрим только вперед, наши взгляды устремлены к солнцу.

EPILOGUE

"Вы можете жить в сердце ада и оставаться при этом счастливым. Но только пока этот ад — ваш дом."

— *Кейс*

— Знаешь, почему нам нравится пустыня, Сид?

Она смотрит на мою конспиративную квартиру на окраине Палм-Спирнгс с выражением полнейшего отвращения, пока я пытаюсь подобрать подходящий к передней двери ключ. Я не виню ее. У меня есть сруб за четыре миллиона долларов в Монтате и это... ну, думаю, с учетом ремонта данная квартира встала мне в семнадцать штук.

— Кто мы? — спрашивает она, одновременно стряхивая паука, что пытается забраться на ее сандалию, и вытирая пот со лба. Сегодня 36 градусов тепла. И на дворе лишь конец марта. Мы путешествуем уже несколько недель, просто наслаждаясь друг другом. И

свободой, которую мы оба обрели. Но я готов осесть, так что привез ее сюда. В мое любимое во всем чертовом мире место.

К тому же, здесь солнечный свет заливает все пространство до самого горизонта.

— Гмм... — блядь. Я больше не наемный убийца, и приехал сюда не для того, чтобы отсидеться. Хотя уже рассказывал Сидни, что наемники приезжают в пустыню, чтобы переждать здесь какое-то время после совершенного убийства. Но, тем не менее, сейчас мне нужно что-то ответить. — Ты и я, — отвечаю, собираясь с мыслями.

— Здесь жарко.

— Так и должно быть. Это же пустыня.

— И это место, Кейс... Я жила в лесах иногда по несколько недель. Но, — она обмахивается, пока я все еще пытаюсь подобрать ключ, — здесь правда *жарко*. У этого дома вообще есть почтовый индекс?

Дверь открывается, и поток прохладного воздуха ударяет ей в лицо. Она вспоминает, что я говорил и смотрит на меня с улыбкой. Я люблю ее улыбку.

— Почему нам здесь нравится?

Я заталкиваю Сидни в квартиру и наблюдаю за ее выражением, пока она разглядывает все. Девушка спускается вниз по лестнице в зону гостиной и с каждой ступенькой температура становится ниже. Все благодаря толстым кирпичным стенам. И расположению основной части здания под землей.

Сидни подходит к комфортному дивану на прохладном плиточном полу. Возле покрытого испанской мозаикой камина, который я использую холодными зимними ночами, размещены картины и гитара. Сидни направляется к арке, ведущей на кухню. Она оформлена в индустриальном стиле, с профессиональной техникой, белыми шкафчиками и столешницей из камня. Я следую за Сид, наслаждаясь ее реакцией.

— Нам нравится здесь, — говорю я, привлекая внимание девушки, и ее тело поворачивается ко мне, — потому что я собираюсь любить тебя в каждой комнате этого дома. И здесь я сделаю тебя беременной. Здесь мы вырастим детей и построим наш оазис на заднем дворе с бассейном и озером. Мы сделаем все, что только захотим. И всегда будем здесь самими собой. Здесь мы начнем нашу новую жизнь, Сид. И именно поэтому нам здесь нравится. Нам здесь нравится... потому что это наш дом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net